

Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана

Факультет «Социальные и гуманитарные науки»

Академия военных наук
1 Отделение – Отделение общих проблем войны, мира и армии

ИНФОРМАЦИОННАЯ АНАЛИТИКА И ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Издательство «Экон-Информ»
Москва 2026

УДК 304:00:316

ББК 60.56:73

И74

Рецензент:

С.В. Смольский, доктор политических наук, профессор

И74 Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления: коллективная монография / факультет «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ имени Н.Э. Баумана, Академия военных наук; под общ. ред. В.Н. Ремарчука, И.В. Бочарникова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2026. – 229 с.
ISBN 978-5-908062-34-3

Коллективная монография «**Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления**» подготовлена по итогам работы IV-й Международной научно-практической конференции «Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления: проблемы, перспективы и тенденции реализации и применения», состоявшейся 20 ноября 2025 года в МГТУ имени Н.Э. Баумана. Организаторами конференции выступили факультет «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ имени Н.Э. Баумана совместно с 1 Отделением общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук.

В монографии нашли отражение вопросы, связанные с осмыслением методологических проблем исследования информационной аналитики, анализа тенденций и современной практики применения информационной аналитики и информационных технологий в процессе подготовки и принятия управленческих решений, а также других аспектов информационно-аналитической деятельности.

Материалы монографии могут быть применены в процессе использования информационной аналитики в практической деятельности, организации научно-исследовательских работ и подготовки специалистов в области информационной аналитики.

УДК 304:00:316

ББК 60.56:73

ISBN 978-5-908062-34-3

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вашему вниманию предлагается коллективная монография, изданная по материалам IV Международной научно-практической конференции **«Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления: проблемы, перспективы, тенденции реализации и применения»**, которая проводилась 20 ноября 2025 года кафедрой «Информационная аналитика и политические технологии» факультета «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ имени Н.Э. Баумана совместно с 1 Отделением – Отделением общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук.

Вот уже четвертый год мы обращаем внимание на данную проблематику, поскольку аналитика в целом и информационная аналитика в частности становится интереснейшей и весьма востребованной областью теоретической и практической деятельности. И это не случайно, ведь мир, в котором мы живем, сложный, противоречивый, насыщен неожиданностями и неопределенностями, которые во многом обуславливаются информационными потоками. Следовательно, эти информационные потоки необходимо видеть, понимать, анализировать. На эту проблематику и нацелена информационная аналитика.

Понятие *аналитика* во многих государственных органах, коммерческих структурах нередко используют, подразумевая всего лишь данные за определенный период или метрики, как различного рода

отчеты, сводки, красиво оформленные. Однако аналитика – это деятельность совсем иного рода. Это поиск скрытых закономерностей и построение прогностических (предсказывающих, предиктивных) моделей посредством конкретного набора аналитических инструментов. Аналитика проверяет модели на прочность, достоверность или позволяет находить новые модели исследуемых информационных объектов или процессов. Собственно говоря, именно такой аналитике, набору современных инструментов для поиска скрытых закономерностей и прогностического анализа и посвящаются наши конференции. Как оказалось, задача эта не из простых, намного легче разъяснить, что такое аналитика, насколько она важна, но сложно делиться технологиями, позволяющими разъяснить аналитику-практику, как это сделать.

На наш взгляд, информационная аналитика и представляет собой ту научно-теоретическую область, которая занимается выявлением смыслов информационных потоков, получением из обилия данных ценных знаний и понимания сущности происходящих событий и явлений.

Занятие аналитикой включает в себя изучение и интерпретацию информации, чтобы получить ценные знания и понимание определенного информационного явления или ситуации. Цель аналитики – найти паттерны, тренды и взаимосвязи между данными, чтобы принимать обоснованные решения и предсказывать будущие информационных событий.

Несомненно, на работу аналитика существенное влияние оказывает направление профессиональной деятельности, иными словами, предметная область. Такое разнообразие как бы формирует множество аналитик. Это имеет место, но существует то, что объединяет профессионалов большинства предметных областей, – это методология, методика и техника информационно-аналитической работы. Именно методология информационно-аналитической работы пред-

ставляется тем сокровищем, которое пока недостаточно востребовано и используется лишь в незначительной мере государственными, коммерческими структурами и местным самоуправлением для совершенствования системы управления. В то же время за информационно-аналитической работой скрывается возможность оптимизировать сложные и судьбоносные проблемы, определяющие перспективы социального развития.

Еще одно направление, объединяющее всех профессиональных аналитиков, – это интеллектуальная аналитика, причем речь не идет о работе интеллектуальных аналитических систем, а речь о когнитивных навыках, знаниях и умениях, столь необходимых в аналитической деятельности. Мы понимаем актуальность и неизбежность цифровизации, но недопустимо развивать искусственный интеллект в ущерб естественному. Можно все перевести в цифру, но, если возникнут проблемы с интернетом, электричеством, «железом», которое все импортное, мы встанем и будем слепыми и глухими. Важно готовить аналитиков умению работать головой. Научить этому можно, сформировав стройную систему подготовки кадров для аналитической работы. К сожалению, у нас в системе образования она пока не сложилась. Нет соответствующих образовательных стандартов, недостаточно программ и курсов обучения, отсутствует порядок лицензирования аналитической деятельности. Кроме того, не сформирована квалификационная система в аналитике, не отработан кадровый учет и контроль профессиональной деятельности субъектов профессиональной аналитической деятельности. Как результат, большинство сотрудников существующих аналитических подразделений даже по формальным юридическим признакам не могут быть отнесены к профессиональным аналитикам, хотя многие из них уже далеко не любители¹. Все это обусловлено тем, что

¹ См.: Исследование рынка аналитиков. URL: <https://newhr.org/data/research-analysts-2024?ysclid=mi0aabs8n8886960760>

с начала XXI века аналитическая деятельность в нашей стране де-факто выделилась в самостоятельный вид деятельности, но де-юре она пока не сформировалась. Несомненно, эти вопросы также были в фокусе внимания нашей конференции. Мы признательны участникам ставшей традиционно-ежегодной конференции и приглашаем всех, интересующихся проблематикой информационной аналитики, к будущим дискуссиям и обсуждениям.

Авторский коллектив полагает, что монография будет полезной тем, кто занимается информационными технологиями в сфере информационной аналитики, студентам, магистрам, аспирантам, а также тем, кто интересуется применением аналитических технологий в управленческой деятельности органов государственной власти и управления.

*Декан факультета «Социальные и гуманитарные науки»,
заведующий кафедрой информационной аналитики
и политических технологий, доктор философских наук,
профессор
В.Н. Ремарчук*

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Важнейшим результатом стремительного развития технологий обработки, обмена и хранения информации стало возрастание значимости информационной сферы в жизни общества. В первой четверти XXI века успешность решения многих задач в политике, экономике, социальной и духовной областях во многом стала зависеть от наличия возможностей использования новейших достижений современных информационных технологий, важнейшими из которых выступают информационно-аналитические, базирующиеся на интеллектуальной переработке исходной информации и получении качественно новых знаний, необходимых, прежде всего, для планирования и реализации процессов государственного и военного управления.

Развитие информационно-аналитических технологий и информационной аналитики в целом является для оборонной сферы первостепенным направлением повышения эффективности военного планирования, улучшения качества принимаемых решений. Этому всемерно способствует проведение МГТУ им. Н.Э. Баумана совместно с Академией военных наук уже четвертой по счету Международной научно-практической конференции «Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления: проблемы, перспективы и тенденции реализации и применения», которая превратилась уже в добрую традицию и стала удобной творческой площадкой, позволяющей на постоянной основе осуществлять обмен мнениями и выработать консолидированные позиции по обсуждаемым вопросам.

Представителями Академии военных наук материалы всех трех предыдущих конференций были переданы в фонды Военно-научной библиотеки Генерального штаба и пользуются заслуженным интересом генералов и офицеров, военных ученых.

Позвольте от имени Президиума Академии военных наук и Военно-научного комитета Вооруженных Сил Российской Федерации поприветствовать организаторов, участников и гостей конференции и пожелать всем ее участникам дальнейших творческих успехов в проведении научных исследований в области обороны, вносящих весомый вклад в достижение целей специальной военной операции и нашей Победы.

*Вице-президент Академии военных наук,
доктор технических наук
С.П. Белоконь*

ЧАСТЬ I

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ

РАБОТЫ

ПОНЯТИЕ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ

ДЕСКРИПТИВНОЙ (ОПИСАТЕЛЬНОЙ)

АНАЛИТИКИ

В.Н. Ремарчук

Мы живем в мире данных, значительная часть которых находится в открытом доступе, но для работы с ними, получения практической пользы их необходимо соответствующим образом обработать, сформировать и представить. Deskriptivnaya (opisatel'naya) analitika kak raz yavlyetsya pervoy stupenyu takoy deyatelnosti.

Если обратиться к этимологии слова «описание», оно означает – словесное изображение чего-либо или кого-либо, включающее в себя все его важные характеристики, качества или свойства. Следовательно, описательный метод – это метод, описывающий то, что имело или имеет место. Но прежде всего, это вид научного метода, представляющий собой систему процедур сбора, первичного анализа и изложения данных и их характеристик.

Следовательно, *дескриптивная (описательная) аналитика* [англ. descriptive analytics] – это технология использования текущих и прошлых (исторических) данных для выявления закономерностей, тенденций и взаимосвязей информационных событий и явлений. Нахождение зависимостей и закономерностей в информационных потоках позволяет нам выявить ценные идеи, модели и тенденции, что способствует адекватному социальной реальности принятию решений и достижению поставленных управленческих целей.

Иногда данную технологию называют простейшей формой анализа данных, потому что она описывает фактические данные, но не копает глубже.

Практики информационной аналитики считают, что это один из самых базовых уровней классификации аналитики, используемый почти 90 % специалистов.

Чаще всего описательная аналитика концентрируется на прошлых данных, данных о прошедших, наступивших информационных событиях, предоставляя контекст, который жизненно важен для понимания происходящих в настоящее время процессов. Именно поэтому ее называют аналитикой случившегося, поскольку она позволяет получить более глубокий взгляд на данные, чтобы объяснить причины тех или иных событий, динамики и логики процессов и т. д.

Аналитическое описание предполагает перечисление всех интересующих нас характеристик объекта анализа (человека, события, группы). В качественном исследовании такое описание носит название *насыщенного, плотного описания*, в нем, кроме фиксации *самого события или отношения*, могут быть выделены: а) его *контекст*; б) *субъективная значимость* происходящего для участников действия; в) *каким образом* происходил процесс.

Разложение эпизода на элементы может происходить и по другим основаниям в зависимости от целей исследователя. Важно, чтобы они позволяли всесторонне описать событие или эпизод.

Иногда рекомендуется ответить на несколько элементарных вопросов относительно данного информационного эпизода, например: Кто? Когда? Где? Почему?

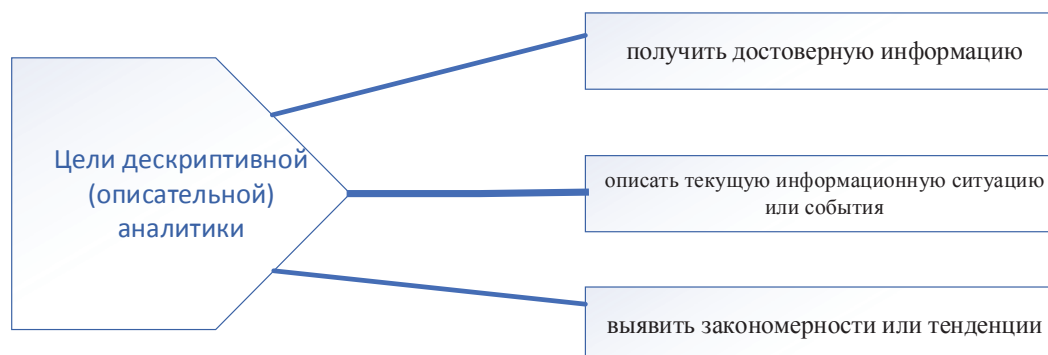

Рис. 1. Цели дескриптивной (описательной) аналитики

Цели описательной аналитики, как правило, обусловлены поставленными задачами, качеством и характером предварительной подготовки. В обобщенном виде мы их можем сформулировать следующим образом: *цель описательной аналитики* – получить достоверную информацию об основных характеристиках информационных данных, описать текущую информационную ситуацию или событие, произошедшие в определенный период времени, выявить закономерности или тенденции в информационных процессах, информационных событиях и явлениях, что позволит более адекватно информационной реальности осуществлять управление и взаимодействие.

В соответствии с целями описательной аналитики формулируются ее задачи. В интегральном виде, они *позволяют*:

- *зафиксировать прошлые информационные события*, что предполагает сбор и фиксацию информации, относящейся к информационным событиям, явлениям прошлого, а также использование имеющейся по ним базы знаний;
- *агрегировать² данные*. Агрегирование данных по информационным событиям – это процесс объединения и обобщения

² Агрегирование – процесс преобразования данных с высокой степенью детализации к более обобщенному представлению.

данных из разрозненных источников в единый набор данных. Данные подготавливаются для анализа таким образом, чтобы упростить выявление и понимание закономерностей и идей, которые невозможно наблюдать без предварительной обработки.

Работа агрегаторов данных включает в себя три этапа:

Сбор данных из различных наборов из базы данных.

Обработка данных. После сбора данных агрегатор находит атомарные данные и агрегирует их. В технике обработки агрегаторы используют различные алгоритмы из области искусственного интеллекта или техники машинного обучения, а также могут включать в себя статистические методы обработки, такой как прогнозный анализ.

Представление данных. После этапа обработки данные представляются в обобщенном формате, который может обеспечить желаемый статистический результат с подробными и точными данными. Чаще всего данные для агрегирования поступают из различных мест, таких как базы данных, веб-сайты, опросы и другие источники данных. Нередко агрегирование данных требует базовых математических знаний, позволяющих вычислять суммы, средние значения, максимальные и минимальные значения, количество строк и т. д. для группировки строк в результирующем наборе и т. п.;

- *понять, что произошло (не вдаваясь в причину)*. Понимание того, что произошло, имеет решающее значение для принятия обоснованных решений в анализе данных;
- *представить данные в обобщенном, удобном для работы аналитика формате*. Как правило, для этого используют дашборды, сводные таблиц, графики и интерактивные информационные панели;
- *интерпретировать данные*³ – это процесс понимания данных путем анализа и извлечения из них значимой инфор-

³ Интерпретация данных – это толкование, изъяснение, объяснение смысла данных, полученных в ходе исследования.

мации. Интерпретация – процесс превращения данных в информацию, процесс придания им смысла. Он зависит от многих факторов: кто интерпретирует данные, какой информацией уже располагает интерпретатор, с каких позиций он рассматривает полученные данные и т. д. Процесс интерпретации может осуществляться человеком или группой лиц, при этом он может быть творческим (например, музицирование по нотной записи) или формальным (определение времени по часам).

Основными методами интерпретации данных могут быть:

- качественный анализ. Он предполагает более глубокий анализ данных, который позволяет выявить скрытые закономерности и связи между переменными. Качественный анализ может включать в себя анализ текстов, интервью, наблюдений и других источников информации;
- системный анализ. Он фокусируется на анализе системы в целом, а не только на отдельных ее элементах. Системный анализ позволяет выявить взаимосвязи между различными компонентами системы и определить влияние изменений в одном элементе на всю систему;
- метод интерпретации данных может быть основан на экспертном мнении. Этот метод предполагает привлечение экспертов для анализа данных и формулирования выводов. Эксперты могут использовать свой опыт и знания для интерпретации данных и определения наиболее значимых результатов.

В зависимости от целей и задач исследования аналитик может использовать комбинацию этих методов или разработать свой собственный подход к интерпретации данных. Важно помнить, что интерпретация данных должна быть обоснованной и подтвержденной результатами исследования.

Некоторые инструменты интерпретации данных показаны на рис. 2, в их числе: соотнесение, сравнение, последовательное исключение, синтез.

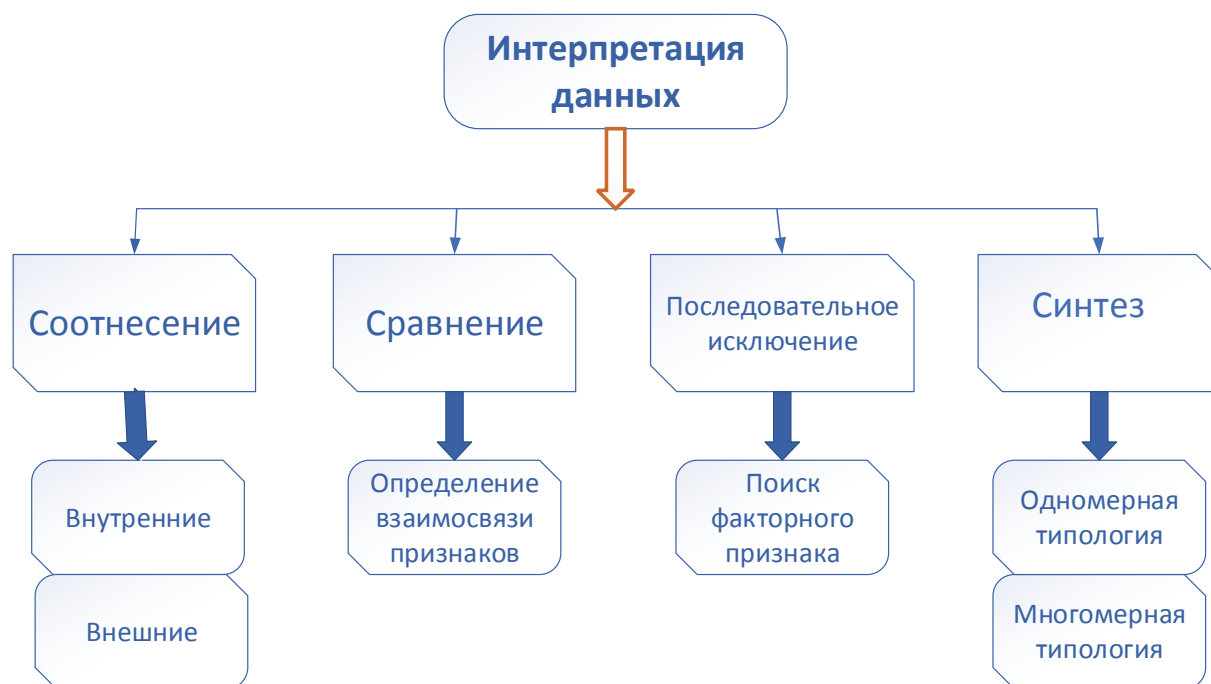

Рис. 2. Интерпретация данных

Благодаря методам описательной аналитики изначально отсеиваются второстепенные моменты, погружаясь в суть информационных событий с учетом заданной цели, намеченных задач и выдвинутой гипотезы, особенностей объекта и предмета исследования. Такие приемы оптимизируют выборку, позволяя получить более точные результаты.

Методы описательной аналитики включают в себя такие техники, как среднее значение, медианы, режим, диапазон и стандартное отклонение, которые помогают количественно оценить различные аспекты данных. Инструменты визуализации, такие как диаграммы, графики и панели инструментов, часто используются для представления информации визуально привлекательным и легко понятным образом.

Описательные исследования могут генерировать гипотезы или идеи о возможных причинах или факторах, влияющих на определенное информационное явление или событие. И, наконец, описательные исследования могут помочь аналитикам лучше понять конкретное социальное явление или информационное событие, что может быть полезно для разработки эффективных мероприятий.

В целом алгоритм описательной аналитики можно представить следующим образом:

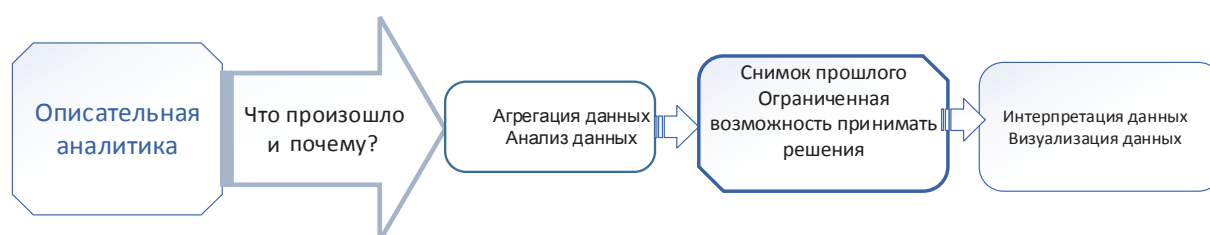

Рис. 3. Общий алгоритм дескриптивной (описательной) аналитики

Следует заметить, что социальная аналитика в значительной степени опирается на описательную аналитику, используя такие показатели, как количество подписчиков, лайки и смысл, содержание публикаций. Эти показатели помогают измерять вовлеченность в социальные сети, среднее время отклика, просмотры страниц и другие связанные показатели. В качестве инструментов, позволяющих осуществить анализ социальных явлений, информационных событий, можно привести Google Analytics – это стандартный инструмент описательной аналитики, предоставляющий такие показатели, как просмотры страниц, для оценки прошлой эффективности. Кроме того, можно использовать методы интеллектуального анализа данных и агрегирования, а также инструменты, такие как MS Excel, MATLAB (матричная лаборатория), STATA и др.

Описательная аналитика, как правило, оперирует с количественными и качественными данными и отвечает на вопросы: «Что произошло?», «Как это было?», «Что и как происходит?».

Теперь рассмотрим их сущность.

Итак, *количественные данные* – это тип данных, в которых выполняется их классификация по количеству, сумме или диапазону. Они выражаются с помощью числа, единиц измерения или числовых значений. Другими словами, можно сказать, что это работа с числами, в которой также могут применяться различные арифметические операции, и для нее также можно проверить правильность, при этом данные подсчитываются или выражаются численно. Табличные диаграммы, графики, гистограммы используются для выражения их сути. Измерение длины, объема, площади и температуры – лишь немногие из ярких примеров такого типа анализа данных. Цифры в этом случае требуются вместе с единицами измерения.

Количественные данные подразделяются на две категории:

- дискретные данные;
- непрерывные данные.

Рис. 4. Категории количественных данных

Дискретный тип данных – это тип данных в статистике, который использует только дискретные значения или единичные значения. Они имеют значения, которые можно легко посчитать как целые числа. Примером дискретных типов данных являются: рост студентов в группе, оценки студентов на тестировании, вес членов семьи и т. д.

Непрерывные данные – это тип количественных данных, которые представляются в непрерывном диапазоне. Переменная в наборе данных может иметь любое значение в пределах диапазона набора данных. Примерами непрерывных типов данных являются: диапазон температур, диапазон заработной платы рабочих на заводе и т. д.

Среди множества способов описания количественных данных обратимся к характеристикам некоторых.

Объем данных. Большинству методов моделирования свойственны преимущества и недостатки, связанные с размером данных. Большие наборы данных могут создавать более точные модели, но при этом растет и время обработки.

Типы значений. Данные могут поступать в различных форматах – *числовых, категориальных* (строковых) или *логических* (да/нет). Внимание, уделенное типу значений, может предотвратить проблемы при моделировании в дальнейшем.

Схемы кодирования. Значения в базе данных часто являются представлениями характеристик, таких как пол покупателя или тип продукта. Например, для одного набора данных могут использоваться значения *М* и *Ж*, представляющие *мужчин* и *женщин*, а для другого – числовые значения *1* и *2*. Полученные отмеченными способами данные позволяют составить отчет с их подробным описанием, что должно позволить оперировать этими данными более широкой аудитории.

Таким образом, количественные данные – это основа дескриптивной аналитики, одна из стратегий, позволяющая получить реальные результаты. Данные, которые можно измерить и проверить, дают нам информацию о величинах, т. е. информацию, которую можно измерить и записать цифрами. Количественные данные определяют число, в то время как качественные данные являются описательными.

Теперь обратимся к подходам в работе к качественным данным в рамках дескриптивной (описательной) аналитики.

Качественные данные – это не числовые данные, которые описывают качества, характеристики, представляют иную описательную информацию о явлении, событии или предмете, по которым собираются данные. Качественные данные – это набор слабоструктурированных текстов в форме транскриптов⁴, фотографий, дневников, заметок, сообщений из печатных источников, социальных сетей и пр. При этом, что очень важно, они несут в себе смыслы, представлены языком или словами, а не числами или числовыми значениями. Качественные данные – это данные, которые можно наблюдать, но нельзя измерить. Классификация объектов в этом типе данных выполняется по атрибутам и свойствам.

Это подтверждается характеристиками качественных данных:

- качественные данные носят описательный характер, т. е. они подробно описывают и объясняют явление, а также часто предоставляют богатую контекстную информацию;
- качественные данные имеют нечисловую природу, т. е. представлены в виде заметок, фотографий и анкет;
- поскольку эти данные носят описательный и нечисловой характер, разные люди могут интерпретировать их по-разному, поэтому анализ такого рода данных различается у разных исследователей;
- в качественном сборе данных собранные данные не очень конкретны. Они содержат открытые подробные ответы, нередко опыт, предоставленные участниками.

Качественные данные бывают двух типов: номинальные и порядковые (рис. 5).

⁴ Транскрипт – первичный текстовый документ, полученный в ходе полевого исследования и подлежащий последующему анализу.

Рис. 5. Типы качественных данных

*Номинальные*⁵ *данные* – это форма нечисловых данных, которые описывают свойства или характеристики объектов без установки количественной меры. Они могут быть представлены с помощью названий, на что указывает их латинское происхождение, включают в себя именованные или помеченные данные и не принимают во внимание числовые значения. Например, различные жанры фильмов или сериалов, такие как ужасы, научная фантастика и ромкомы, являются номинальными категориальными данными, которые помечены в разных формах.

Порядковые качественные данные используют определенную шкалу или показатель для группировки данных по категориям или группам. Данные обычно упорядочены или измеряются, но шкала,

⁵ Номинальный – являющийся каким-либо или чем-либо только по названию, только называющийся, но не выполняющий своего назначения.

используемая для представления данных, может быть нестандартной или специфичной. Этот тип данных включает в себя числовые значения и отображает свойства как категориальных, так и числовых данных. Категориальные данные можно анализировать, создавая группы, и их можно визуально представить с помощью гистограмм. Порядковые категориальные данные можно проиллюстрировать с помощью опросов, в которых для вычисления сравнительных данных, относящихся к группам по категориальным переменным, используются числа. Например: оценки студентов, уровни образования (школа, ПТУ, вуз).

Как собирают качественные данные?

1. *Наблюдение и сбор данных в реальном времени.* Например, камеры «умного города», позволяющие решать многие вопросы по управлению мегаполисом.

2. *Интервью и опросы.* Так собирают информацию о предпочтениях пользователей, мнениях о товарах или услугах, об отношении к тем или иным информационным и реальным событиям.

3. *Социальные сети, онлайн-платформы.* Здесь методом парсинга и веб-скрапинга собирают и сортируют сообщения, комментарии по интересующему вопросу.

4. *Краудсорсинг⁶ и платформы с открытым доступом.* На облачных ресурсах можно поставить участникам задачу по сбору данных.

5. *Из открытых источников.* По техническому заданию специалисты отбирают необходимые данные для формирования датасета.

6. *Синтетический рендеринг.* Если реальных данных недостаточно или собирать их слишком дорого, они создаются искусственно.

Во всем многообразии данных для информационной аналитики существенную актуальность и практическую ценность представляют семантические данные.

⁶ Краудсёрсинг – привлечение к решению тех или иных проблем инновационной производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта.

Поскольку в качественных данных есть значительный элемент субъективности, существует ряд критериев, по которым оценивается их правильность, полнота, точность и надежность. К ним относятся:

правильность (accuracy) – это соответствие данных реальности и корректность их интерпретации. Например, информация о событии, максимально приближенная к нему по временному интервалу, оценивается выше. Так же как и первичная информация ценнее, чем вторичная и последующие;

полнота (completeness) – достаточность объема, глубины и широты наборов данных. Неполнота приводит либо к невозможности анализа, либо к необходимости отталкиваться от некоторых предположений или допущений относительно пропущенной информации;

релевантность (relevance) – показатель того, насколько данные соответствуют целям и решаемым задачам;

объективность (objectivity) – уверенность, что данные не содержат предвзятых мнений или субъективных оценок. Особенно много проблем с объективностью возникает, когда анализируются данные опросов или обратной связи от клиентов;

валидность (validity) – соответствие многочисленным атрибутам, связанным с элементом данных: тип, точность, формат, диапазоны допустимых значений и т. д. Например, в поле e-mail строка должна соответствовать стандарту написания электронных адресов;

точность (precision) – детальность измерения и фиксации данных. В зависимости от особенностей процесса и целей анализа показатели необходимо фиксировать с точностью до дня, часа, минуты или секунды, либо вес товара измерять с точностью до тонны или грамма;

своевременность (timeliness) – время после сбора данных, по прошествии которого они становятся доступными для анализа. Оно должно соответствовать скорости анализируемого процесса. Кор-

ректные, но устаревшие данные бесполезны для принятия оперативных решений.

В заключение представим сравнительную характеристику качественных и количественных данных (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнительная характеристика
качественных и количественных данных**

	Качественные данные	Количественные данные
Определение	Качественные данные – это данные, которые можно наблюдать, но нельзя измерить	Количественные данные представлены в виде чисел, числовых значений и единиц измерения
Характеристики	Текстура, вкус, ощущение, запах – это лишь некоторые из наблюдаемых свойств, которые используются в этой качественной интерпретации данных	Данные классифицируются на разные группы по количеству или диапазону качественных данных
Природа	Для качественных данных существует нестатистический анализ	Статистический анализ используется для количественных данных
Представление	В качественных данных для выражения используются слова	В количественных данных для выражения используются числа и единицы измерения

Таким образом, дескриптивная (описательная) аналитика ориентирована на получение эмпирической информации, дающей возможность сформировать относительно целостное описание прошедшего события, явления или процесса, его основных структурных компонентов и иных качественных характеристик.

Итак, мы выяснили, что первый уровень анализа – это уровень дескриптивных (или описательных) методов.

Чтобы качественно осуществить описательную аналитику, следует начать с четкого определения своей цели, определения вопросов, на которые вы хотите ответить, или постановки проблем, которые вы хотите решить с помощью интерпретации данных. Это направит ваш анализ в нужное русло и поможет вам сосредоточиться на наиболее важных аспектах данных.

Как работает описательная аналитика?

Описательная аналитика включает в себя анализ и упрощение прошлых (исторических) данных для получения представления о предыдущих информационных событиях, тенденциях и закономерностях. Такая техника гораздо ближе к отчетности, чем к тому, что большинство людей считает аналитикой. Однако это важный первый шаг на пути понимания информационных событий и явлений. Рассмотрим основные этапы дескриптивной (описательной) аналитики (рис. 6), и прокомментируем те, которые относятся к технологическим приемам анализа.

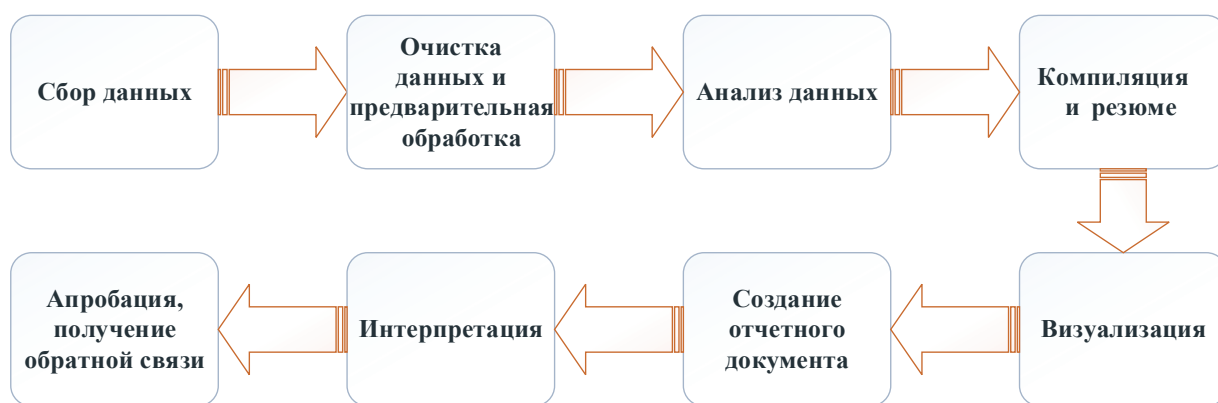

Рис. 6. Этапы описательной аналитики

1. **Сбор данных:** сбор полезной информации является начальным этапом процесса описательной аналитики. При этом необходимо определить источники данных и методы их сбора. Как правило, данные собираются из самых разных источников с использованием множества ресурсов, таких как базы данных, элек-

тронные таблицы и другие хранилища данных. Все они предоставляют эти данные. Поскольку они напрямую влияют на точность описательной аналитики, важно убедиться, что данные являются точными, полными и актуальными. Данные могут быть в определенном формате, таком как электронные таблицы, таблицы базы данных, CSV⁷ и т. д.

2. **Очистка данных и предварительная обработка:** полученные данные обычно необходимо очистить и предварительно обработать перед началом анализа. Это включает в себя удаление дубликатов, обработку пропущенных значений, обеспечение терминологической согласованности и точности, преобразование данных в единую структуру, стандартизацию форматов, а также и обработку пропущенных или неправильных значений. Чистые и хорошо обработанные данные гарантируют надежность последующей аналитики, как правило, это хорошая основа для надежной интерпретации.

3. **Анализ данных:** обеспечивает понимание структуры и особенностей набора данных. Метод **анализа данных** помогают находить закономерности, тенденции и возможные отклонения в данных. Они включают в себя создание гистограмм, точечных диаграмм и сводной статистики, различных таблиц. Чаще всего здесь применяются статистические методы.

Сформулируем основные элементы сложившегося методико-аналитического ландшафта анализа качественных данных, а именно аналитических практик, методов, программных решений.

Уве Флик⁸ отмечает, что качественный анализ данных, как и качественное исследование в целом, может быть представлен в форме

⁷ CSV – это файлы особого типа, которые можно создавать и редактировать в Excel.

⁸ Уве Флик – старший профессор качественного исследования в области социальных наук и образования в Свободном университете Берлина, Германия. По образованию – психолог и социолог. В 2019 году Уве Флик получил пожизненную премию в области качественного исследования на 15-м Международном конгрессе качественного исследования.

трех подходов, развивающихся от анализа мира индивида к более общим социальным структурам.

Первый подход ставит в центр внимания субъективные переживания и смыслы индивидов.

Второй подход фокусируется на описании процесса создания социальной ситуации.

Третий подход заключается в том, чтобы выйти за пределы первых двух в области имплицитного и неявного для анализа ... социального явления.... Данные тоже могут быть взяты из записей взаимодействий. Здесь интерпретации явлений, взаимодействия и дискурсы выходят на первый план. Теоретическая основа третьего подхода, как отмечает У. Флик, – это структуралистские и психоаналитические модели⁹.

Конечно же это очень широкие подходы, они в лучшем случае формируют предметное поле. Теперь перейдем к конкретным технологиям. Так, профессиональная аналитика при работе с качественными данными выделяет два основных подхода для их анализа: дедуктивный подход и индуктивный подход.

*Дедуктивный*¹⁰ подход к качественному анализу данных начинается с предвзятых идей или концепций, для которых мы собираем данные и анализируем их, чтобы увидеть, подтверждают ли доказательства эти предвзятые идеи или опровергают их. Некоторые шаги, связанные с использованием дедуктивного подхода к качественному анализу данных:

Первым шагом в этом подходе является разработка теоретической основы, базирующейся на тщательном исследовании, продуманном категориальном аппарате, отвечающем сути предметной области, которое в дальнейшем будет подтверждено данными или нет.

⁹ Flick U. Mapping the Field // The SAGE Handbook of Qualitative Data Analysis / U. Flick (ed.). Los Angeles, CA: SAGE, 2014. P. 6.

¹⁰ Дедукция (*лат.* deductio – выведение) – метод мышления, следствием которого является логический вывод, в котором частное заключение выводится из общего.

После завершения разработки структуры или гипотезы мы собираем данные различными способами. После сбора данных мы используем языки программирования для программирования моделей машинного обучения, чтобы найти шаблоны, соответствующие нашей гипотезе. После всего этого мы анализируем результаты и делаем вывод о том, верна наша гипотеза или нет, или для ее завершения требуется гораздо больше данных.

*Индуктивный*¹¹ *подход* к качественному анализу данных начинается со сбора данных и ведет к выявлению закономерностей и тем. Это подход, при котором аналитики исследуют различные темы и формулируют результаты в виде гипотезы с доказательствами на основе данных. В отличие от дедуктивного подхода, здесь исследователи всегда приходят к выводу с некоторой правильной гипотезой.

К наиболее влиятельным подходам анализа качественных данных можно отнести обоснованную теорию, производный от нее тематический анализ и такие значимые направления, как нарративный и дискурс-анализ. Далее представлена схема с основными методами анализа качественных данных (табл. 2). Она позволяет понять, какой из методов наиболее применим в его исследовательском случае.

Считается, что для анализа качественных данных важно найти баланс между формализацией и интуицией¹². Для описания данных актуальны метафорические практики, такие как «аналитическое вдохновение/озарение» (*analytic inspiration*), которые помогают исследователю образно описать то, как устроен изучаемый им социальный мир. «Аналитическое озарение» не является процедурным в этом отношении, поскольку методически «не выводится» и нет правил его создания. Оно, скорее, близко к воображению, которое помогает ис-

¹¹ Индукция (*лат.* *inductio* – наведение) – логический метод, основанный на умозаключении от единичных частных случаев к общему выводу, от отдельных фактов к обобщениям.

¹² Flick U. Mapping the Field // *The SAGE Handbook of Qualitative Data Analysis* / U. Flick (ed.). Los Angeles, CA: SAGE, 2014. P. 4.

следователю генерировать новое знание и в перспективе создать новый взгляд на явления.

Таблица 2

**Основные подходы и методы
анализа качественных данных**

	Особенности	Преимущества	Ограничения
Обоснованная теория	Стратегия анализа, предполагающая три последовательных уровня кодирования (открытое, осевое, избирательное), индуктивно стремящихся к построению теории. Основными элементами стратегии (в том числе на этапе сбора данных) являются теоретическая выборка, кодирование, записки/ мемо, теоретическое насыщение, постоянное сравнение, гипотезы, категории/ концепты. Анализируются скорее действия индивидов и процессы, нежели темы и структуры	Влиятельный и теоретически проработанный подход к анализу, довольно часто используется в основе различного программного обеспечения	Времязатратный подход, требующий соблюдения множества принципов; данные благодаря кодированию фрагментированы; результатом обычно бывает не теория, а концепты/категории
Тематический анализ	Базовый метод анализа качественных данных, происходит от обоснованной теории, предполагает кодирование и выделение тем в данных. Темы могут быть определены заранее и модифицироваться в процессе анализа (дедуктивно-индуктивная логика). Близким к нему является метод качественного контент-анализа, развивавшийся в рамках изучения СМИ	Довольно прост в применении, считается базовым методом анализа качественных данных и по технике напоминает упрощенный вариант обоснованной теории с присущими ей кодированием, аналитическими методами и пр.	Нет конвенционального подхода для его применения

Окончание табл. 2

	Особенности	Преимущества	Ограничения
Нарративный анализ	Подход, который сконцентрирован на выявлении и анализе рассказанных в интервью историй и других данных. Он постепенно становится самостоятельным направлением со своей спецификой работы с данными. Подход дает понимание вопросов о том, что произошло и какие смыслы индивиды приписывают происходящему	Обращает внимание на то, что люди воспринимают свою жизнь как продолжительный длящийся процесс	Нет конвенционального подхода для его применения, используется преимущественно в исследованиях биографического жанра
Дискурс-анализ	Подход, основанный на роли языка как конструирующего и перформативного медиум	Часто используется для анализа текстов в медиа и социальных сетях	Множество подходов в рамках дискурс-анализа

В рамках обоснованной теории Ансельм Страусс и Джульет-Корбин подобное качество исследователя называют «теоретической чувствительностью» – способностью осмысливать данные, которая может быть развита в процессе исследования и позволяет довольно оперативно концептуализировать данные, показывает тонкие различия в социальных значениях¹³. Источниками теоретической чувствительности авторы считают литературу, рефлексивный личный и профессиональный опыт, аналитический процесс исследования¹⁴.

Кроме того, инструментами описательной аналитики могут быть, когортный анализ¹⁵ и оперативная аналитическая обработка

¹³ Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 35

¹⁴ Там же. С. 35–36.

¹⁵ Когортный анализ представляет собой раздел поведенческой аналитики, в котором клиенты рассматриваются не как единое множество, а разделяются для анализа на группы, называемые когортами. Суть состоит в том, чтобы анализировать поведение групп людей, объединенных на основе некоторых общих поведенческих особенностей (паттернов), действующих в течение определенного промежутка времени, или в определенном месте.

(OLAP), для лучшего понимания данных могут вычисляться статистические характеристики, такие как среднее, дисперсия¹⁶, стандартное отклонение¹⁷ и т. д.

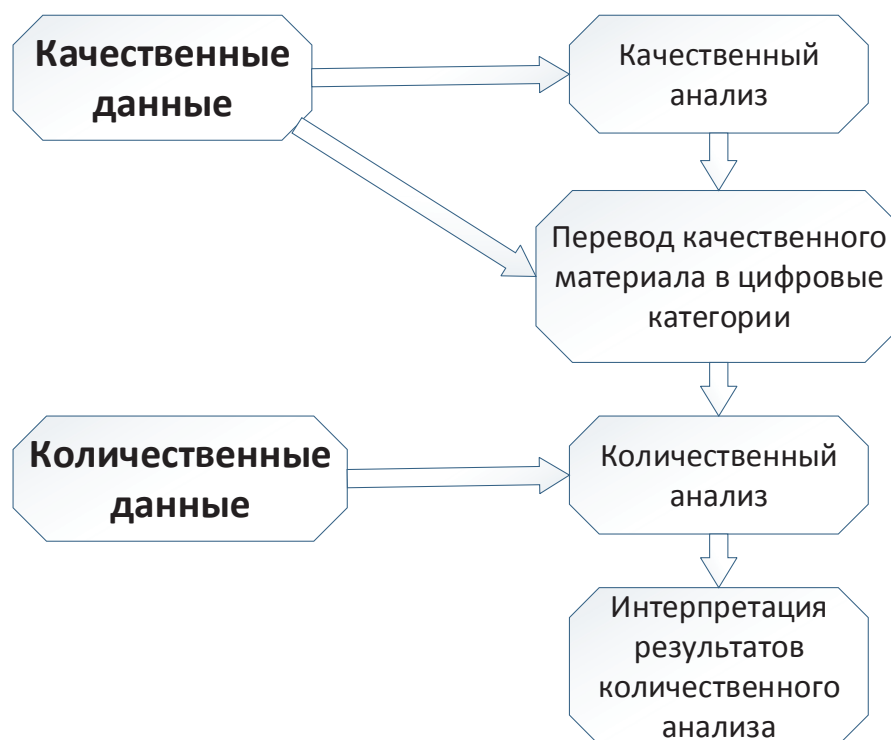

Рис. 6. Обработка качественных и количественных данных

Нередко бывают ситуации, когда сложно зафиксировать какие-либо качественные данные. Например, интонации в тексте, речи, сложно сосчитать содержание некоторых информационных сообщений по тому или иному событию. Для этого используется синтез качественных и количественных данных с использованием кодировочных шкал. Тем самым качественные данные приобретают количественный характер, соответствующим образом анализируются, затем вновь им возвращается смысл и они приобретают качественные характеристики. Кодирование – ключевой процесс в анализе

¹⁶ Дисперсия – величина, которая характеризует меру разброса значений случайной величины относительно ее математического ожидания.

¹⁷ Стандартное отклонение – статистическая характеристика распределения случайной величины, показывающая среднюю степень разброса значений величины относительно математического ожидания.

качественных данных, где код – смысловой ярлык, объединяющий анализируемый фрагмент текста. Однако кодирование часто критикуется по причине фрагментирования и деконтекстуализации данных, так как в результате кодирования формируется подборка цитат/фрагментов текста по определенной теме, но исчезает базовый контекст, что может исказить смысл и интерпретацию. Поэтому на вопрос о том, является ли цитата доказательством тезиса, все чаще можно встретить отрицательный ответ.

4. **Компиляция и резюме:** цель описательной аналитики – предложить обзор данных на высоком уровне. Для получения важных показателей и статистики, таких как среднее значение, медиана, режим, диапазон и стандартное отклонение, часто требуется объединение данных.

5. **Визуализация:** в описательной аналитике визуализация является чрезвычайно полезным инструментом. Она помогает нам передавать сложную информацию с помощью различных диаграмм, графиков и других визуальных представлений. С их помощью можно выделить шаблоны данных и тенденции, что также облегчает донесение информации до широкого круга аудиторий. Для этого надо выбрать соответствующие диаграммы, графики или информационные панели, которые наилучшим образом представят шаблоны и тенденции в ваших данных. Вместе с тем важно избегать беспорядка и обеспечивать ясность визуализаций. К числу наиболее часто используемых методов визуализации относятся столбчатые диаграммы, круговые диаграммы, гистограммы, линейные графики, прямоугольные графики и т. д.

6. **Создание отчетного документа:** описательная аналитика может включать в себя создание описаний, которые предлагают логическое и контекстуализированное объяснение данных в дополнение к визуальным элементам. Это может быть особенно полезно при сообщении результатов тем из аудитории, кто может быть не знаком со сложностями данных.

7. **Интерпретация:** для адекватного целям и задачам отчетного документа данные необходимо соответствующим образом интерпретировать. Как правило, аналитики интерпретируют результаты описательной аналитики для получения значительных знаний по явлениям и событиям. При интерпретации данных важно рассмотрение контекста, понимание и знание предметной области интерпретации, поскольку интерпретация не должна быть сделана в изоляции от нее. Интерпретация должна осуществляться в контексте исследуемой предметной области с учетом внутренних и внешних факторов. Это поможет понять нюансы, переменные и потенциальные предубеждения, влияющие на данные, и в последующем выйти на тенденции и закономерности в исследуемых данных.

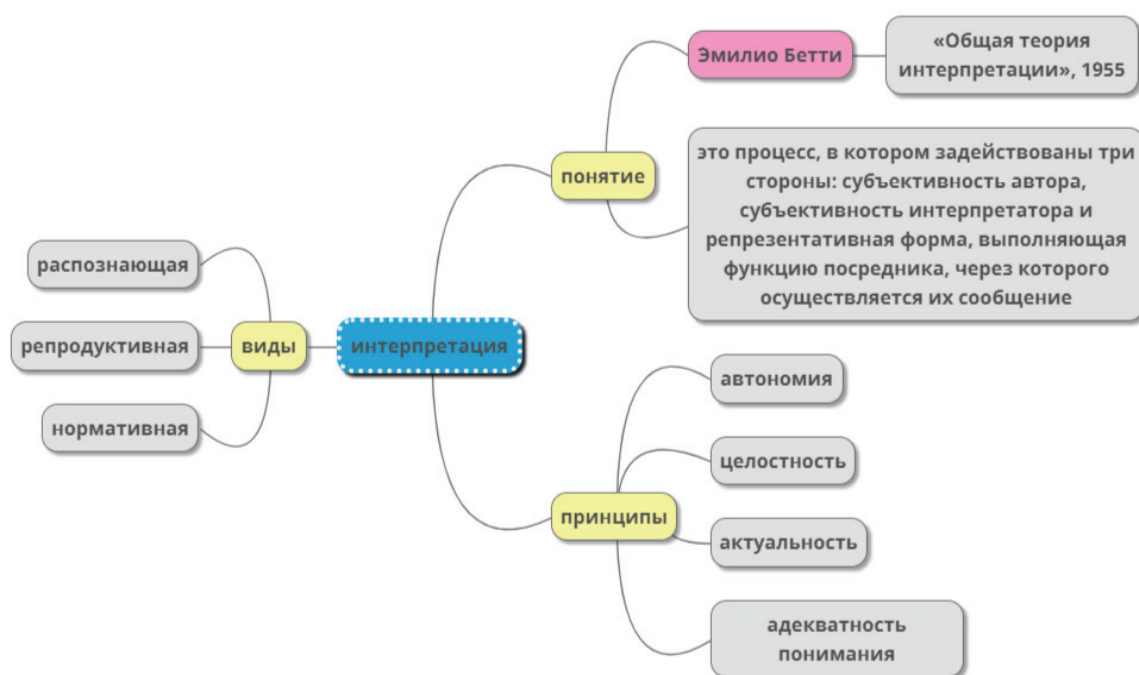

Рис. 7. Понятие интерпретации, факторы, условия, способствующие ее качественному осуществлению (по Э. Бетти)

Таким образом, интерпретация обеспечивает основу для более глубокого анализа, исследующего «почему» и «что может произойти в будущем», описательная аналитика концентрируется на теме «что произошло».

8. **Апробация, получение обратной связи:** процесс описательной аналитики не является одноразовым. Организации постоянно повторяют описательную аналитику, когда становятся доступными новые данные, чтобы быть в курсе последних разработок и закономерностей. Таким образом, люди, принимающие решения, получают самую свежую информацию.

Применение описательного анализа можно найти в различных областях и секторах анализа, поскольку он (описательный анализ) предлагает исчерпывающую информацию о прошлых данных. Далее приведены некоторые направления использования описательного анализа:

- **Аналитика социальных сетей:** для анализа вовлеченности пользователей, эффективности контента и демографии аудитории в социальных сетях используется описательная аналитика. Она помогает компаниям настраивать свои планы в социальных сетях в соответствии с прошлыми результатами.
- **Аналитика демографических показателей:** для принятия адекватных сложившемуся положению управленческих решений.
- **Анализ, по конкретной проблеме, средств массовой информации:** для понимания их роли и участия в решении государственных и региональных задач.
- **Обнаружение преступлений и мошенничества:** для поиска тенденций в данных о прошлых преступлениях правоохранительные органы и организации безопасности используют описательную аналитику. Она применяется в финансовых организациях для выявления тенденций и отклонений, указывающих на мошенническую деятельность.
- **Оценка рисков и управление ими:** для выявления и анализа исторических факторов риска при оценке рисков исполь-

зуется описательная аналитика. Организациям необходимо знать эту информацию. Она действительно важна для компаний в таких областях, как банковское дело и страхование, при разработке планов, которые помогают лучше снижать риски и справляться с ними.

В заключение отметим:

1. Основной концепцией анализа данных является описательная аналитика, которая предоставляет компаниям ценную информацию об их прошлых данных.

2. С помощью различных методов, таких как агрегирование данных, визуализация и описательный анализ данных и другие технологии, организации могут выявлять закономерности, тенденции и отклонения, которые предоставляют ценную информацию для принятия решений в ряде секторов.

3. Влияние описательной аналитики будет расти по мере развития технологий и в сочетании с другими передовыми аналитическими подходами обеспечит компаниям комплексный подход к получению значимой информации из своих данных.

Литература и источники

1. Валлерстайн И: Непреодолимые противоречия либерализма. URL: <https://konservatizm.org/konservatiz>

2. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. Москва, 2025.

3. Ремарчук В.Н. Информационная аналитика: теория, методология, технологии: учебник для вузов: / В.Н. Ремарчук. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2025. 340 с.

4. Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

5. Flick U. Mapping the Field // The SAGE Handbook of Qualitative Data Analysis / U. Flick (ed.). Los Angeles, CA: SAGE, 2014.

ИНТУИТИВНАЯ АНАЛИТИКА: МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

И.В. Понкин

Восстановилась привычная схема взаимоотношений «субъект – объект», но как бы на октаву выше... И я задумался о том разуме, который крылся за этим стилем.

Железны Р. Хроники Амбера [3, 414]

«Невидимые» самолеты встречаются только в головах генералов. В реальности они видны – надо только знать, как их увидеть.

*Сербский офицер Золтан Дани,
чья батарея сбила американский самолет
F-117 Nighthawk*

Обладать аналитическим складом ума, структурным мышлением и знанием инструментария по силам людям различных профессий. Аналитики, скорее, выявляются, чем готовятся, но можно создавать условия, способствующие развитию аналитических способностей [4], в том числе посредством программ подготовки.

Профессиональная подготовка практика-аналитика должна дать ему «точно очерченный круг систематизированных знаний» в его сфере [2, с. 3], и в числе таких знаний важное место занимают знания о методах и технологиях интуитивной аналитики. Это когда, образно говоря, «шестое чувство может подсказать старожилам, за-

нимающимся темой на протяжении десятка лет, решение проблемы в течение десяти секунд» [11, с. 21].

Честер Барнард в своем труде [14], основанном на лекции, которую он прочитал в 1936 году в Принстоне, под названием «Разум в повседневных делах» противопоставлял то, что он называл «логическими» и «нелогическими» процессами принятия решений. Под «логическими процессами» Честер Барнард подразумевал сознательное мышление, которое может быть выражено словами или другими символами, т. е. рассуждения. Под «нелогическими процессами» Честер Барнард подразумевал те, которые не могут быть выражены словами или рассуждениями, которые становятся известными только через конечное суждение, решение или действие [18, р. 57].

Герберт Саймон определял интуицию как признанный экспертный навык, дополняющий рациональность, как способность использовать опыт для распознавания закономерностей, которые затем направляют принятие решений, он писал: «Интуиция и суждение – по крайней мере, хорошее суждение – это просто аналитика, застывшая в привычке и способности быстро реагировать благодаря рекогнитивным усилиям» [18, р. 59, 63]. По Фрэнку Найту, интуитивные суждения – это бессознательные выводы индуктивного характера, результаты подсознательных процессов [8, с. 222]. А.А. Кокорин выделяет понятие интуитивного (интуитивистского) индикатора истины [6]. По Ю.В. Курносову, общим свойством интуитивных методов аналитики является невыделяемость (ситуативная или принципиальная) логической составляющей процесса принятия решений. При этом роль интуитивной аналитики «в оценке явлений нельзя умалять, как нельзя и переоценивать, абсолютизировать. Продуктивность интуиции значительно усиливается, когда она соединяется с научными подходами к познанию, системным анализом проблем... Эвристическая плодотворность аналитики невозможна без понимания роли интуиции» [7, с. 234–236].

Применение интуитивных методов в прикладной аналитике весьма многообразно, мультимодально – от формирования рабочих гипотез и нахождения «красивых» решений до создания масштабных аналитических рекомбинантов (analyticalrecombinants), сложных аналитических систем систем (systems of systems).

За последние десятилетия методы и технологии интуитивной аналитики обрели новое дыхание, однако по-прежнему интуитивное (по всем правилам теории и практики прикладной аналитики) принятие решений находится как в прикладной аналитике, так и в публичном управлении на положении падчерицы.

Стивен Маррин писал: «В последнее время значительные средства и внимание были посвящены выявлению и разработке структурированных методов аналитики, позволяющих более эффективно собирать, представлять и оценивать данные, выводить из них закономерности, понимать, что эти закономерности означают, и доносить это понимание до других. Однако меньше внимания уделяется полезности структурированных методов, их соответствию царящей аналитической культуре, а также тому, когда их следует или не следует использовать аналитикам» [15, р. 7], игнорируя методы интуитивной аналитики и, как следствие, не позволяя обеспечить целостность массивов аналитических данных и целостность выстраиваемых из них оперативных картин. Между тем, как говорят, целостность данных – единственная валюта, которая имеет сегодня значение [17].

Известная максима Меркина гласит: «Если есть сомнения, предсказывайте продолжение нынешней тенденции» [16, р. 17], а согласно другой известной максиме «порядок бьет класс». Однако чрезмерно полагаться на заранее установленную нарративную линию и чрезмерно опираться на прошлую динамику изменений, пытаясь предсказать будущее, – это нередко ведет к провалу аналитической работы [12] и дефектным ее результатам.

Интуитивные методы могут подкрепляться техническими средствами (например, вспомогательной машинной аналитики)¹⁸, но и излишне полагаться в прикладной аналитике на технологии – это тоже, рано или поздно, тупиковый путь. Это как с бойцами спецназа, которые при переизбыточности снаряжения постепенно и незаметно для себя начинают терять чувство реальности и способности адекватно и оперативно оценивать природу и степень опасности, адекватно и оперативно принимать решения, что выливается в плохие последствия для них.

Есть и другая, не менее значимая, проблема – проблема произвольной подмены настоящей интуитивной аналитики на убогую «блогерскую» словесную эквилибристику или на откровенный «слоп» (slop – низкокачественный цифровой контент, создаваемый в больших количествах и с помощью ИИ: абсурдные видеоролики, фейковые новости, несуразные книги и все прочие низкокачественные сгенерированные медиапродукты [12]).

Сказанное детерминирует необходимость обращения к теме значения, роли и инструментариев интуитивной аналитики.

Интеллектуальная (научная / прикладная аналитическая) интуиция – это способность (а равно процесс) индуцирования эпистемического резонанса, возникающего из семантического «сжатия», которое референцирует топологии неопределенностей с когнитивными аттракторами и конвертирует скрытые паттерны в самоочевидные истины путем устранения репрезентативных семантических контroversий и нестыковок, и индуцирования (производного от этого резонанса) полезного когнитивного прорыва («вспышки» идеи, осенения решением) на границе эпистемических и действительных

¹⁸ Так, авторы описания инструментария KNIME пишут: «В отличие от языков R и Python, используемых в большинстве книг по аналитике, KNIME не требует серьезного и досконального изучения, а позволяет многие операции выполнять на интуитивном уровне, практически без программирования. Рабочие процессы (work flow), создаваемые в KNIME, предстают перед пользователем в наглядном виде, что позволяет легко определять, какие действия выполняются и в каком порядке» [1, с. 11].

многообразий, где необратимые зависимости от пути формируют причинно-следственную плотность через спорные интерпретации. Возникновение интуитивного решения (приход внезапной догадки, осеяющий «всплеск» наития) – это спонтанно индуцируемый в когнитивной экосистеме со множеством агентов (массивы и топологии данных, архитектуры моделей, профессиональное видение и воплощенный профессиональный опыт) неэргодический¹⁹ и нелинейный выраженно-быстрый прорывной фазовый переход между уровнями (модальностями, качествами) понимания на основе когнитивного резонанса (между алгоритмическими результатами и экспертным познанием), достигаемого путем строгой онтологической компрессии («сжатия», «свертки») причинно-следственной плотности, ситуационного контекста, сущности сфокусированной предметно-объектной области и онтологии проблем, с конвертацией неструктурированных высокоразмерных и множественно-неполных и неопределенных данных в результирующие когнитивно-беспроблемные форматы экстернализированных эскизов-образов или концептов, которые сознание человека способно приемлемым образом релевантно распознавать и обрабатывать и которые являются выраженно-полезными для решения данных конкретных задач, но при этом несводимы к примитивизациям в представлениях, изоморфных экспертным ментальным моделям.

Метод интуитивной аналитики – эвристический метод решения сложных неформализованных проблем и задач, реализуемый на основе неформального профессионального опыта и категорий субъективно-профессионально самоочевидного и предусматриваю-

¹⁹ Эргодичность отражает свойство динамической системы, состоящее в том, что эта система или точка движущейся системы в конечном итоге посетит все части пространства, в котором движется система, равномерно и случайным образом. Соответственно, «неэргодический» в данном случае означает, что практику-аналитику не нужно перебирать и обрабатывать вообще все сценарии (всю полноту сценариев), все варианты и состояния, все возможные решения, и он этого не делает.

щий оперирование догадками и нечеткими семантическими образами, усмотрениями, неаргументированными ощущениями, предположениями (допущениями, гипотезами), без приведения рассуждений и подтверждения формальными доказательствами, – в целях формирования релевантного (или аппроксимированно-релевантного) аналитического видения исследовательской или конструктивно-проектировочной задачи (проблемы) и путей ее непосредственного решения [9, 10, с. 118].

Обоснованно выделять следующие **методы интуитивной аналитики**:

- **метод интуитивного сканирования и отбора данных** (основан на быстром проникновении в суть массивов данных и на интуитивном распознавании и выявлении релевантных ключевых элементов без последовательного детального исследования всего объема потока или массива данных);
- **метод интуитивной аналогизации** (основан на способности на интуитивном уровне переносить знания и решения в данную конкретную оперируемую предметно-объектную область из смежной ей другой области (смежных областей), позволяя находить неочевидные аналогизации («параллели») между различными ситуациями, феноменами, процессами и использовать успешные решения из смежной области (смежных областей) для решения текущих задач);
- **метод структурно-интуитивной аналитики** – реализуется посредством интуитивной фиксации и структурирующей систематизации точек и линий напряжения между явной структурой и латентной динамикой оперируемой системы (картографирование иерархий, связей, инвариантов), где интуиция выступает инструментом обнаружения «узлов семантических сингулярностей» (где количественные изменения обретают качества через интерпретации);

- **метод интуитивно-эвристического прогнозирования** – основан на оперировании хаотическими паттернами неструктурированных данных в условиях радикальной неопределённости и на интуитивном синтезе разнородных неструктурированных данных (эвристика выступает как технология работы с онтологическими недостатками), реализуется посредством выявления слабых сигналов будущих изменений для прогнозирования будущих событий в условиях высокой неопределённости, когда статистические методы неприменимы;
- **метод предиктивного программирования «критических» точек** (точек бифуркации и ветвления) в поведении систем – основан на моделирующем конструировании множественных сценариев возможных онтологических траекторий (трассировок) и на интуитивном предвидении развития событий в условиях высокой неопределенности, ориентирован на выявление и интерпретацию онтологически нестабильных конфигураций в динамике сложных адаптивных систем и сфокусирован на выявлении моментов, когда незначительные изменения могут привести к радикальным трансформациям («переходам») систем;
- **метод интуитивной верификации гипотез** – реализуется посредством быстрых «взвешивания» и оценки правдоподобия гипотез в их массивном потоке на основе внутреннего интуитивного ощущения их соответствия реальности, позволяя оперативно отсеивать нерабочие гипотезы без формальной детальной проверки всех возможных вариантов, значительно ускоряя аналитический процесс;
- **метод ситуационно-логической аналитики** – основан на соединении логических аналитических выкладок с интуитивным пониманием ситуативных рядов (процессов, разви-

вающихся проблем и т. д.) в условиях значительной информационной неопределенности и критической недостаточности (неполноты) данных, посредством оперативного выявления закономерностей в ситуативных рядах, реагирования на основе узких фрагментов опыта и конвертации когнитивных диссонансов в сценарное моделирование через рефлексивное согласование эмпирической сути ситуативных рядов и логических выкладок, выдавая в результате не столько прогнозы, сколько логико-онтологические каркасы возможного будущего.

Литература и источники

1. Асито Ф. Предсказательная аналитика с KNIME / пер. с англ. А.Ю. Гинько. М.: ДМК Пресс, 2025. 360 с.
2. Бочковская О.Т., Бронникова А.Д., Новоселов Ф.П. и др. Решение арифметических задач в начальной школе. М.: Учпедгиз, 1949. 224 с. С. 3.
3. Желязны Р. Хроники Амбера. Т. 1: Пер. с англ. М.: Эксмо, 2006. 864 с. С. 414.
4. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. Москва, 2025.
5. Каспражицкий И.В., Радчук А.В., Кобзев А.В. и др. Теория и практика аналитической работы: Экспертноаналитическое направление Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации. М., 2015. 103 с.
6. Кокорин А.А. Философия и наука. М.: Изд-во МГОУ, 2008. 185 с.
7. Курносков Ю.В. Аналитика и разведка. Размышления профессионала. 5-е изд., испр. и доп. М.: Ритм, 2025. 384 с. С. 234–236.
8. Найт Ф.Х. Риск, неопределённость и прибыль: Пер. с англ. М.: Дело, 2003. 360 с.
9. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник: в 2 т. 6-е изд., доп. и перераб. Т. 2: Научные исследования: Мастерство и искусство научного мышления и научных исследований / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2026. 800 с.
10. Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник: в 2 т. 6-е изд., доп. и перераб. Т. 1: Прикладная аналитика: Мастерство и искусство работы профессионального аналитика / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2025. 768 с. С. 118–126, 485–491.

11. Рациел И.М. Метод McKinsey: Использование техник ведущих стратегических консультантов для решения ваших личных задач и задач вашего бизнеса / пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 194 с.

12. Словарь Merriam-Webster назвал слово 2025 года. Американский словарь Merriam-Webster назвал «слоп» словом 2025 года. URL: <https://ria.ru/20251215/slovo-2062169276.html> (дата обращения: 15.12.2025).

13. Alves J. «Chat GPT, what stocks should I buy?» AI fuels boom in robo-advisory market [«Chat GPT, какие акции мне купить?» ИИ стимулирует бум на рынке робо-консультантов]. URL: <https://www.reuters.com/business/finance/chatgpt-what-stocks-should-i-buy-ai-fuels-boom-robo-advisory-market-2025-09-25/> (дата обращения: 26.09.2025).

14. Barnard C.I. The Functions of the Executive [Функции исполнительной власти]. Cambridge (Massachusetts, USA): Harvard University Press, 1938. xxxvi; 334 p.

15. Marrin S. Intelligence Analysis: Structured Methods or Intuition? [Анализ разведанных: Структурированные методы или интуиция?] // American Intelligence Journal. 2007. Vol. 25. № 1. P. 7–16.

16. Perry W.L., McInnis B., Price C.C., Smith S.C., Hollywood J.S. Predictivepolicing: The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations [Прогностическая работа полиции: Роль прогнозирования преступности в оперативной деятельности правоохранительных органов]. Washington (DC, USA): RAND Corporation [признана нежелательной в РФ], 2013. xxix; 155 p. P. 17.

17. The real price of «good enough» BIM data: Is your IFC a digital asset or a legal liability? [Реальная цена «достаточно хороших» данных BIM: является ли ваш IFC цифровым активом или юридической ответственностью?] URL: <https://bimbusiness.substack.com/p/the-real-price-of-good-enough-bim> (дата обращения: 16.01.2026).

18. Simon H.A. Making Management Decisions: the Role of Intuition and Emotion [Принятие управленческих решений: роль интуиции и эмоций] // The Academy of Management Executive. 1987, February. Vol. 1. № 1. P. 57–64.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЮ ИМ В ХОДЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И В СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ

И.В. Бочарников

Истоки формирования современных взглядов на роль общественного мнения в вооруженных конфликтах проявились во время войны США во Вьетнаме. Она оказала огромное по своим масштабам воздействие на американское общество и затронула все сферы жизни: экономическую, социальную, политическую, духовную и т. д.

Ее причиной стало стремление США обеспечить свой контроль над Индокитайским полуостровом и нанести поражение ДРВ (Демократической Республике Вьетнам), находившейся в тот период в фарватере советской внешней политики. Это, по сути, предполагало, по мнению американского военно-политического руководства, реализацию политики сдерживания СССР.

Первоначально американское общество, заряженное мессианскими идеями о продвижения демократии и противостоянии коммунизму, поддержало решение о начале агрессии. Это было обусловлено в значительной мере демонстрацией американской военной мощи. Значимое влияние на восприятие общественным мнением вьетнамской войны сыграли СМИ, ретранслировавшие конфликт.

Данного рода ретрансляцию информации о данных событиях следует разделить на несколько групп по сферам воздействия. Так, для населения Вьетнама, участвовавшего в войне, это была демонстрация силы и военного превосходства; для граждан США – попытка успокоить общественность, пропагандировать победоносный характер военных действий; для остального мира – попытка вовлечь, заинтересовать окружающих конфликтом во Вьетнаме. Сама по себе агрессия предполагала проведение малозатратной операции с максимальными для США дивидендами.

Являвшийся в тот период президентом США, Л. Джонсон изначально не хотел обременять население военными тяготами и считал, что можно иметь «и пушки, и масло», то есть увеличивать затраты на оборону, вести войну и т. д. без нанесения ущерба развитию мирной жизни и экономики. Между тем реальность оказалась иной. Упорство, оказанное вооруженными силами и населением Вьетнама американской агрессии, потребовало значительного увеличения контингента войск, финансовых и материальных затрат на проведение операции. Прежде всего, произошло масштабное увеличение задействованных сил и средств. Так, если в 1961 году первые американские военнослужащие высадились на берегах Южного Вьетнама в количестве 400 человек, то в 1968 году американский контингент составлял уже порядка 537 тысяч человек [8].

Существенными оказались и финансово-материальные затраты. Так, в частности, несмотря на то что война во Вьетнаме считается локальным вооруженным конфликтом, затраты на нее оказались колоссальными даже для богатейших мировых держав. Только лишь по приблизительным подсчетам помощь СССР оценивается в 8–15 млрд долларов, Китая – 14–21 млрд, а финансовые издержки США, исходя из современных подсчетов, превысили триллион долларов [8].

Важным фактором стало также возросшее количество жертв агрессии как со стороны населения Вьетнама, так и со стороны

военнослужащих армии США. Так, в частности, число погибших американских военнослужащих превысило 58 тысяч (более 330 тысяч получили различного рода ранения и увечья), жертвами же американской агрессии, по различным данным, стали от 1 до 3 млн жителей Вьетнама [6].

Все это кардинально изменило отношение американского общественного мнения к войне во Вьетнаме. Ключевым событием в его переломе стало наступление вьетнамских войск 31 декабря 1968 года, в ходе которого они атаковали более 100 городов в Южном Вьетнаме, включая 35 из 44 столиц провинций, в том числе Сайгон, в котором партизаны проникли на территорию американского посольства.

Новогоднее наступление поставило под сомнение американскую военную мощь и стало колоссальным шоком для США. Американцы были шокированы также потерями и проявившимися печальными перспективами дальнейшей войны. Кадры штурма американского посольства, слова одного из офицеров о том, что вьетнамский город Бенче, «нужно было уничтожить, чтобы спасти его», многочисленные фотографии расстрелов мирных жителей фактически взорвали гражданское общество США. Это способствовало формированию в нем неприятия войны во Вьетнаме и в целом антивоенного движения.

Главную роль в этом сыграли СМИ и в первую очередь телевидение. Вьетнамская война была первой войной, которую транслировали по телевидению. «A living-room war» (или дословно «война в гостиной») – так называли ее, потому что каждый вечер люди семьями собирались перед экранами телевизоров и смотрели репортажи. Вся Америка следила за тем, что происходит во Вьетнаме. К осени 1967 года 90 % вечерних новостей были посвящены войне, и приблизительно 50 млн человек смотрели телевизор каждый вечер [14].

Новогоднее наступление вызвало недовольство войной как в СМИ, так и среди людей, влиявших на общественное мнение, – лидеров общественного мнения. Так, в частности, чрезвычайно значимую роль в трансформации общественного мнения сыграл популярный в тот период в США журналист У. Кронкайт, который изначально был сторонником той войны. После же его поездки в феврале 1968 года во Вьетнам его мнение об этой войне изменилось. У. Кронкайт увидел: цель не оправдывает средства. И эту свою позицию он сумел донести до массовой аудитории, для которой он был авторитетен. По словам современников, вьетнамские репортажи изменили самого У. Кронкайта, изменили и американское общество [22].

Опросы общественного мнения, проводившиеся в то время, свидетельствовали о том, что повышение налогов из-за дорогостоящей войны и смерть знакомых и близких повлияли на перелом в отношении людей к войне. Протест против войны во Вьетнаме воплотился в американских антивоенных движениях. Одним из самых ярких протестов был октябрьский марш 1967 года на Пентагон. Протестанты выступали, прежде всего, против войны во Вьетнаме, а также в целом агрессивного внешнеполитического курса США. Лейтмотивом всех этих выступлений являлся кризис доверия к власти, а также кризис непонимания между сторонниками и противниками войны.

В конечном итоге США уже к 1969 году потерпели поражение во вьетнамской войне, прежде всего, общественному мнению своей страны. Отголоски той войны в духовной и социальной сфере жизни США оказались самыми мощными и болезненными. Важнейшим следствием войны стал так называемый вьетнамский синдром, связанный не только с посттравматическим стрессовым расстройством ветеранов военных действий, но и с общественным сознанием, когда американское общество про-

тивилось любым военным конфликтам и применению военной силы за рубежом²⁰.

Вследствие этого США, боясь повторить вьетнамский опыт, долгое время не участвовали ни в каких вооруженных конфликтах в мире. Только лишь с началом 1980-х годов военно-политическое руководство США вновь взяло курс на демонстрацию и использование военной силы, но лишь в конфликтах, в которых их успех был предопределен заранее. Одним из таких вооруженных конфликтов стала специальная операция «Urgent Fury» («Вспышка ярости»), проведенная США в ходе вторжения на Гренаду (1983 год).

При этом США, учитывая негативный «вьетнамский» опыт, осуществили комплекс мер по обеспечению выгодного для себя общественного мнения как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Самому вторжению предшествовал ряд мер информационно-психологического характера по обеспечению поддержки со стороны общественного мнения как в США, так и за рубежом. Сама же операция была совершена якобы на основании обращения Организации американских государств.

Для обеспечения поддержки операции со стороны общественного мнения внутри страны была развернута широкая пропагандистская кампания, в которой участвовали президент США и другие высокопоставленные лица. Отмечалась военная угроза США и ее гражданам со стороны Гренады. Акцентировалось внимание на участии кубинских военных специалистов в строительстве аэродрома на Гренаде. То обстоятельство, что там работали, помимо них, гражданские специалисты из различных стран Латинской Америки, Западной Европы, Африки и даже США, всячески замалчивалось. По сути, был использован классический метод полуправды.

²⁰ Это, в частности, отразилось на позиции США в отношении Ирана после Исламской революции и захвата американского посольства в Тегеране в ноябре 1979 года.

Аналогичным образом была осуществлена обработка общественного мнения в ходе подготовки и осуществления США вторжения в Панаму (1989 год) – операция «Правое дело» (Operation Just Cause).

В соответствии с планом операции основной акцент в ее информационно-аналитическом обеспечении был сделан на поддержании контактов со СМИ и телевидением. Так, в частности, «с февраля 1988 года началась организация регулярных публикаций в американской печати о дискриминации американских военнослужащих и их семей в Панаме со стороны местных властей» [16]. Формальным поводом для вооруженного вмешательства стало убийство американского военнослужащего и сексуальное насилие по отношению к его жене. Это случилось 19 декабря 1989 года, а уже 20 декабря американские войска высадились в Панаме. Это едва ли было просто стечением обстоятельств. По всей видимости, со стороны США имела место спланированная провокация, первыми жертвами которой стали американские граждане.

В ходе операции вторжения в Панаму была апробирована разработанная к этому времени система отношений со средствами массовой информации. Для этого заранее была сформирована группа соответствующим образом подготовленных журналистов и фоторепортеров, которые к началу боевых действий уже были переброшены в Панаму. При этом органы управления операций всячески воспрепятствовали работе в зоне боевых действий неподконтрольных им журналистов. «Основная информация поступала через службу по связям с общественностью, которая посредством брифингов, пресс-конференций и встреч с видными политиками, бизнесменами и другими влиятельными персонами умело воздействовала на ее направленность» [7]. Это позволяло «держат население в курсе дел, заставляло каждого американца чувствовать себя очевидцем происходящего, переживать за жизнь соотечественников и в то же время обеспечило нейтрализацию других, нежелательных источников» [17].

Жесткий контроль над прессой обеспечил «правильное» освещение конфликта. Вследствие этого от 70 до 90 % жителей США поддерживали действия президента Дж. Буша-старшего в ходе вторжения в Панаму. Данную поддержку не поколебали даже вскрывшиеся в последующем нестыковки в освещении «блестящей» победы США над Панамой, касающиеся, в частности, того, что 300 человек потерь у противника через некоторое время стали 50, а кокаин в апартаментах Норьеги, прошедший как доказательство по всем мировым СМИ, оказался тальком и т. д. Но это уже никого не интересовало [11].

Для ослабления традиционно негативного отношения латиноамериканцев к гринго (т. е. к белым американцам – северянам) военные и гражданские специалисты широко использовали помощь, которую оказывали американские войска местному населению. Так, в частности, широкое освещение получила деятельность американской администрации в лагерях для беженцев и в полевых госпиталях (раздача продуктов, бесплатная медицинская помощь и т. п.).

Накопленный опыт был использован в период подготовки и проведения операций «Щит пустыни» («Desert Shield») и «Буря в пустыне» («Desert Storm») в зоне Персидского залива (1991 год), ход и результаты которых продемонстрировали особую значимость общественного мнения и деятельности по его формированию и управлению.

В плане формирования и управления общественным мнением примечательна также и операция США против Ирака в ходе войны в Персидском заливе 1990–1992 годов. В рамках подготовки к операции были осуществлены меры по подготовке освещения событий в зоне конфликта как американскими, так и иностранными СМИ. В зону конфликта были допущены «лишь аккредитованные при командовании МНС (многонациональных сил) корреспонденты, подписавшие обязательства соблюдать определенные нормы в отношении характера и содержания сообщений» [13, с. 63]. При

этом «работа с журналистами велась по специально разработанным программам. Для содействия освещению в СМИ действий армии командование многонациональных сил (МНС) организовало Объединенное информационное бюро (ОИБ) в Дахране и позже в Эр-Рияде. ОИБ координировало работу журналистов (всего в Саудовской Аравии было более 1600 представителей различных СМИ), решало вопросы о посещении ими соединений и частей, предоставлении возможности для работы, цензуре» [13, с. 63].

Конечно же, имели место и накладки, а также нестыковки в освещении событий. Так, в частности, «негативный эффект на американских военнослужащих произвела информация о прибытии в район боевых действий большого количества госпитальных судов и переброске туда нескольких десятков тысяч пластиковых мешков для трупов (ожидаемые потери составляли 30 000 тысяч человек)» [16], что свидетельствовало об ожиданиях потерь среди многонациональных сил и, прежде всего, американских. Это стало шоком для общественного мнения США, в котором еще оставались элементы вьетнамского синдрома.

Негативным фактором стала также информация о том, что в «операции «Буря в пустыне» участвовали дети только двух из 535 конгрессменов и сенаторов и никого из администрации президента, тогда как в 1970 году во время войны во Вьетнаме воевали дети 74 членов Конгресса. Данная информация свидетельствовала о социальном расслоении в армии США и не способствовала обеспечению авторитета военного командования» [16].

Тем не менее в целом, как считают аналитики, изучавшие американский опыт формирования общественного мнения и управления им в зонах вооруженных конфликтов, «система работала без сбоев, поскольку из района конфликта шел огромный поток выгодной для руководства США информации. Негативные стороны конфликта утонули в бодрых репортажах об успехах американского

оружия. И неважно, что многие эффективные кадры (современное оружие очень киногенично) были сняты не в Персидском заливе, а на полигонах» [16].

Большое значение в плане воздействия на общественное мнение имело также позиционирование США сами себя как защитников суверенного государства (Кувейта), подвергшегося агрессии, а также жителей этой страны от действий иракских военнослужащих. При этом в целях формирования имиджа США как защитника и освободителя использовались методы информационно-психологической и пропагандистской направленности, в том числе посредством подтасовки фактов и произвольной интерпретации событий. Особое значение в этом плане имело постановочное выступление в октябре 1990 года перед комиссией по правам человека Конгресса США 15-летней Наиры ас-Сабах, которая представилась медсестрой из Кувейта. По ее словам, иракские солдаты ворвались в больницу и выбросили новорожденных младенцев из инкубатора, «оставив их умирать на холодном полу» [13].

Впоследствии эту цитату неоднократно приводили президент США Дж. Буш-старший и американские сенаторы, чтобы заручиться поддержкой населения для военной кампании в Персидском заливе.

Показания Наиры моментально были растиражированы ведущими СМИ. Несмотря на то что у журналистов не было на тот момент доступа в Кувейт и не имелось никаких иных доказательств случившегося, показания Наиры были всеобщее признаны надежными и получили широкую огласку.

Согласно документальному фильму Си-би-си «Пятое сословие», компания «Хилл энд Ноултон» немедленно разослала по факсу подробности ее выступления в отделы новостей по всей стране. Эффект был электрический. Рассказы о младенцах в инкубаторе стали главной темой газет, радио и телевидения по всей Америке. Аудитория американских ТВ-шоу, посвященных этой истории, до-

стигала 30–50 млн зрителей. Правозащитные организации, такие как Amnesty International, также поверили в эту историю. В ходе проведения операции широкое распространение получили и другие сфальсифицированные относительно действий иракских войск в Кувейте сведения.

Все это способствовало росту поддержки со стороны американского общества действиям США в Персидском заливе. В результате «число одобряющих войну в Персидском заливе американцев выросло с 10 % населения в сентябре 1990 года до 88 % в январе 1991 года» [16].

Операция под началом США «Буря в пустыне» началась 17 января 1991 года и закончилась капитуляцией Ирака 28 февраля того же года. Кувейт был освобожден. Однако уже в 1992 году, после того как американцы вторглись в Ирак, выяснилось, что ас-Сабах была не медсестрой, а дочерью кувейтского посла в США Нассера ас-Сауд ас-Сабаха. Соответственно, в самом Кувейте в ходе описываемых ею событий она не была. Кроме того, также выяснилось, что ее показания были организованы в рамках широкой кампании по связям с общественностью, проводимой организацией «Граждане за свободный Кувейт» кувейтского правительства в изгнании, которая стремилась поощрить американское военное участие против оккупации Ираком Кувейта посредством координации с американской фирмой по связям с общественностью «Hill & Knowlton». После войны в Персидском заливе свидетельство Наиры стало рассматриваться как классический пример современной пропаганды «зверств» противника [24].

В последующем этот прием США активно использовали для обоснования своих внешнеполитических акций, в том числе в целях формирования позитивного общественного мнения в отношении использования военной силы против суверенных государств.

Именно так, в частности, формировалось общественное мнение в процессе разрушения Союзной Республики Югославия (СРЮ).

Народы Югославии посредством информационно-психологических операций США противопоставлялись и стравлялись друг с другом, в том числе посредством обвинения одной из сторон (как правило, сербов) в организации массовых убийств и других преступлениях против личности. Показательна в этом плане эскалация межэтнической и межконфессиональной напряженности в Боснии и Герцеговине, где начиная с января 1991 года ЦРУ стали проводить специальную операцию под названием «Истина». Целью операции являлось стремление посеять у мусульманского населения тревогу и панику, внушив, что группа сербских националистов «Великая Сербия» собирается провести ряд терактов в столице Боснии и Герцеговины Сараево.

В конечном итоге американским специалистам удалось спровоцировать вооруженные межэтнические столкновения, продолжавшиеся вплоть до 1995 года. В ходе этих вооруженных столкновений в Боснии и Герцеговине (1992–1995) в западных СМИ шла односторонняя пропаганда, рисовавшая ужасы «зверств» «сербских коммунистических варваров» по отношению к мирным мусульманам и демократически настроенным хорватам Боснии. В то же время муссировалась тема большой войны, избежать которую якобы можно было лишь вмешательством сил НАТО.

На сербов международные СМИ возлагали вину за все. В частности, для крупномасштабного «гуманитарного вмешательства» НАТО в ситуацию были использованы такие поводы, как «резня в Сребренице» в июле 1995 года и взрыв на рынке в Маркале в августе того же года.

Международное сообщество с подачи информационной пропаганды США расценивало события в Сребренице как геноцид мусульманского населения. Под воздействием этого Международный трибунал возложил ответственность за массовые убийства боснийских мусульман на Армию Республики Сербской под командованием генерала Р. Младича. При этом западные СМИ умалчивали о

том факте, что до прихода сербской армии в Сребренице, объявленной «зоной безопасности», проходили массовые убийства сербского населения. Количество же жертв среди боснийцев, по информации американского социолога Э. Хермана, составило от 500 до 1000 человек, погибших в большинстве случаев в боях, в то время как Международный трибунал огласил цифру 8000 убитых [20].

Не менее резонансным для формирования американского и западноевропейского общественного мнения стал взрыв на городском рынке Маркале в Сараеве, приведший к десяткам человеческих жертв. Западное сообщество безапелляционно обвинило в причастности к нему сербскую сторону, не предоставив весомых аргументов. В то же время, по мнению специалистов, взрыв был организован западными спецслужбами в ходе операции «Циклон-2» [15, с. 43].

Налицо, таким образом, подтасовка фактов в целях оказания влияния на общественное мнение, как в Боснии и Герцеговине и в целом в Югославии, так и за их пределами. В конечном итоге США и их союзникам по НАТО удалось добиться отделения от Югославии Хорватии, Словении, Македонии, а также Боснии и Герцеговины.

Заключительным актом разрушения Югославии стала вооруженная агрессия против нее США и НАТО в марте – июне 1999 года – операция «Союзная сила» (Operation Allied Force)²¹. В ходе подготовки агрессии информационная составляющая операции «предполагала решение двух основных задач – оправдание агрессии под видом заботы о правах человека и доказательство военного могущества США» [2].

Решение этих задач в значительной мере было обусловлено целенаправленной работой со СМИ. Фактически органы управления операцией монополизировали доступ к информации, ее получению и распространению. Так, в частности, информацию о боевых дейст-

²¹ Также используется наименование операции «Благородная наковальня» (Operation «Noble Anvil»).

виях можно было получить только у пресс-службы НАТО в Брюсселе. Вследствие этого аккредитованные журналисты были вынуждены распространять в СМИ соответствующим образом обработанную информационными структурами НАТО информацию. «Кроме того, телекомпаниям предоставлялись уже готовые специально отснятые видеоматериалы, с соответствующими комментариями должностных лиц. Причем информация предоставлялась бесплатно. Журналистам также оказывалась помощь в посещении воинских частей, проведении интервью с военнослужащими, которые предварительно готовились к таким беседам с офицерами по связи с общественностью» [10].

Соответствующим образом «осуществлялись мероприятия по освещению событий в Косово в мировых СМИ с целью формирования позитивного общественного мнения у международной общественности» [10].

Помимо этого, важным направлением обеспечения информационного превосходства альянса стало полное подавление информационной структуры Югославии. В силу этого «телевидение, радио, печать и другие объекты, связанные с распространением информации в Югославии, военно-политическим руководством Североатлантического альянса, были отнесены к объектам исключительно стратегического значения и стали важнейшими целями их ракетно-бомбовых ударов» [3].

В целом в оценках хода и результатов агрессии НАТО в Югославии американские специалисты отмечают, что, «помимо победы на поле боя, США одержали победу и в "информационной войне", обеспечив поддержку своим действиям общественного мнения своих стран и в целом мирового сообщества» [23].

Опыт формирования и управления общественным мнением, полученный в ходе агрессии против Югославии, в полной мере был использован в последующих операциях США, в том числе в процес-

се вторжения в Афганистан в 2001 году – операция «Несокрушимая свобода» и в Ирак в 2003 году – «Иракская свобода».

Официальным поводом к боевым действиям стали террористические акты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне. Операция не была согласована ООН, тем не менее союзниками США и Великобритании выступили Австралия и Канада, а также военно-политическая организация Афганистана «Северный альянс». Впоследствии число участников коалиции возросло до 50, а американо-британская оперативная группировка, непосредственно участвовавшая в боевых действиях, насчитывала до 55 тысяч человек.

На начальном этапе войны общественное мнение США и большинства стран их союзников безоговорочно поддержали вторжение в Афганистан. Американское общество, шокированное терактами 11 сентября 2001 года²², демонстрировавшимися рядом телекомпаний в прямом эфире, безоговорочно поддержало меры руководства страны по усилению антитеррористической безопасности, а также борьбе с терроризмом за пределами национальных границ.

Афганистан в этом плане представлял чрезвычайно удобную цель, поскольку именно в нем нашел свой приют и объявленный руководством США террористом № 1 Усама бен Ладен, взявший на себя ответственность за теракты 11 сентября. Оставшиеся же после ухода СССР из Афганистана 8–15 тыс. боевиков-террористов в последующем стали опорой развития терроризма на Ближнем Востоке и в Центрально-Азиатском регионе [20]. Желание возмездия за теракты способствовало масштабной поддержке решения о начале антитеррористической операции в Афганистане. Так, в частности, в октябре 2001 года, когда началось вторжение, опросы показали,

²² В результате данной, не имевшей прежде аналогов, комбинированной террористической акции погибло почти 7 тысяч человек. Из них 266 авиапассажиров погибли в захваченных самолетах, более 200 американских граждан – в Вашингтоне, где один из захваченных террористами самолет был обрушен на Пентагон, 6333 человека – во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке (большинство из них считаются пропавшими без вести).

что около 88 % американцев и около 65 % британцев поддержали военные действия [1]. Опрос, проведенный в период с ноября по декабрь 2001 года, показал, что большинство в Канаде (66 %), Франции (60 %), Германии (60 %), Италии (58 %) и Великобритании (65 %) одобрили авиаудары США, в то время как большинство в Аргентине (77 %), Китае (52 %), Южной Корее (50 %), Испании (52 %) и Турции (70 %) выступили против них [1]. Большую поддержку вторжению США нашло и среди населения Афганистана, уставшего от радикального режима талибов.

Тем не менее с течением времени, по мере втягивания США в афганский конфликт, увеличения жертв и затрат, а также эскалации террористической угрозы в регионе и ряд других факторов дестабилизации ситуации обусловил формирование негативного общественного мнения в отношении американского присутствия в Афганистане.

Уже в 2003 году представители сопротивления американской оккупации в Афганистане восстановили свои силы, и в период с 2003 по 2005 год страну накрыла партизанская война. 2006 год ознаменовался прибытием войск ISAF в южный Афганистан. В 2007 и 2008 годах НАТО и «Талибан»* обменялись масштабными наступлениями. В 2009-м талибы выгнали американцев из провинции Нуристан, а спустя год в результате операции «Моштарак» от боевиков очистили район Марджа.

В 2011 году в рамках операции «Копье Нептуна» было осуществлено убийство бен Ладена в Пакистане, однако его ликвидация американскими силами специального назначения не принесла спокойствие в регион. Граждане США и Афганистана все меньше поддерживали присутствие НАТО в этой стране.

* Здесь и далее упомянутые со знаком «*» организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации («Аль-Каида», «Талибан» – организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации).

В 2014 году «Несокрушимую свободу» сменила миссия НАТО «Решительная поддержка», главной целью которой являлась подготовка афганских военных. К этому времени более 82 % американцев считали провальной и бессмысленной кампанию США в Афганистане, и лишь 17 % респондентов поддерживают военные усилия своей страны. В соответствии с результатами опроса общественного мнения, проведенного компаниями CNN и Opinion Research, недовольство общества войной в Афганистане достигло пикового значения. При этом лишь треть респондентов считали, что США побеждают в этой кампании [12].

Таким образом, афганская война стала самой непопулярной в длинном списке вооруженных конфликтов с участием США, опередив по этому показателю даже войну во Вьетнаме, считавшуюся наименее популярной среди граждан.

Аналогичным образом произошла трансформация американского общественного мнения в отношении вторжения США в Ирак в марте 2003 года и его последующей оккупации. Операция «Иракская свобода», поддержанная преобладающим большинством американского общества на начальном этапе, после триумфального завершения ее военной части с началом оккупации стала предметом критики в СМИ, формирующих общественное мнение.

Первоначально это было «не столь очевидно, и критика звучала тогда, когда в этой стране осложнялась обстановка: так, в июне 2003 года американские войска впервые столкнулись с боевиками; в сентябре 2003 года начались теракты против находящихся на территории Ирака войск антииракской коалиции; в 2004 году возник скандал, связанный с тюрьмой "Абу-Грейб" (издевательствами американского персонала над заключенными иракцами), а в Ираке происходило восстание шиитов».

К началу 2005 года «большинство американцев заявляли о том, что отказываются поддерживать действия руководства США в Ираке,

а в июне того же года в общественном мнении страны в отношении иракского кризиса произошел окончательный перелом: с этого момента постоянно более 56 % респондентов стали подвергать критике политику администрации Буша в Ираке. Именно тогда Белый дом бесповоротно потерял поддержку общественного мнения в вопросе иракской войны». А уже в июне 2005 года «более 55 % опрошенных заявило о том, что не было необходимости вторгаться в Ирак ради предотвращения террористических актов».

Кроме того, выяснилось, что уже гораздо меньше американцев верит в то, что режим Саддама Хусейна был причастен к террористическим актам 11 сентября 2001 года, а также «предпринимал действия, направленные на получение оружия массового уничтожения».

Неспособность военно-политического руководства и непосредственно командования оккупационными войсками «нормализовать положение в Ираке, где практически ежедневно совершаются террористические акты, а главное – непрекращающиеся потери среди американских солдат и офицеров, способствовали росту в США критических настроений». Недовольство людей проявлялось в демонстрациях протеста. Все это значительно подорвало имидж США и предопределило снижение их роли и значения на международном уровне.

Таким образом, формирование общественного мнения и управление им является одной из центральных задач подготовки и проведения вооруженных конфликтов и специальных операций.

Этот процесс осуществляется по трем основным направлениям.

С одной стороны, посредством применения комплекса мер информационно-аналитического характера осуществляется воздействие на общественное мнение населения своей страны в целях обеспечения легитимации проведения специальных операций, применения в ходе них средств вооруженного и иного насилия, а также возможных жертв и других утрат и затрат, введения в действие раз-

личного рода ограничений и в целом ухудшения внутривосточной ситуации. Целью при этом является обеспечение поддержки со стороны населения своей страны на проведение операций. Отсутствие подобного рода поддержки значительно сужает возможности политического и военного руководства в проведении операций.

Другое важнейшее направление применения информационно-аналитических средств предполагает формирование общественного мнения и управления им на международном уровне в целях признания зарубежной общественностью, международными институтами и организациями правомерности проведения специальных операций и исключения внешнего влияния и враждебного отношения к субъектам и непосредственным участникам специальных операций.

Наиболее отчетливо реализация данного направления проявилась в XX столетии, ставшим периодом массированного использования средств информационного, информационно-психологического и информационно-аналитического воздействия на общественное сознание мирового сообщества в целях создания негативного имиджа объекта специальной операции.

Третье направление информационно-аналитического воздействия предполагает формирование лояльного общественного мнения у населения, проживающего на территории проводимой операции, и управления им на всех этапах, вплоть до постконфликтного урегулирования. Данное направление предполагает подавление сопротивления со стороны населения, находящегося под юрисдикцией и иными формами влияния со стороны противника, и привлечение его на свою сторону.

Цель формирования общественного мнения на всех уровнях и этапах проведения специальных операций, таким образом, одинакова: легитимация права на применение насилия, однако технологически она может реализоваться по-разному, посредством различных информационно-аналитических технологий.

Если для формирования общественного мнения внутри страны чаще используются технологии создания «образа врага», то на международном уровне это могут быть технологии позиционирования «жертвы» либо «носителей демократических, гуманистических и иных ценностей».

В отношении противника и населения подконтрольной ему территории используется методика устрашения, которая включает в себя «комплекс мероприятий по воздействию на эмоциональную сферу людей с целью возбуждения у них чувства страха, панических настроений, пробуждения инстинкта самосохранения и, как результат, прекращения сопротивления. Это могут быть всевозможные иллюстрации зверских убийств сторонниками режима, разрушения городов, информирование в СМИ о сдаче в плен, демонстрация военного превосходства и т. д.» [5, с. 118].

Устрашение является одним из наиболее эффективных технологических приемов в условиях подготовки и проведения специальных операций. Оно «выполняет двойные функции: с одной стороны, является связующим звеном для формирования внутренне сплоченного общественного мнения страны-оккупанта в правоте своих действий, а с другой – служит катализатором для дезертирства и потери боевого духа среди военного состава защищающейся стороны» [5, с. 118].

В качестве отдельных приемов, реализующих данную технологию в условиях военно-политического конфликта, можно обозначить «приклеивание ярлыков, предвзятый отбор и подтасовку фактов, метод отрицательных групп населения, использование дезинформации ("методика большой лжи"), запугивание и т. д.» [5, с. 118].

Примечательна в этом плане реакция жителей подконтрольной киевскому режиму территории Украины на гуманитарные конвои, осуществлявшиеся МЧС России в Луганскую Народную Республику и Донецкую Народную Республику в 2014–2022 годах. Под воздействием массивной пропаганды у населения значитель-

ной части данной территории Украины сформировался устойчивый стереотип о том, что вместо гуманитарных грузов (продовольствия, медикаментов и других средств обеспечения жизнедеятельности населения) осуществляется ввоз оружия и боеприпасов для вооруженных формирований самопровозглашенных республик. В обратном же направлении, по мнению данной категории лиц, в Россию с территории Донбасса вывозилось оборудование металлургических комбинатов. Несмотря на абсурдность подобного рода измышлений, значительная часть населения Украины воспринимала ее как правдивую.

Очевидно, что в данном случае службами информационно-психологической обработки посредством реализации технологии «большой лжи» удалось сформировать враждебный образ России.

Другой технологией является создание и пропаганда «образа врага». А.Ф. Долматов выделяет две составляющих «данной технологии»:

Историческое прошлое или этническая неприязнь – в основе чего формируется структура данного образа;

идеологическая составляющая, которая выполняет управляющую функцию» [9, с. 165].

Особую роль в этом плане играет идеологическая составляющая, поскольку именно под влиянием идеологии происходит уплотнение границы этнического самосознания, формируется четкое негативное отношение к врагу.

Так, «США на рубеже XX–XXI столетий был создан образ С. Хусейна как тирана, противника демократии, сотрудничавшего с террористическими организациями на мировой арене. Помимо этого, утверждения официальных лиц США о наличии в Ираке оружия массового поражения способствовали росту поддержки вторжения в эту страну. В марте 2003 года данную позицию поддерживало 62 % американцев» [5, с. 118].

Практика демонизации противника получила развитие и в специальных операциях более позднего периода. Так, в частности, аналогичным образом на Украине и в странах «коллективного Запада» с 2014 года формировался образ Президента России В.В. Путина, в целом Российской Федерации и всего того, что имело и имеет к ним отношение. Сформированное соответствующим образом общественное мнение стало основанием для реализации в последующем в отношении России так называемой «культуры отмены» – технологии осознанной дискредитации и дискриминации целого государства и его граждан.

В целом, как показывает анализ подготовки и проведения вооруженных конфликтов (специальных операций) последних десятилетий, общественное мнение оказывает значимое влияние на их ход и результаты. В том случае, если органам государственного и военного управления удастся обеспечить свою поддержку со стороны общественного мнения, оно становится важнейшим фактором, успешного достижения целей и решения задач их проведения. В то же время затяжной характер проведения операции, жертвы, прежде всего со стороны своих сил, а также гражданского населения, издержки материального и финансового характера вынуждают сворачивать специальные операции до достижения ими своих целей. В этой связи правомерно изречение Сунь-цзы о том, что «война любит победу и не любит продолжительности». В полной мере это относится и к специальной операции, поскольку общественное мнение не может сколь угодно долго мириться с ее проведением и теми затратами, которые ее сопровождают.

Литература и источники

1. Америка и война с терроризмом. Исследование общественного мнения. URL: https://web.archive.org/web/20160225033459/http://www.aei.org/wp-content/uploads/2011/10/20050805_terror0805.pdf.

2. Бочарников И.В. Фактор Косово для формирования современного миропорядка // Вестник Академии военных наук. 2024. № 2.
3. Бочарников И.В. Информационно-аналитическое сопровождение специальных и полицейских операций. Москва, 2025.
4. Бочарников И.В. Развитие современных глобализационных процессов: перспективы, проблемы и риски // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. 2019. С. 171–182.
5. Ватулин А.Н. Технологические особенности формирования общественного мнения в кризисных условиях // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1. С. 118.
6. Война во Вьетнаме 1955–1975. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/v-etnamskaia-voina-1960-1975-11e2af>.
7. Волховский Н.Л. Журналистика в информационных войнах: Исторические истоки и современные тенденции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургск. гос. ун-т, 2003.
8. Гордеева Е. Вьетнам – горькая ошибка США. URL: <https://topwar.ru/11808-vietnam-krovavaya-oshibka-ssha.html>.
9. Долматов А.Ф. «Образ врага» в военно-политических конфликтах: идеология и структура // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность. М.: РОССПЭН, 2007. С. 165–166.
10. Зубков В.С. Воздействие на общественное мнение в ходе вооруженных конфликтов. URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012002063?ysclid=1ztbbqf8k2600704348>
11. Как делаются перевороты. URL: <https://psyfactor.org/grenada.htm>.
12. Кампания в Афганистане стала самой непопулярной войной в истории США. URL: <https://rg.ru/2013/12/31/afghan-site-anons.html?ysclid=luf45es4nj58114977>.
13. Логинов П.К. Информационно-психологическое воздействие в современных операциях // Военная мысль. 2022. № 5. С. 63
14. Львов В. Вьетнамская война в американских СМИ. URL: <https://proza.ru/2006/12/07-245>.
15. Матвеева А.М. Цивилизационный фронт гибридных войн против Югославии // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2021. № 1. С. 43.
16. Панарин И.Н. Общественное мнение и вооруженные конфликты. URL: <http://www.panarin.com/doc/41/>.
17. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Litres, 2022.

18. «По просьбе ЦРУ брала уроки актерского мастерства»: США освоили политику фейков еще в 90-е. URL: https://tsargrad.tv/news/po-prosbe-crubrala-uroki-aktjorskogo-masterstva-ssha-osvoili-politiku-fejkov-eshhjo-v-90-e_290276?ysclid=ludr1t1a54912187886.

19. Противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны / Бочарников И.В., Суздалева Т.Р., Федоров К.В., Криворучко А.А., Петренко А.И., Зеленков М.Ю., Кандыбович С.Л., Разина Т.В., Овсянникова О.А., Трипольский В.Б. Москва, 2020.

20. Резня в Сребренице – огромный политический обман // Око планеты. Новости. Аналитика. Информация. 4.02.2013. URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/163740-reznya-v-srebrenice-ogromnyu-politicheskiy-obman.html>.

21. Терроризм в современном мире. Противодействие международному терроризму на современном этапе: основные направления, проблемы и приоритеты / под ред. А.П. Кошкина. М.: РЭУ, 2017.

22. Цыганова И.В. Человек, которому доверяла Америка (по страницам биографии Уолтера Кронкайта). URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/16095/discussion_platform.

23. Шаталов А.Ф. Информационное обеспечение деятельности органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации: дис. ... канд. социол. наук. М.: ВУ, 2000.

24. Regan T. When contemplating war, beware of babies in incubators. URL: <https://www.csmonitor.com/2002/0906/p25s02-cogn.html>.

МЕМЕТИКА: ОТ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ – К ПРАКТИКЕ КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ

С.Г. Галаганова

Широко известное сегодня слово «мем» было введено в научный (точнее – псевдонаучный) оборот ровно полвека назад британским биологом-эволюционистом Ричардом Докинзом. В 2013 году его книга «The Selfish Gene» была издана на русском языке под названием «Эгоистичный ген» [5]. Из-за неточного перевода смысл названия остался искаженным: слово *selfish* означает в данном случае не «эгоистичный», а «самовластный», «самодостаточный». Впрочем, сама концепция от этого не пострадала, что позволило российским ученым не только включиться в ее обсуждение, но и положить в основу своих собственных исследований [3, 8, 10].

Неологизм Докинза – нечто среднее между древнегреческими *mnēmē* (память), *mimētēs* (имитатор) и аналогичным по значению латинским корнем *memo*. Новым термином *memē* была названа любая единица культурной информации, уподобленная гену в генетике (отсюда схожее по звучанию название). В качестве мемов могут выступать идеи, лозунги, поведенческие шаблоны, популярные мелодии, образы, шутки, поговорки – словом, абсолютно любой элемент культуры, сознания и подсознания (индивидуального, группового, общественного).

Главной отличительной особенностью мемов признана их способность к *репликации*: подобно генам, они самостоятельно воспро-

изводят себя в новых средах, на новых носителях. Именно в этом смысле они selfish – независимы от человеческой воли, «полноправны» (intheirownrights) [29, с. 9]. Как и гены, мемы копируются вариативно и избирательно. Еще одно свойство мема – его изменчивость, подверженность мутациям, что также вписывает его в дарвинистскую парадигму [7]. Как и гены, мемы копируются вариативно и избирательно. В соответствии с дарвиновским законом естественного отбора здесь тоже выживают сильнейшие, вытесняя слабых и обрекая их на исчезновение. Именно эта борьба мемов за выживание, непрестанно ведущаяся на поле нашей памяти, является, по мнению сторонников «меметического» подхода, главным механизмом культурной эволюции. Наиболее жизнеспособные и широко распространенные мемы, как правило, объединяются в некие «тематические комплексы», реплицирующиеся как единое целое. Для их обозначения был введен еще один новый термин – «мемплекс» (memplex) [13].

Репродуктивный потенциал мема оценивается в соответствии с его способностью вызывать у носителя желание (осознанное или неосознанное) немедленно переправить его другому носителю (поделиться). В условиях, когда главными площадками социальной коммуникации стали социальные сети, распространение мемов приобрело вирусный, виральный (viral) характер, часто принимая форму «мемозидемий» [1, 9]. Людей, у которых одержимость мемами подавила способность к здравому мышлению, стали именовать «мемоидами» (memeoids) [26].

Таковы главные идеи, на основе которых к концу прошлого столетия на Западе оформилась новая область междисциплинарного знания под названием «меметика» (memetics). В 1997 году его представители создали свое собственное электронное издание – «Журнал меметики: эволюционные модели передачи информации». Название журнала свидетельствовало о претензиях меметики на роль

универсальной теории культуры, аналогичной дарвиновской теории эволюции и теории генетической передачи информации. На сей раз в роли гена выступал мем («ген культуры»), содержание любого уровня сознания (и подсознания) сводилось к совокупности мемов и мемплексов, а эволюция культуры – к процессам их репродуцирования и мутации [4].

Пытаясь спасти свое *genoptmée* известного ученого, Ричард Докинз заявил, что его концепция не предполагала столь далеко идущих выводов. Об этом же писали некоторые другие исследователи (например, известный психолог и историк науки Джереми Бёрмен) [14], но было поздно: джин примитивной меметической методологии был выпущен на свободу и, как это часто бывает, зажил своею собственной жизнью. Одна за другой появлялись работы, объясняющие простой репликацией мемов как «ментальных вирусов» любое социально-культурное явление – религию и наркоманию, менеджмент и коррупцию, особенности английской фонетики и вредоносные секты [6, 14, 32].

Попытки сведёния всей сложности процесса эволюции культуры и человеческого сознания к работе глобальной «мемомашины» (название популярной книги Сьюзан Блэкмор) [12] не могли не вызвать критики со стороны серьезных зарубежных ученых. Прежде всего, это касалось явной некорректности механического распространения закономерностей генетической науки на информационные процессы в сфере культуры. Мемы не формируют хромосом, у них нет локусов, физических носителей – это всего лишь некие абстракции, не существующие в реальности. Мемы не способны воспроизводиться с такой точностью, как гены, да и возможно ли поделить все многообразие человеческой культуры на некие независимые составные элементы? Было непонятно, каким образом репликация мемов в сознании людей влияет на их поведение, а через него – на культуру [25, 27].

Что касается мутаций мемов, то они могут носить не только естественный характер, но и целенаправленно осуществляться самыми разными социальными субъектами (никто ведь не отрицал применение нейролингвистических технологий в качестве оружия информационной войны) [2]. Остался открытым и вопрос о методике измерения мема в качестве единицы культурной эволюции — методики описания его содержания, исторической динамики, методики прогнозирования его последующего развития [25]. Недоумение научного сообщества вызывало полнейшее игнорирование меметикой новейших достижений семиотики (ведь мем — это знак), лингвистической семантики (мемы позиционируются как своего рода метаязык культуры), психологии, психиатрии, культурологии [12]²³.

Критика была настолько аргументированной, что в начале нового столетия меметику объявили лженаукой [28]. В 2005 году вышел последний номер «Журнала меметики» с «некрологом» Брюса Эдмондса о «выявленной нищете (poverty) аналогии мема с геном», окончательно вытеснившим меметику из сферы серьезного научного знания [18]. Однако ее история на этом не закончилась: она продолжилась в форме теории и практики меметических войн.

Уже в следующем 2006 году появляется статья Кита Хенсона под названием «Эволюционная психология, мемы и происхождение войны», где автор пишет о возможности использования мемов в целях перевода поведения народа из режима мирного существования в режим войны. Для этого, по его мнению, необходима пропитка общественного сознания мемами, стимулирующими массовый страх, ненависть к врагу, стремление оказать ему сопротивление, сплотившись вокруг защитника-вождя [24].

²³ Впрочем, вполне возможно, что мы имеем дело вовсе не с игнорированием, а с элементарным неведением, ведь среди наиболее известных авторов работ по проблемам меметики практически нет представителей академической науки. В основном это менеджеры IT-компаний, руководители бизнес-проектов, программисты, инженеры.

В это же время Майкл Проссер защищает и публикует магистерскую диссертацию на тему «Меметика – перспективная отрасль американских военных операций» [29]. Автор, офицер американского корпуса морской пехоты, рассматривает мемы как «главные боеприпасы» информационной войны. Он пишет о возможности использования мемов не только для распространения и закрепления той или иной идеологии в сознании противника, но и в качестве «вакцины» для «профилактических прививок» собственного личного состава, а также населения в местах ведения боевых действий. Заниматься этим, по мнению, Проссера, должны специальные подразделения – центры меметической войны (*memetic warfare centres*), состоящие из военных и гражданских аналитиков-профессионалов. Наряду с главным MWC, аналогичные «меметические штабы» должны существовать на всех уровнях вооруженных сил США. Более того: при каждом командире должен быть «memes officer» (офицер по управлению мемами) [29, с. 19].

В том же 2006 году Роберт Филкенштейн, профессор университета штата Мэриленд и глава «*Robotic Technology Inc.*» (крупнейшей американской «фабрики мысли» по робототехнике), был назначен руководителем необычного проекта. Заказчиком выступило Управление перспективных исследовательских проектов (*Defence Advanced Research Projects Agency, DARPA*) – управление Министерства обороны США, отвечающее за разработку инновационных технологий. Однако на сей раз Пентагон интересовали не роботы, а мемы: команде Филкенштейна предстояло дать аргументированный, экспериментально подтвержденный ответ на вопрос о возможности их использования в информационных войнах. Работа продолжалась пять лет. Свои выводы исследователи сформулировали в «Резюме по меметике» («*Memetics Compendium*»), в предисловии к которому указали на необходимость отделять плевелы от зерен – наукообразные нарративы о роли мемов в эволюции культуры от

той огромной, вполне реальной роли, которую они могут играть в когнитивной войне [19].

«Резюме» подвело черту под многолетней, так ничем и не закончившейся в свое время дискуссией адептов меметики о природе мемов и сфере их циркуляции. Одни считали, что мемы – это лишь наблюдаемые «культурные артефакты», распространяемые во внешней среде (главным образом, социальных сетях). Другие настаивали на их исключительно психической, ментальной сущности, не поддающейся визуализации. «Мемы – это и то, и другое», – заявили авторы «Резюме». Они распространяются не только в человеческом окружении, реальном и виртуальном, но и в человеческом мозгу (что, впрочем, тоже при желании может быть визуализировано при помощи специальных операций) [19, с. 8].

В 2011 году Роберт Филкенштейн публично озвучил основные выводы своей команды в докладе на состоявшемся в Александрии (штат Вирджиния) саммите по проблемам применения социальных медиа в военных целях. Однако его опередил специалист по психологическим операциям Брайан Хенкок, опубликовавший за год до саммита статью, посвященную «патогенным» мемам как главной причине международного терроризма [22].

Основные идеи всех четырех вышеупомянутых работ в обобщенном виде можно сформулировать следующим образом.

– Мемы обладают огромным потенциалом в качестве инструмента контроля всех видов общественного дискурса и, следовательно, являются мощным оружием когнитивной войны. Более того, современная информационная война по сути дела уже превратилась в меметическую войну – «битву мемов». Молниеносно захватывая многомиллионные аудитории, мемы разрушают репутации и создают культы, нагнетают фиктивные страхи и маскируют реальные угрозы, заражают оптимизмом и ввергают в отчаянье. Грамотно сконструированные и своевременно запущенные в оборот мемплек-

сы способны определять исход любой разновидности современной войны.

– Превращение мемов в «оружие массового поражения информационной эпохи» обусловлено особенностями их перцепции и трансляции. Небольшие порции информации воспринимаются и перерабатываются очень легко, без дополнительных умственных усилий. А поскольку мем несет в себе мощный эмоциональный заряд, его восприятие еще и доставляет реципиенту удовольствие, которым он стремится немедленно поделиться с другими. В силу этого процесс эмоционального заражения мемами протекает намного быстрее, нежели любым иным контентом.

– Мемы являются действенными интеграторами, объединяя незнакомых друг другу людей в сплоченные сетевые сообщества. При этом активность подобных виртуальных объединений часто стихийно выходит из сетевых берегов на реальные улицы и площади, формирует новые партии, движения, организации. Более того, иногда их бурная деятельность возникает исключительно стихийно, на пустом месте, в соответствии с открытыми Г. Тардом и Г. Лебонном закономерностями иррационального поведения толпы (в данном случае – виртуальной). Ярким примером может служить инцидент, получивший известность как «Hase Kara Calamity» («Катастрофа Хасе Кара») [30]. Начавшись с безобидного троллинга японского адвоката в социальной сети «2channel», он завершился формированием псевдорелигиозной секты и ее противозаконными акциями. Самое же интересное в данной истории то, что этот адвокат никогда не имел никакого отношения к религии. Поводом для высмеивания в качестве «Святейшего» и «Духа Истины» стало его внешнее сходство с руководителем одной из запрещенных экстремистских сект, удачно воспроизведенное в соответствующей карикатуре. Она стала мемом, сначала мемом-шуткой, потом – мемом-приманкой: она рекламировала выдуманную, не существующую личность, под знамена

которой тем не менее стали вставать все новые и новые «мемоиды». Сегодня в Японии их насчитывается уже более полутора миллионов²⁴. Вывод напрашивается сам собой: если эти полтора миллиона японцев сформировали фанатичное, агрессивное сообщество в силу чисто стихийных событий вокруг случайно выложенной кем-то картинки-мема, то каковы могут быть результаты сознательной, хорошо продуманной «мемоинженерии» (memeengineering)?

Примером плодотворной объединяющей функции позитивного мема может служить рожденное в зоне СВО «Работаем, братья!» — эхо сталинского обращения к «братьям и сестрам». Здесь не только объединение людей в боевое братство — здесь еще и мощный мобилизационный посыл, способный распространиться на всю страну.

— «Биография» конкретных мемов свидетельствует о зависимости их жизнеспособности от огромного количества разнообразных факторов, в основном связанных с эмоционально-психологическими характеристиками объекта воздействия и социально-культурным контекстом. Так, если во время Великой Отечественной войны карикатурные изображения Гитлера вызывали у народа дружный смех, превращаясь в мемы, то сегодня ни одна из карикатур Зеленского мемом так и не стала. Другая война, другая личность, другое восприятие... Единственное исключение — фото нежно обнимающихся Зеленского и Макрона во время встречи в Киеве. «Хочешь, убежим?.. Только ты и я...», — «озвучила» чья-то подпись таинственный шепот гостя на ушко хозяину. Казалось бы, над этим мемом должны были хохотать не только у нас, но и в дружно ненавидящей Макрона Франции. Но нет, там политические антипатии перечеркнула диктатура «новой нормальности»: французы, может, и посмеялись бы, да очень уж страшно прослыть «нетолерантными».

²⁴ Здесь и далее приведенные примеры являются выбором автора статьи: в анализируемых работах зарубежных исследователей они отсутствуют.

Еще один пример зависимости мема от исторического контекста – афоризм «дяди Гиляя» (В.А. Гиляровского): «В России две напасти: / Внизу – власть тьмы, / А наверху – тьма власти». До революции его не повторял, к месту и не к месту, только ленивый. Но пришло поколение, не ведающее о «Власти тьмы», – и былой мем превратился в информацию для литературоведов и историков.

– Результативность воздействия мемов в целом зависит от тех же факторов, что и любая иная форма пропаганды. Здесь важны максимальная точность трансляции (дабы избежать мутаций), широта охвата аудитории, длительность повторяющегося распространения. Необходимо предварительное формирование системы «мемоагентов» (memoagents) – людей, организаций, ботов, создающих и распространяющих мемы; определение социальной группы (сетевого сообщества), которая будет транслятором мема (в «Резюме» она называется «мемопулом» – memepool); анализ самого мема с точки зрения его принадлежности к определенному типу информационного контента (отсюда понятие «мемотип» – memotype).

– И, наконец, самый главный вывод: если мемы формируют сознание, так давайте же формировать мемы! (Memes Shape Brains – Shape Memes!) Давайте разрабатывать стратегию и тактику меметической войны!

Последний вывод отчасти получил практическое воплощение в учебном пособии (tutorial) Роберта Филкенштейна под названием «Военная меметика» [19]. Здесь подробно рассматриваются задачи, которые можно решать на основе меметики в рамках конкретных направлений информационной войны – например, психологических операций (Psychological Operations или PsyOp), операций по введению противника в заблуждение (Military Deception или MilDec), контрпропагандистских операций. Здесь впервые поставлен вопрос о необходимости измерения всех возможных аспектов мемовойны при помощи таких индикаторов, как состав и динамика мемопула и

аудитории реципиентов, структура и динамика последней, временная пролонгированность трансляции мема и его сохранения в сознании реципиентов, выявленные последствия воздействия мемов на отдельных людей, социальные группы и общество в целом.

Столь же практический характер носит статья Джеффа Гиси «Настало время принять меметическую войну», опубликованная в одном из журналов НАТО [21]. Статья посвящена исследованию феномена троллинга в социальных сетях как современной разновидности партизанской войны и наиболее дешевого и действенного инструмента психологического воздействия на противника.

Ответы России на вызовы меметической войны в целом выглядят вполне достойно. Отдельные примеры можно смело включать в tutorial по меметике. К таковым я бы, в частности, отнесла минутный видеоролик захода российских войск в Покровск 11 ноября 2025 года, выложенный во многих СМИ (30 ноября город был полностью освобожден). Здесь был тонко обыгран густой и продолжительный туман, неожиданно накрывший в тот день местность и позволивший нашим бойцам всего за несколько дней продвинуться на расстояние, преодолевавшееся раньше не менее чем за месяц. Туман свел почти к нулю видимость для украинских дронов и американских спутников. Что же касается российских дронов, то наши бойцы компенсировали временную потерю их «зрения» тем, что за месяцы подготовки наизусть выучили расположение каждого квартала и дома. В видеоролике заход в Покровск возглавляет появляющийся из тумана кавалерист с красным флагом в снаряжении бойца СВО. Мастерски объединив в этом «образе-мемплексе» символику Гражданской войны (в советское время Покровск назывался Красноармейском), Великой Отечественной (все то же красное знамя) и сегодняшней спецоперации, авторы активировали один из главных архетипов русского коллективного бессознательного — помощь героев, павших на полях былых сражений, своим воюющим потом-

кам. «Наши мертвые нас не оставят в беде, / Наши павшие – как часовые», – пел В. Высоцкий. Потому что в сознании нашего народа они вовсе не мертвые, они – живые. Отсюда акция «Бессмертный полк», отсюда же – хоругви Спаса Нерукотворного рядом со знаменем Победы на броне наших боевых машин в зоне СВО. Вслед за таинственным кавалеристом-знаменосцем из тумана появляются воины на медведях – еще одна удачная активация «традиционного русского» мема. Здесь и очень востребованная в меметике мистическая составляющая, и стилистика компьютерных игр (авторы явно принадлежат к «поколению Warcraft» – некогда культовой компьютерной игры), и отсыл к медведям из многочисленных фильмов в жанре фэнтези.

Все это тут же сделало ролик сверхвирусным мемом, собравшим миллионы просмотров, лайков и восторженных комментариев. Одновременно подтвердив, что для побед в меметической войне у нас есть все необходимое: профессионалы с погонями и в штатском, талантливые блогеры, «независимые корреспонденты», члены сетевых сообществ и просто обычные пользователи, у которых имеется общедоступное пространство Интернета как площадки для «мемотворчества», идейно заряженная армия «мемоагентов» (политику России сегодня поддерживает не только ее собственный народ, но и многочисленные друзья в недружественных странах), исторический опыт партизанских войн и понимание, что победы одерживают лишь те народы, которые воюют вместе со своими солдатами.

Однако нужно поискать ответ еще на один вопрос: почему меметическая война была «объявлена». Западом относительно недавно? Ведь, как признают сами зарубежные исследователи, она фактически ведется с начала Первой мировой, а социальные сети – лишь ее очередная фаза. Почему Пентагон лишь сегодня приступил к активному финансированию научных разработок, учебных пособий, «меметического обеспечения» психологических операций?

Открытым текстом представители «военной меметики» на эти вопросы не отвечают. Однако ответ легко прочитывается между строк: к началу третьего десятилетия нынешнего века произошло качественное изменение коллективного объекта воздействия. В активную жизнь вступило «гаджет-поколение», для которого первыми и главными источниками информации и воспитателями стали телефоны, планшеты, ноутбуки. Сформированная в раннем детстве привычка к потреблению ярких, фрагментированных, быстро сменяющихся картинок, фраз, коротких видео полностью подавила у этих детей способность воспринимать большие объемы внутренне связанной информации. В результате ребенок начинает воспринимать любые сведения исключительно фрагментарно, вне связей и логических переходов. Устанавливать эти связи и переходы ему уже не под силу. Лента социальных сетей, представляющая собой цепочку отрывочных, бессвязных сообщений, короткоформатный «Тик Ток», «правило пяти абзацев», соблюдаемое публикаторами сетевого контента, – все это будет потом лишь поддерживать и закреплять привитый в детстве клиповый способ обработки данных.

Однако любое серьезное обучение невозможно без работы с большими объемами связанного материала. Это и есть та необучаемость, на которую жалуются сегодня школьные учителя: ребенок не способен учиться, не потому что он глуп или ленив, а потому что изменен его мозг, настроенный на другой ритм и другой формат перцепции. Между тем эти ритм и формат максимально соответствуют восприятию мемов: мозг *homodigitalis* (цифрового человека), пришедшего на смену *homo sapiens* (человеку разумному), воспринимает мемы легко и с удовольствием. Другими словами, меметическая война – это, прежде всего, война за сознание мемоидов. Мемоиду не нужно образование – потребности в знаниях у него нет. Есть потребность понять происходящее, но для этого вполне достаточно предельно упрощенного набора мемов и мемплексов. На-

род-мемоид обречен стать легкой добычей стратегов и тактиков когнитивной войны. Поэтому будущее России будет определяться не только (и не столько) умело разработанными меметическими операциями, сколько своевременным осознанием «экранного детства» в качестве серьезнейшей угрозы национальной безопасности страны, а формирования альтернативной системы школьного образования – в качестве одного из главных условий независимости страны.

Что касается мемоинженерии, то ее будущее неизбежно будет связано с развитием технологий искусственного интеллекта, способными многократно увеличить точность конструирования мемов, выявления потенциальных объектов их приложения, определения «аудитории захвата», результатов их воздействия [17]. Все эти процессы будут автоматизированы за счет использования новейших информационных технологий (прежде всего, технологии Large Language Model, LLM). В результате «гонка меметических вооружений» примет алгоритмический характер, что, в свою очередь, откроет беспрецедентные возможности для управления сетевым дискурсом и социальным поведением. Внести свой вклад в разработку подобных технологий предстоит студентам и магистрантам кафедры информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Литература и источники

1. Броди Ричард. Психические вирусы. Как программируют наше сознание / пер. с англ. М.: Поколение, 2007. 304 с.
2. Галаганова С.Г. Лингвистическое программирование в информационной войне // Вестник Академии военных наук. 2024. № 1 (86). С. 43–46.
3. Гарнцева Н.М. Сознание как комплекс мемов // Философия сознания: классика и современность: Вторые грязновские чтения. М.: Издатель Савин С.А., 2007. С. 114–120.
4. Деннет Дэниел. Объясненное сознание / пер. с англ. М.: Канон+, 2025. 432 с.
5. Докинз Ричард. Эгоистичный ген / пер. с англ. М.: АСТ:CORPUS, 2013. 512 с.

6. Докинз Ричард. Бог как иллюзия / пер. с англ. М.: КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2012. 512 с.
7. Докинз Ричард. Расширенный фенотип. Длинная рука гена / пер. с англ. М.: АСТ:CORPUS, 2024. 608 с.
8. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. Москва, 2025.
9. Носырев И. Мастера иллюзий. Как идеи превращают нас в рабов. М.: Форум, 2013. 544 с.
10. Рашкофф Дуглас. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание / пер. с англ. М.: Ультра:Культура, 2003. 368 с.
11. Савицкая Т.Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // Информкультура онлайн. Аналитика, библиография, фактография по культуре и искусству. 2013. № 3. URL: <http://intelros.ru/subject/figures/tatyana-savickaaya/23646-internet-memy.html>
12. Benitez-Bribiesca, Luis. Memetics: A Dangerous Idea // Interciecia. 2001. Vol. 26. No. 1. P. 159–230. URL: <https://web.archive.org/web/20131204024032/http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=33905206>
13. Blackmore, Susan. The Meme Machine. U.K.: Oxford University Press, 1999. URL: https://www.researchgate.net/publication/220327365_The_Meme_Machine
14. Blackmore, Susan. The Power Of Memes // Scientific American. 2000. Vol. 283. No. 4. P. 52–61. URL: <https://therearenosunglasses.wordpress.com/2011/02/11/the-power-of-memes-dr-susan-blackmore/>
15. Burman J.T. The Misunderstanding of Memes: Boigraphy of An Unscientific Object // Perspectives of Science. 2012. Vol. 20. No. 1. P. 75–104. URL: https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/56871337/The_misunderstanding_of_memes.pdf
16. Deacon, Terrence W. Memes as Signs in the Dynamic Logic of Semiosis: Beyond Molecular Science and Computation. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Memes-as-Signs-in-the-Dynamic-Logic-of-Semiosis%3A-Deacon/4213b2e48290c8ec9aa53965a472f02d87ccb1fa>
17. Donovan J., Dreyfuss E., Friedberg B. Meme Wars: The Untold Story of the Online Battles Upending Democracy in America. U.S.: Bloomsbury Publishing, 2022. URL: <https://www.amazon.com/Meme-Wars-Battles-Upending-Democracy-ebook/dp/B0B58WBTPR>
18. Edmonds B. The Revealed Poverty of the Gene-Meme Analogy // Journal of Memetics. Vol. 9. Issue 1. URL: https://web.archive.org/web/20210717110017/http://cfpm.org/jom-emit/2005/vol9/edmonds_b.html
19. Finkelstein Robert. On Memetics: Memetics Compendium. URL: <https://archive.org/details/MilitaryMemetics/page/n3/mode/2up>
20. Finkelstein Robert. Tutorial: Military Memetics. URL: https://archive.org/stream/MilitaryMemetics/MilitaryMemetics_djvu.txt

21. Giese Jeff. It's Time to Embrace Memetic Warfare // Defense Strategic Communications. Vol. 1. NATO Strategic Communications Centre of Excellence. URL: https://archive.org/stream/nato-memetic-arfare/NATO%20Memetic%20Warfare_djvu.txt

22. Hancock, Brian J. Memetic Warfare: The Future of War // Military Intelligence Professional Bulletin. Vol. 36. No. 2. April-June 2010. P. 41–46. URL: <https://westernman.org/wp-content/uploads/2019/07/Memetic-Warfare-Military-Intelligence-Professional-Bulletin-Department-of-The-Army.pdf>

23. Hensen Keith H. Memetics and the Modular-Mind: Modelling the Development of Social Movements. URL: <https://fantlab.ru/work411584>

24. Henson Keith H. Evolutionary Psychology. Memes and the Origin of War // Kuro5hin, 2006. URL: <https://web.archive.org/web/20160112051107/https://www.kuro5hin.org/story/2006/4/17/194059/296>

25. Kilpinen Erkki. Memetics: A Critique On the Use of Meaning Concepts About Nature and Culture // Semiotica. 2008. Vol. 171. No. 1–4. P. 215–237. URL: <https://researchportal.helsinki.fi/en/publications/memes-versus-signs-on-the-use-of-meaning-concepts-about-nature-an/>

26. Lynch Aaron. Through Contagion: How Belief Spreads Through Society. N.Y.: Basic Books, 1996. URL: <https://web.archive.org/web/20170726060600/http://jasss.soc.surrey.ac.uk/2/2/review4.html>

27. Rose Nick. Controversies In Meme Theory. URL: https://web.archive.org/web/20050308005232/http://jom-smit.cfpm.org/1998/vol2/rose_n.html

28. Polichak J.W. Memes As Pseudoscience // Shermer M. The Sceptic Encyclopedia of Pseudoscience. URL:

29. Prosser Michael. Memetics – A Growth Industry in US Military Operations. URL: https://governamerica.com/documents/2006_memetics-a-growth-industry-in-us-military-operations.pdf

30. Situngkir Hokky. On Selfish Memes. Culture As Complex Adaptive System. URL: https://www.researchgate.net/publication/23742033_On_Selfish_Memes_culture_as_complex_adaptive_system

31. The HaseKara Calamity: A Doxing Saga. URL: [https://archive.org/details/atrocity-guide/20190605-The+HaseKara+Calamity%EF%BC%9A+A+Doxing+Saga+\(ft.+Nihongo+Johnny\)%5Bfa901cBQV_M%5D.webm](https://archive.org/details/atrocity-guide/20190605-The+HaseKara+Calamity%EF%BC%9A+A+Doxing+Saga+(ft.+Nihongo+Johnny)%5Bfa901cBQV_M%5D.webm)

32. Wynsberghe Axelle van. Internet Memes As New Cultural Metalanguage. URL: https://www.academia.edu/35828594/Internet_Memes_As_New_Cultural_Metalanguage_a_Case_Study_of_Pepe_the_Frog_Anthropology_of_Language_Research_Project

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАТФОРМЕННЫХ ПОДХОДОВ В СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

О.Н. Катков

Современный человек, непрерывно формируя вокруг себя все более сложное техническое окружение, столкнулся с необходимостью непрерывного совершенствования систем управления как техническим комплексом, так и самим собой.

Начиная с середины XIX века создание систем проводной, а затем и радиосвязи породило взрывную информатизацию общества и, как следствие, его переход в цифровую эпоху.

Цифровизацию подстегнул переход от аналоговых систем управления техническими устройствами к цифровым и создание систем компьютеров, превратившихся в конечном итоге в необходимый атрибут существования человека. Став важнейшим инструментом познания и управления, компьютер создал условия для порождения информационного объема, усвоение которого с использованием лишь ресурсов человеческого мозга практически невозможно. Таким образом, возникли предпосылки для создания специальных компьютерных программ, использующих алгоритмы, имитирующие работу человеческого мозга, и получивших название «искусственный интеллект» [3].

Было бы неправильно рассматривать всю совокупность цифровых технологий, созданных обществом, лишь как техническую

опцию, обеспечивающую человечеству требуемый уровень существования. Цифровизация запустила важнейшие процессы во всех сферах человеческой жизни, став необходимым условием конкурентоспособности и стимулом социально-экономического развития и трансформации самого образа жизни.

Компьютер стал не просто доступен, но создал условия для трансформации пространства знаний человечества, вмешательства в его природу и изменение его системы ценностей. Постоянно расширяющийся спектр создаваемых программных продуктов предъявил человечеству новые, неординарные требования по экстремному развитию не только технологий сбора и обработки данных, но и совершенствованию процесса взаимодействия компьютера и человека. Существенная новация в этой сфере – платформенный подход, ставший эффективным механизмом взаимодействия между людьми посредством компьютерных систем [4].

Платформенный подход – это концепция, которая используется в разных сферах деятельности: бизнесе, IT, государственном управлении, – и предполагает создание коммуникационных площадок для взаимодействия между участниками. То есть современные платформы обеспечивают комплексное задействование интеллектуальных ресурсов и пользователей и носителей искусственного интеллекта. При этом платформа не создает продукты сама, а лишь связывает участников их создания. А факт включения в оперативное взаимодействие как носителей естественного интеллекта, так и IT-устройств, обладающих искусственным интеллектом, позволяет рассматривать платформу как социотехническую гибридную интеллектуальную систему.

Активное применение цифровых платформ обеспечивает пользователям очевидные преимущества, как за счет сокращения транзакционных издержек и ускорения взаимодействия между участниками, так и за счет синергетического роста интеллектуального потенциала

всей системы. Благодаря этому без цифровых платформ в настоящее время нельзя представить деятельность не только крупных экономических субъектов, но и государственных органов власти, предоставляющих свои услуги посредством цифровых платформ, таких как «Госуслуги», «ЕМИАС», «ФНС». В результате можно утверждать, что уже сегодня цифровые Интернет-платформы преобразуют как экономический и социальный, так и ментальный ландшафты страны. А возникновение и развитие платформенных подходов можно рассматривать как закономерную фазу цифровизации общества.

Следует отметить существенные особенности платформенного подхода. Цифровая платформа должна иметь необходимый инструментарий:

- для получения необходимого объема систематизированных данных;
- обеспечения хранения данных на контролируемых серверах;
- формирования базы прогностических моделей;
- обеспечения информационной безопасности;
- выработки и контроля исполнения управленческих решений;
- строгого регламента информационного взаимодействия пользователей платформы.

В социальном управлении, в рамках регулирования социальных процессов, результат во многом определяется способностью общества мобилизовать необходимые информационные ресурсы для успешного решения управленческих задач [6].

К ним следует отнести: должный объем данных об актуальном состоянии и тенденциях развития объекта управления в реальном времени. Не менее значимы надежные сведения о внешних факторах, влияющих на социальную систему, набор моделей, позволяющих прогнозировать ее состояние, доступный объем необходимых ресурсов, включая совокупный интеллектуальный потенциал, как естественной, так и искусственной природы. В качестве основного

инструмента управления рассматриваем целевое информирование. Управление всеми вышеперечисленными ресурсами рационально осуществлять с использованием платформенных подходов.

Учитывая, что наибольший опыт формирования и организации деятельности платформ накоплен в сфере ВІ, в социальном управлении использование именно этого опыта достаточно перспективно.

Однако необходимо видеть и ограничения подхода, основанного на долгосрочном прогнозировании будущего как в ВІ так и в социальном управлении. Ни большие данные, ни столь популярные сегодня методы машинного обучения далеко не всегда работают не то что в бизнес-планировании, но и в анализе поведения социальных систем. И люди и бизнесы развиваются не просто нелинейно, но в ряде случаев, особенно в условиях кризиса, практически непредсказуемо, что существенно сужает горизонт планирования. И это делает крайне важным сокращение сроков от получения данных к действию, прежде всего за счет автоматизации аналитики и управления на основе данных. Но во многих случаях невозможно обойтись без привлечения опыта человека при выработке управленческих решений.

В качестве примера использования цифровых платформ в аналитике можно рассмотреть платформу «VІsiology», разработанную партнером ФСГН МГТУ им. Н.Э. Баумана и оснащенную в современной версии искусственным интеллектом VІsiology Cortex [7]. По сведениям, обнародованным на конференции по управлению на основе данных «VIRUSH 2030», прошедшей 12 ноября 2025 года, рост рынка AI-VІ составляет порядка 30 % в год, что неудивительно, если учесть, что сегодня уже более 50 % информации синтезировано искусственным интеллектом, т. е. скомпилировано. В таких условиях наличие единых платформ управления, позволяющих надежно фильтровать данные, становится необходимым требованием для обеспечения эффективности, безопасности и качества управления.

Однако ключевым отличием BI-аналитики от аналитики в социальном управлении является вопрос окупаемости. Если в сфере BI главное требование к аналитическим инструментам – обеспечить финансовую окупаемость бизнеса и в конечном итоге запланированный уровень прибыли, то в социальном управлении – предупреждение негативных социальных последствий, что далеко не всегда может быть измерено в деньгах. В то же время современный платформенный инструментарий должен обеспечить учет кумулятивных эффектов, как в бизнесе, так и в социальном управлении.

В системе Visiology сегодня присутствуют следующие функциональные модули:

- системы сбора и консолидации данных ETL (Extract, Transform, Load) – из различных источников, их преобразование в формат, пригодный для аналитики, и загрузка в модули обработки;
- оптимизированный движок обработки данных, включая ETL –обработку

Системы авторизации, безопасности и регулирования прав доступа (RLS и OLS)

- портал и мобильные приложения;
- развитая библиотека моделей;
- мощный движок прогнозирования;
- редактор визуализаций и дашбордов;
- системы масштабирования и разработки комплексных пользовательских решений с использованием цикла Разработка > Тестирование > Эксплуатация (Develop>Test>Production);
- системы генерации Excel отчетов;
- инструменты JS кастомизации, позволяющие осуществлять настройку интерфейсов по запросу пользователя, и API (программный интерфейс приложений);
- 1С коннектор;

- Виртуальный аналитик (консультант) на базе ИИ «VIsiologyCortex».

Вышеприведенный перечень модулей обеспечивает реализацию широкого спектра задач аналитической поддержки бизнеса. Следует отметить, что данная платформа весьма толерантна к взаимодействию с другими комплексными решениями по обработке и анализу данных, таким как Excel и 1С.

Все перечисленные функции могут быть использованы и в рамках аналитической поддержки социального управления. Однако, наряду со средствами автоматизации аналитики, необходимо задействовать инструментарий рационального привлечения естественного интеллекта для решения управленческих задач. Полноценный интеллектуальный синтез, без которого подготовка и осуществление управления в социальной сфере невозможны, до сих пор остается уделом человека.

Таким образом, в системе социального управления, наряду со средствами автоматизации аналитики, должны быть представлены комплексы средств формирования и организации деятельности управляющих команд и рационального распределения интеллектуальных задач. Эта холистическая [8], непрерывно изменяющаяся система, свойства которой превышают совокупность свойств отдельных составляющих ее подсистем. Данная система требует особой методологии формирования и обеспечения функционирования, учитывающей ее гибридную природу и способность к самоорганизации.

Предполагается, что подсистема формирования и организации деятельности управляющих команд должна строиться на принципе комплементарности и компетентностной достаточности формируемых команд для решения всего комплекса принятых к решению задач. То есть предполагается, что для решения каждой задачи команда должна обладать конкретным набором компетенций. В свою

очередь, каждый исполнитель – член команды обладает собственным набором компетенций – компетентностным профилем.

В рамках платформенного подхода организация деятельности команд осуществляется за счет формирования системы личных и проектных кабинетов, единого пространства знаний. То есть сгенерированные в рамках командной работы знания становятся достоянием команды и постоянно пополняются в ходе работы. Одно из необходимых условий успешной деятельности команды – организация внутреннего трансфера знаний, что должно найти отражение в архитектуре платформы.

Создание платформы социального управления – технически и методологически сложная задача, требующая наличия междисциплинарных компетенций и организационных структур, обеспечивающих практическую отработку технологий.

Также чрезвычайно значимо соответствие формирования платформы социального управления стратегии развития университета, ориентированной на «поддержание и развитие многодисциплинарной и мультифункциональной природы инженерного образования, реализуя основной принцип русской инженерной школы: образование через практику» [9]. Заявленная многодисциплинарность и мультифункциональность – это не дань моде, а необходимое условие достижения долгосрочной цели «обеспечения мирового лидерства РФ в инженерной деятельности». Инженерное лидерство – многоплановая задача, предусматривающая не только инженерные разработки, но и формирование социальной среды и ментального пространства, насыщенного постоянно обновляющимися знаниями и технологиями.

Запуск платформы социального управления следует рассматривать как инструмент развития образовательной парадигмы, способной противостоять ряду негативных процессов, таких как быстрое моральное устаревание знаний и трудности удержания интеллектуального приоритета в условиях утечки мозгов.

Источники

1. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. Москва, 2025.
2. Ремарчук В.Н. Информационная аналитика: теория, методология, технологии: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2025. 340 с.
3. <https://www.gptunnel.ru/ru/blog/history-of-ai-from-philosophical-ideas-to-neural-networks>
4. <https://ict.moscow/presentation/platformennyi-podkhod-kak-osnovadlia-tsifrovyykh-servisov/>
5. <https://staxel.pro/tpost/abkcx61ea1-platformennost-kak-novaya-proizvodstvenn>
6. <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-platformennogo-podhoda-v-reshenii-zadach-strategicheskogo-planirovaniya-sotsialn>
7. <https://ru.visiology.su/>
8. [file:///C:/Users/Klyaks/Downloads/1904-1932-1-PB%20\(2\).Pdf](file:///C:/Users/Klyaks/Downloads/1904-1932-1-PB%20(2).Pdf)
9. <https://priority2030.ru/analytics/uja1yw7pum/about/program>

ИНФОРМАЦИОННАЯ АНАЛИТИКА КАК СФЕРА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.Д. Доронин

В ходе научно-исследовательской и учебно-преподавательской деятельности проекта «Школа молодого этнополитолога» был получен ряд положительных отзывов об уже проведенных Школой мероприятиях и настоятельные пожелания о целесообразности разработки более детальных и длительных учебных планов по подготовке и переподготовке специалистов в сфере информационной аналитики.

Технологии современной информационной аналитики сегодня вызывают живой интерес не только у молодого поколения студентов и аспирантов, но и у состоявшихся в науке исследователей. Причем интерес этот не только сугубо научный, но и прикладной. Имеется активный запрос на эффективные аналитические методики решения учебных, научных и практических задач на современном технологическом уровне с использованием последних достижений отечественной и зарубежной мысли в самых различных сферах человеческой деятельности.

Современная информационная аналитика уже давно стала сферой междисциплинарных исследований, где используются теоретические и практические достижения гуманитарных, социальных, точных и даже естественных наук. В настоящее время практически все научные открытия и прорывные технологии осуществляются на

стыке наук, посредством синтетического исследования стоящей проблемы с позиций различных научных дисциплин.

В рамках ведения аналитических исследований происходит широкое взаимодействие специалистов различных смежных дисциплин, причем меняется не только форма самого междисциплинарного взаимодействия, но и степень интеграции этих дисциплин между собой. Междисциплинарный подход, способствует развитию общенаучного кругозора и формированию цельного научного мышления аналитика. Интеграция знаний на основе междисциплинарных связей дает возможность создать целостное видение исследуемой проблемы или явления.

В подтверждении этого тезиса хочу сослаться на мнение В.К. Петрова: «Мы наблюдаем попытку смены существующей узковедомственной парадигмы организации аналитической деятельности на межведомственную и шире – на междисциплинарную, что является следствием необходимости вовлечения в анализ все больших массивов разноаспектной информации и специалистов разного профиля в интересах повышения качества управления и снятия множества затруднений, повсеместно возникающих в реальной действительности».

Обучение информационной аналитике на основе междисциплинарного знания дает нам кадровые ресурсы более качественного уровня с уникальным набором компетенций, позволяя подготовленному специалисту с успехом применить все его умения и навыки в реальной практической деятельности при решении разноплановых задач высокой степени сложности.

Появившиеся с начала 2000 годов, благодаря широкому использованию сети Интернет, возможности доступа к широкому спектру источников открытой информации сопровождались созданием эффективных методов, упрощающих сбор и обработку огромных тематических информационных массивов. В настоящее время технологии

интеллектуального анализа информации и растущие вычислительные возможности позволяют не только значительно ускорить, а иногда и серьезно автоматизировать сбор, обработку, верификацию и анализ разноплановых доступных данных, но и за счет расширения базы их источников увеличить точность и значимость результатов исследований.

Профессиональная работа с аналитической информацией лиц, принимающих решения, предоставляет им серьезные преимущества в скорости и качестве оценки складывающейся ситуации и поиске вариантов принятия оптимальных управленческих решений в условиях усиливающейся системной неопределенности окружающей обстановки.

Развитие современных информационно-аналитических технологий, в том числе и с использованием систем искусственного интеллекта как в академической, так и в прикладной областях, ставит перед учеными-исследователями новые классы задач управленческого, этического, правового и социального характера, связанных с растущей сложностью информационных систем, применяемых на каждом этапе исследовательского цикла. Как то – постановка задачи, сбор, обработка, верификация, анализ, синтез, конечной реализации научных результатов в виде научных публикаций и трудов, а также характерной для каждого этапа обратной связи. Все это ведет не только к увеличению технологичности текущих научных исследований, но и к появлению новых, ранее не исследовавшихся тем и направлений.

На фоне непрерывно растущего потока информации необходима выработка современной долгосрочной стратегии развития информационной аналитики, которая позволит поднять на новый качественный уровень информационную и аналитическую работу в государственных и не государственных структурах, вобрав в себя, как уже имеющийся эмпирический опыт и проверенные временем

аналитические технологии, так и последние новинки научно-технического прогресса.

Казалось бы, тезис о том, что информационная аналитика имеет жизненно важное значение для всех уровней и сфер управления и принятия решений в Российской Федерации, уже давно не требует своего обоснования, поскольку мировые информационные потоки продолжают активно расширяться и эволюционировать, а важность способности извлекать и анализировать полезную информацию из этих огромных объемов данных только возрастает.

Но в реальности не все так просто и оптимистично. До сих пор на уровне государственной политики в России отсутствует системная концептуальная работа по определению стратегических направлений использования информационной аналитики как инновационного инструмента поддержки принятия управленческих решений. И если наши «зарубежные партнеры» регулярно выпускают серьезные доктринальные документы по различным отраслям информационной аналитики, то у нас с этим очень большие проблемы.

Причем это состояние не связано с квалификацией и стратегическим видением текущего состояния дел отечественными специалистами. В качестве одного из примеров высокого уровня конкурентоспособности российской науки достаточно упомянуть концепцию аналитики, разработанную более 15 лет назад В.К. Петровым [1]. Много здравых мыслей прозвучало и в других работах российских исследователей информационной аналитики – А.И. Селиванова [2], Г.Г. Малинецкого [3], В.Н. Ремарчука [4] и др.

Однако несмотря на уже во многом имеющуюся теоретическую базу, серьезные концептуальные документы, ставящие к исполнению конкретные задачи и задающие новые ориентиры развития отсутствуют, как и сама государственная политика по развитию данной стратегической отрасли знания.

Для того чтобы не остаться на обочине мирового развития, необходимо консолидировать усилия ученых-подвижников в рамках долгосрочных государственных программ по созданию интегрированного и гибкого сообщества отечественных специалистов в сфере информационной аналитики, способных создавать и, самое главное, быстро внедрять аналитические инновации по мере развития и изменения окружающей нас среды.

Данная стратегия должна включать в себя следующие основные стратегические направления, которые позволят в рамках системного подхода использовать весь имеющийся на сегодня научный и практический потенциал информационной аналитики в соответствии с целями и задачами, которые ставит перед страной политическое руководство Российской Федерации:

- формирование единого понятийного аппарата информационной аналитики;
- создание стандартов форм и методов информационно-аналитической деятельности;
- доктринальное определение путей развития этой отрасли знания;
- создание непротиворечивой законодательной базы, регламентирующей политику в сфере развития информационного общества;
- организация и координации частно-государственного партнерства в этой сфере, расширение обмена информацией среди заинтересованных структур, усиление координации при планировании деятельности во избежание дублирования и нерационального расходования ресурсов при разработке отечественных образовательных и практических технологий информационной аналитики;
- разработка, внедрение и совершенствование отечественных инструментов информационной аналитики;

- развитие и внедрение инновационных отечественных технологий для повышения оперативности и качества результатов информационно-аналитической деятельности;
- инвестиции в подготовку кадров, формирование и развитие квалификационных навыков и эмпирического опыта информационных аналитиков, подготовка их следующего поколения.

Особое внимание необходимо уделить развитию потенциала искусственного интеллекта и машинного обучения, что представляет собой значительные возможности для перспективного развития информационной аналитики. Но также должным образом необходимо четко понимать и учитывать и все риски, связанные с происхождением и достоверностью генерируемой системами искусственного интеллекта информации.

Для решения этих вопросов необходима постоянная связь с практикой применения информационной аналитики и прочные партнерские отношения с органами государственного и муниципального управления, промышленностью, научными кругами и зарубежными партнерами из дружественных стран, что будет иметь важное значение для успеха развития информационной аналитики и ключевых факторов реализации данной стратегии.

Учитывая быстрые темпы изменений окружающей среды, нужно будет с определенной периодичностью пересматривать текущую стратегию и дорабатывать оперативные планы по внедрению аналитических технологий в практическую деятельность в форме разработки конкретных действий, предпринимаемых для достижения целей поставленных стратегией развития информационной аналитики.

Литература и источники

1. Курлов А.Б., Петров В.К. Методология информационной аналитики. М.: Проспект, 2014. 384 с.
2. Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения / под ред. А.И. Селиванова. М.: ИПК госслужбы, 2005.
3. Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / Российская акад. наук, Программа фундаментальных исслед. Президиума РАН «Экономика и социология знания», Подпрограмма «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики», Ин-т прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаяев, Г.Г. Малинецкий. 2-е изд. М.: URSS, 2013. 350 с.
4. Ремарчук В.Н. Информационная аналитика: теория, методология, технологии: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2025. 340 с.

РОЛЬ ОНТОЛОГИИ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРЫ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ

А.А. Канаев

В условиях стремительной цифровизации научной, инновационной и управленческой деятельности проектирование автоматизированных систем управления знаниями (АСУЗ) перестает быть исключительно технической задачей и приобретает стратегическое значение [2]. Такие системы становятся ключевым элементом обеспечения технологического суверенитета, устойчивого развития научной среды и повышения конкурентоспособности национальной экономики. Этот переход требует отказа от парадигмы пассивного накопления информации в пользу активной, семантически управляемой архитектуры, способной не только сохранять знания, но и адаптировать их, интерпретировать в новом контексте и масштабировать в условиях быстро меняющейся научно-технической реальности [3].

Целью настоящего исследования является обоснование онтологии как архитектурного ядра АСУЗ – элемента, обеспечивающего семантическую целостность и сквозную трансляцию знаний от когнитивных моделей экспертов к формализованным цифровым представлениям.

Современное понимание управления знаниями выходит далеко за рамки организации репозитория или баз данных. Оно включает в себя динамический жизненный цикл, охватывающий шесть ключевых этапов и более 16 подпроцессов (рис. 1), в ходе которых знания генерируются, структурируются, распространяются, применяются и эволюционируют. Однако без единой семантической основы эта модель остается концептуальной схемой, не имеющей прямого технического воплощения.

Рис. 1. Обобщенная модель цикла управления знаниями

Проектирование АСУЗ в современном смысле предполагает формирование целостной научно-информационной инфраструктуры, объединяющей гетерогенные источники: от неструктурированных экспертных суждений и когнитивных карт до научных публикаций, метаданных, нормативных документов и результатов экспериментов. Такая инфраструктура должна быть динамичной – способной адаптироваться к изменению научных парадигм, интегрировать новые данные, поддерживать версионирование знаний и обеспечивать воспроизводимость исследований [4]. Именно здесь и проявляется центральная роль онтологии.

Типовая архитектура АСУЗ строится по трехуровневому принципу (рис. 2). Нижний (онтологический) уровень формирует семан-

тический фундамент, обеспечивая логическую согласованность и возможность автоматического вывода. Средний (операциональный) уровень отвечает за транспортировку и обработку знаний с использованием стандартных языков представления и движков логического вывода. Верхний (пользовательский) уровень реализует функции интеллектуального поиска, визуализации, навигации и взаимодействия. В совокупности архитектура направлена на переход от работы с «сырыми» данными к осмысленному, контекстно-ориентированному взаимодействию пользователя с системой.

Рис. 2. Типовая архитектура системы управления знаниями

Онтология в этом контексте выступает не как статичный глоссарий терминов, а как формализованная спецификация концептуализации, представленная в виде сети концептов и семантических связей – «является частью», «обладает свойством», «влияет на», «зависит от времени» и др. В отличие от таксономий или тезаурусов, онтологии способны моделировать сложные зависимости, включая причинно-следственные, временные и пространственные ограничения, а также логические аксиомы. Благодаря стандартизации (при помощи языков OWL и RDF) такие модели становятся машинно-интерпретируемыми, что открывает путь к созданию интеллектуальных сервисов, способных автоматически сопоставлять, обогащать и рассуждать над знаниями [7].

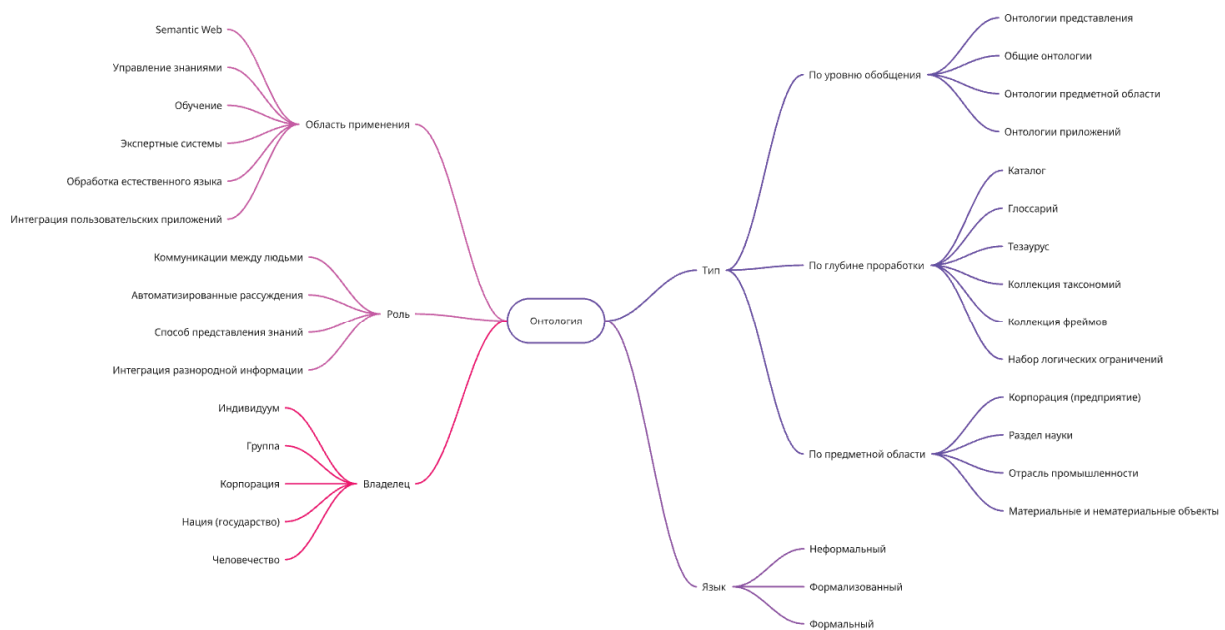

Рис. 3. Концептуальная схема онтологии

Важно отметить, что наибольшую когнитивную выгоду от построения онтологии получают не конечные пользователи, а сами разработчики и эксперты, участвующие в ее проектировании. Процесс формализации вынуждает их явно выявлять и структурировать неочевидные связи, устранять противоречия и уточнять термино-

логию. В то же время пользователи АСУЗ получают уже готовые, «упакованные» знания, лишенные богатства их происхождения и контекста. Онтология компенсирует этот разрыв, обеспечивая семантическую согласованность между разными уровнями представления знаний.

На нижнем уровне находятся неформализованные знания – экспертные сценарии, когнитивные карты, устные оценки. На среднем – структурированные данные: базы знаний, метаданные, публикации. На верхнем – формальные модели: математические уравнения, имитационные алгоритмы, цифровые двойники. Онтология служит семантическим мостом между этими уровнями, позволяя, например, автоматически транслировать экспертное мнение о причине отказа оборудования в параметры цифровой модели или связывать результаты лабораторного эксперимента с описанием реактивов и оборудования через унифицированные метаданные.

Все большую роль в этом процессе играют методы искусственного интеллекта (ИИ). Обработка естественного языка (NLP) позволяет извлекать сущности и отношения из научных текстов и сопоставлять их с онтологическими концептами [8]. Алгоритмы машинного обучения помогают выявлять скрытые паттерны в данных и предлагать новые аксиомы. Гибридные ИИ-системы обеспечивают динамическую адаптацию онтологии к эволюции предметной области. При этом ИИ не заменяет онтологию, а усиливает ее как архитектурное ядро, повышая масштабируемость и когнитивную гибкость всей системы.

Критически важным аспектом является поддержка версионирования. Научные знания не статичны – они уточняются, опровергаются и развиваются. Современные подходы к управлению версиями онтологий (например, через OntoWiki, WebProtégé или Git-подобные системы) позволяют отслеживать эволюцию концептов, поддерживать параллельные ветви развития и обеспечивать совместимость

моделей в многопользовательской среде, что особенно актуально для крупных междисциплинарных проектов (рис. 4).

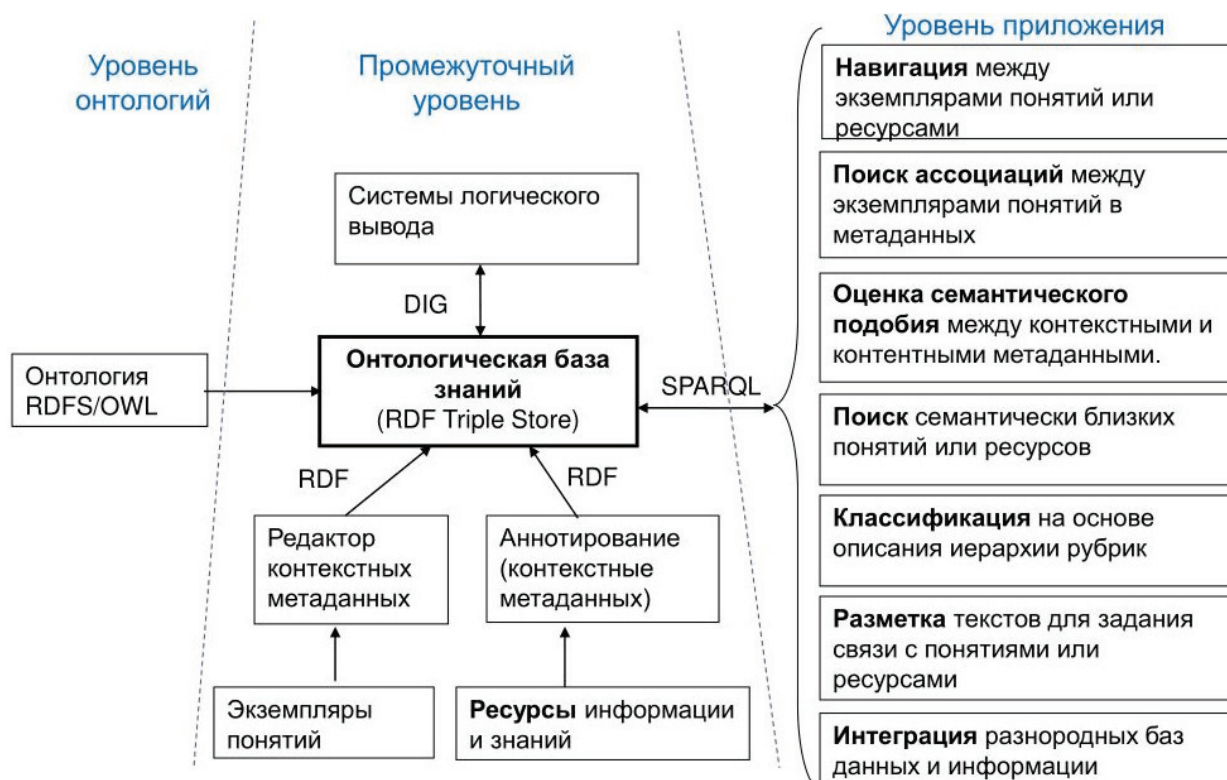

Рис. 4. Общая схема использования онтологий для решения прикладных задач

В рамках домена «Наука и инновации», функционирующего с сентября 2024 года на базе ЕГИСУ НИОКТР в составе единой цифровой платформы «ГосТех», онтология становится инструментом унификации описаний научных объектов – от реактивов и экспериментальных установок до биологических образцов и научных публикаций. Проекты, такие как цифровой каталог «Наша Лаба», ориентированный на продукцию российских и белорусских ученых, демонстрируют практическую потребность в «лингва франка» для научных данных. Онтология обеспечивает семантическую совместимость, что позволяет строить интеллектуальные сервисы: от рекомендательных систем и мониторинга научных трендов до прогнозирования технологических прорывов.

На рисунке 5 отражены ключевые преимущества использования системы управления знаниями, построенной на основе онтологии. Вместе с тем проектирование АСУЗ сопряжено с рядом вызовов. Среди них – высокая трудоемкость и стоимость разработки, риск ошибок при ручном моделировании, сложность интеграции с унаследованными системами, отсутствие семантической ориентации, а также возможность возникновения «онтологического барьера», когда пользователи отказываются от сложной модели, предпочитая простые, но менее эффективные решения [6].

Рис. 5. Преимущества онтологического подхода при проектировании системы управления знаний

Таким образом, онтология – это не просто вспомогательный инструмент, а архитектурное ядро, определяющее структуру, динамику и интероперабельность всей автоматизированной системы управления знаниями. Ее научная ценность заключается в обеспечении системности, единообразия и научной строгости представления знаний. В условиях формирования национальной инфраструктуры, ориентированной на технологический суверенитет, развитие онтологических подходов переходит из плоскости академического интереса в разряд вопросов государственной стратегии в области науки и инноваций.

Направления дальнейших исследований включают в себя: 1) разработку методик совместного проектирования онтологий с участием экспертов без технической подготовки; 2) интеграцию онтологических моделей с цифровыми двойниками научных процес-

сов в рамках платформы «ГосТех»; 3) исследование переносимости онтологий между междисциплинарными доменами; 4) создание гибридных ИИ-систем для автоматической валидации и обновления онтологий в реальном времени. Особенно перспективным представляется применение онтологического инжиниринга для унификации метаданных в рамках ЕГИСУ НИОКТР, что позволит достичь беспрецедентного уровня прозрачности и управляемости научно-технической деятельности в Российской Федерации.

Литература и источники

1. Бочарников И.В. Политический анализ: учеб.-метод. пособие. Электронные данные. Санкт-Петербург, 2019.
2. Гущина О.М., Крайнова О.А. Проектирование системы информационной поддержки управления знаниями // АНИ: педагогика и психология. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-sistemy-informatsionnoy-podderzhki-upravleniya-znaniyami> (дата обращения: 11.11.2025).
3. Голенков В.В., Гулякина Н.А., Давыденко И.Т., Шункевич Д.В. Семантические технологии проектирования интеллектуальных систем и семантические ассоциативные компьютеры // Доклады БГУИР. 2019. № 3 (121).
4. Гуськов А.Е. [и др.]. Национальная научно-информационная инфраструктура: проблемы, задачи и перспективы // Управление наукой и наукометрия. 2022. № 3.
5. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. Москва, 2025.
6. Ремарчук В.Н. Информационная аналитика: теория, методология, технологии: учебник для вузов. – 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2025. 340 с.
7. Скобелев П.О. Онтология деятельности для ситуационного управления предприятиями в реальном времени // Онтология проектирования. 2012. № 1 (3). С. 6–38.
8. Сидорова Е.А., Иванов А.И., Овчинникова К.А. Извлечение информации из текстов на основе онтологии и больших языковых моделей // Онтология проектирования. 2025. Т. 15, № 1 (55). С. 114–129.
9. Долятовский В.А., Гамалей Я.В. Онтологический подход к процессам и системам обучения и образования // Образовательные технологии. 2018. № 3.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ НЕЧЕТКИХ КОГНИТИВНЫХ КАРТ

А.Д. Горюшкина

Современные социальные системы характеризуются высокой степенью неопределенности, многокритериальностью и слабоструктурированностью знаний, что создает вызовы для традиционных методов анализа и управления. В этих условиях нечеткие когнитивные карты (НКК) приобретают особую значимость как инструмент, позволяющий формализовать качественные экспертные знания в виде количественной модели, отражающей причинно-следственные связи между концептами определенной системы.

Важно отметить, что актуальность интеграции методов искусственного интеллекта в процесс построения НКК обусловлена необходимостью преодоления ключевых ограничений традиционных подходов: высокой трудоемкости, субъективности экспертных оценок и ограниченной способности обрабатывать большие объемы неструктурированных данных. Как отмечают Papageorgiou и Stylios, ключевым барьером широкого внедрения НКК в практику социального управления остается высокая трудоемкость их построения, требующая значительных временных ресурсов экспертов [10]. В условиях, когда социальное управление требует оперативного анализа множества факторов и сценариев, автоматизация этапов построения

НКК с использованием больших языковых моделей (БЯМ) становится стратегически важной задачей.

Нечеткая когнитивная карта формально определяется как взвешенный ориентированный граф $G = \langle V, E \rangle$, где $V = \{v_1, v_2, \dots, v_k\}$ представляет множество вершин (концептов), а $E = \{e_{ij}\}$ – множество направленных дуг с весами $w_{ij} \in [-1, 1]$, отражающими степень и направление влияния концепта v_i на концепт v_j [6]. Процесс когнитивного моделирования включает в себя идентификацию ключевых концептов системы, определение целевого концепта, формирование матрицы смежности весов связей и последующий анализ структуры полученной модели.

Современные подходы к построению НКК различаются уровнем автоматизации: от полностью ручных методов с глубоким экспертным участием до полностью автоматических, основанных на методах искусственного интеллекта (ИИ) [12]. Ручные методы обеспечивают высокую интерпретируемость и точность за счет глубокого понимания предметной области, но обладают низкой масштабируемостью. Автоматические методы на основе ИИ отличаются высокой производительностью, но сопряжены с рисками семантических искажений. Этот фундаментальный компромисс определяет стратегию интеграции ИИ в процесс построения НКК для социального управления, где оптимальным представляется полуавтоматический подход с активным участием эксперта на этапах валидации [3].

Архитектура интеграции БЯМ в процесс построения НКК реализуется через последовательную обработку текстовых данных для автоматического извлечения концептов и связей с последующей визуализацией и анализом в специализированных FCM-библиотеках [14]. Такой подход создает симбиоз, где искусственный интеллект берет на себя рутинные операции по обработке больших объемов данных, а эксперт фокусируется на содержательной интерпретации и валидации результатов [5].

Особого внимания заслуживают возможности больших языковых моделей для автоматизации этапа извлечения концептов из текстовых источников различного характера: стратегических документов, протоколов совещаний, экспертных оценок. Использование техник prompt-инжиниринга позволяет настраивать модель на выделение ключевых факторов, влияющих на целевые показатели социального управления. Особенно ценным становится применение *chain-of-thought prompting*, значительно повышающего обоснованность выводов модели и снижающего количество галлюцинаций за счет явного аргументирования логики рассуждений [14].

На этапе извлечения связей БЯМ анализируют пары концептов для определения наличия и типа причинно-следственных отношений. Критически важным аспектом является различение корреляции и причинно-следственной связи, поскольку модели, обученные на статистических паттернах, склонны интерпретировать корреляцию как причинность [11]. Для минимизации этого риска рекомендуется интегрировать в процесс построения НКК дополнительные методы верификации причинности. Оценка весов связей может осуществляться как через экспертный подход с использованием семантического анализа контекста, так и статистическими методами на основе частоты совместного упоминания концептов.

Следует отметить, что генерация валидационных гипотез представляет собой ключевой этап обеспечения качества автоматически построенных НКК. БЯМ способны автоматически формировать гипотезы для экспертной проверки, указывая на наиболее значимые связи, требующие дополнительного исследования, или предлагая прогнозы относительно поведения системы при различных сценариях воздействий [11]. Этот механизм создает эффективный мост между автоматизированным анализом и экспертной оценкой, позволяя человеку фокусироваться на критически важных аспектах модели, а не на рутинной проверке всех связей.

Однако интеграция БЯМ в процесс построения нечетких когнитивных карт сопряжена с рядом существенных рисков, требующих комплексного анализа и разработки методов минимизации [4]. Наиболее критичным из них является риск галлюцинаций – генерации правдоподобных, но фактически неверных связей между концептами. Галлюцинации могут проявляться в различных формах: контекстуальные (генерация связей, основанных на общих знаниях, но отсутствующих в конкретном контексте), темпоральные (смещение временных периодов) и количественные (некорректная оценка весов связей).

Дополнительную угрозу представляет систематическая предвзятость обучающих данных. Большие языковые модели, обученные на массивных корпусах текстов, наследуют и воспроизводят существующие в этих текстах стереотипы и дискриминационные установки [4]. Культурная и социальная предвзятость может приводить к некорректной оценке связей в контексте российской социальной системы, особенно при анализе отношений между социальными гарантиями и экономической эффективностью. Политическая предвзятость может искажать оценку связей, связанных с государственным регулированием, в зависимости от доминирующих в обучающем корпусе идеологических установок.

Снижение интерпретируемости моделей при автоматизации построения НКК создает дополнительные сложности для применения в социальном управлении, где особенно важны прозрачность и объяснимость решений. БЯМ не предоставляют четких объяснений о причинах установления конкретных связей между концептами, что затрудняет экспертную оценку обоснованности этих связей и снижает доверие к полученным моделям [6].

Небольшие погрешности на этапе извлечения концептов и связей могут многократно усиливаться при последующем анализе и использовании НКК для прогнозирования. Ошибки в ключевых

связях могут приводить к некорректным выводам о приоритетах управленческих воздействий, что, в свою очередь, может спровоцировать принятие неэффективных или даже вредных управленческих решений.

В контексте инструментальной поддержки современная экосистема предоставляет разнообразные возможности для интеграции НКК и методов искусственного интеллекта. Сравнительный анализ существующих инструментов показывает, что для социального управления оптимальными являются открытые Python-библиотеки, особенно FSMpy и кастомные решения на базе NetworkX. Эти инструменты обеспечивают полный контроль над процессом построения и анализа НКК, легкую интеграцию с ML-стеком (scikit-learn, TensorFlow, PyTorch) и возможность создания гибридных моделей, сочетающих НКК и нейронные сети.

В отличие от закрытых отечественных систем («ИГЛА», «Ситуация»), которые обладают высокой точностью в экспертных оценках, но практически не поддерживают автоматизацию, открытые библиотеки позволяют реализовать стратегию постепенной автоматизации: начать с полуавтоматического подхода с активным участием экспертов, постепенно увеличивая долю автоматизации по мере накопления опыта и доверия к ИИ-компонентам [12]. Такой подход минимизирует риски резкого перехода к полной автоматизации и позволяет экспертам адаптироваться к новым технологиям.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы для внедрения методов искусственного интеллекта в когнитивное моделирование социальных систем:

Гибридный подход к построению НКК является оптимальной стратегией для социального управления. Сочетание возможностей БЯМ для предварительной обработки данных и экспертной оценки на этапе валидации обеспечивает необходимый баланс между масштабируемостью и точностью модели.

Человек должен оставаться в центре системы принятия решений при использовании ИИ-технологий в социальном управлении. Полная автоматизация построения НКК нежелательна, поскольку БЯМ могут генерировать семантически некорректные связи или некорректно оценивать веса. Необходим контроль эксперта на этапах валидации связей и калибровки весов, так как модели с экспертной валидацией показывают лучшие результаты при прогнозировании реальных социальных процессов по сравнению с полностью автоматическими моделями.

Открытые Python-библиотеки (FCMpy, PyFCM) в сочетании с фреймворками для работы с БЯМ (LangChain, Hugging Face Transformers) предоставляют необходимую инструментальную базу для практической реализации интеграции ИИ и НКК. Эти технологии позволяют создавать адаптивные системы, которые постепенно улучшаются на основе обратной связи от экспертов и обеспечивают прозрачность принятия решений.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются:

1. Разработка специализированных методов верификации и фильтрации галлюцинаций БЯМ при построении нечетких когнитивных карт. Создание предметно-ориентированных адаптеров для БЯМ, обученных на корпусах документов социальной направленности (стратегии развития территорий, отчеты о социальных программах, экспертные оценки), позволит повысить качество извлечения концептов и связей, а также минимизировать культурную и профессиональную предвзятость.

2. Нечеткие когнитивные карты могут служить интерпретируемым мостом между сложными ИИ-моделями и пользователями, визуализируя причинно-следственные связи и позволяя отслеживать логику принятия решений. Этот подход особенно перспективен для социального управления, где прозрачность решений является основой общественного доверия.

3. Создание стандартов безопасности и этики для автоматического построения НКК в социальной сфере станет важным шагом для ответственного внедрения технологий. Развитие методических рекомендаций и стандартов, определяющих допустимые уровни автоматизации для различных типов социальных задач и систем контроля качества автоматически построенных моделей, обеспечит ответственное внедрение технологий и защиту прав граждан.

Таким образом, интеграция методов искусственного интеллекта и нечетких когнитивных карт открывает новые возможности для анализа и управления сложными социальными системами. При правильном подходе, сочетающем вычислительную мощность современных моделей с опытом и интуицией человека в предметной области, эти технологии способны значительно повысить эффективность и качество социального управления, обеспечивая при этом необходимую прозрачность и подотчетность принятия решений.

Литература и источники

1. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. Москва, 2025.
2. Ремарчук В.Н. Информационная аналитика: теория, методология, технологии: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2025. 340 с.
3. Третьякова Т.О. Социальные проблемы внедрения систем ИИ в процессы принятия управленческих решений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-problemy-vnedreniya-sistem-ii-v-protsessy-prinyatiya-upravlencheskih-resheniy> (дата обращения: 30.11.2025).
4. Axelrod R. Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites. Princeton University Press, 1976. 286 p.
5. Emily M. Bender, Timnit Gebru, Angelina McMillan-Major, and Shmargaret Shmitchell. 2021. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? In Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 610–623. <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>
6. Groumpos P.P. Fuzzy cognitive maps: Basic theories and their applications to complex systems // Fuzzy Cognitive Maps. Springer, 2010. P. 1–22. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-642-03220-2_1

7. Guidotti R., Monreale A., Ruggieri S. et al. A Survey of Methods for Explaining Black Box Models // *ACM Computing Surveys*. 2018. Vol. 51. No. 5. Art. 93. P. 1–42. <https://doi.org/10.1145/3236009>
8. Kosko B. Fuzzy cognitive maps // *International Journal of Man-Machine Studies*. 1986. Vol. 24. No. 1. P. 65–75. [https://doi.org/10.1016/S0020-7373\(86\)80040-2](https://doi.org/10.1016/S0020-7373(86)80040-2)
9. Mollaei S., Ghomi S.M.T.F., Behnamian J. Fuzzy cognitive maps: A survey // *Engineering Applications of Artificial Intelligence*. 2023. Vol. 123. P. 106323. <https://doi.org/10.1016/j.engappai.2023.106323>
10. Papageorgiou E.I., Stylios C.D. *Fuzzy Cognitive Maps for Applied Sciences and Engineering: From Fundamentals to Extensions and Learning Algorithms*. Springer, 2021. 378 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-39739-4>
11. Schuerkamp, Ryan & Giabbanelli, Philippe. (2025). Guiding evolutionary algorithms with large language models to learn fuzzy cognitive maps. *Neural Computing and Applications*. 37. URL: https://www.researchgate.net/publication/390072225_Guiding_evolutionary_algorithms_with_large_language_models_to_learn_fuzzy_cognitive_maps (дата обращения: 30.11.2025).
12. Stylios C.D., Groumpos P.P. Modeling complex systems using fuzzy cognitive maps // *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part A*. 2004. Vol. 34. No. 1. P. 1–12. <https://kic.uoi.gr/wp-content/uploads/2020/04/Modeling-Complex-Systems-Using-Fuzzy-Cognitive-Maps.pdf>
13. Tolman E.C. Cognitive maps in rats and men // *Psychological Review*. 1948. Vol. 55. No. 4. P. 189–208. <https://doi.org/10.1037/h0061626>
14. Wei J., Wang X., Schuurmans D. et al. Chain-of-Thought Prompting Elicits Reasoning in Large Language Models // *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2022. Vol. 35. P. 24824–24836. <https://arxiv.org/abs/2201.11903>
15. Zadeh L.A. Fuzzy sets // *Information and Control*. 1965. Vol. 8. No. 3. P. 338–353. [https://doi.org/10.1016/S0019-9958\(65\)90241-X](https://doi.org/10.1016/S0019-9958(65)90241-X).

СРАВНЕНИЕ БИБЛИОТЕК ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗА НА ЯЗЫКЕ ПРОГРАММИРОВАНИЯ PYTHON

Д.С. Игнатов

Сентимент-анализ (или анализ тональности текстов) – область компьютерной лингвистики, которая занимается исследованием эмоций и мнений, содержащихся в текстах. Он нашел свое применение с появлением Интернета для анализа больших массивов информации, имеющей различный эмоциональный окрас. Сентимент-анализ используется для анализа социальных сетей, новостей, пользовательских отзывов и других источников текстовой информации. Рост объема цифровой текстовой информации и необходимость ее оперативной обработки обуславливают потребность в инструментах, позволяющих эффективно анализировать эмоциональные характеристики контента.

В экосистеме Python существует множество библиотек, предоставляющих средства для проведения сентимент-анализа. Однако их возможности существенно различаются. В связи с этим актуальной является задача комплексного сравнения этих библиотек на основе ряда критериев. Такое сравнение позволяет сделать обоснованный выбор инструмента для конкретной задачи и определить направления дальнейшего совершенствования методов сентимент-анализа.

В качестве цели исследования обозначено сравнение библиотек для сентимент-анализа на языке Python, выявление ограничений, тенденции и перспектив их применения в социальном управлении.

Формальным представлением задачи сентимент-анализа может выступать либо классификация текстовых данных, либо регрессия на шкале полярности [1]. Среди основных типов задач можно выделить два: общий анализ тональности (выявить отношение автора ко всему тексту) и таргетированный/аспектный анализ (выявить отношение к конкретному объекту или аспекту) [2]. Тональность определяется тремя факторами: субъект тональности (автор текста); тональная оценка (положительная, нейтральная, отрицательная, хотя допускаются и другие классификации оценок, например по шкале от -2 до +2 и т. д.); объект тональности (то, о чем идет речь) [5]. Этапы сентимент-анализа следующие [5, 6]:

- 1) сбор текстовых данных;
- 2) предобработка (токенизация, лемматизация, очистка текста);
- 3) извлечение признаков (векторное представление текста);
- 4) составление словаря либо обучение модели;
- 5) получение тональных оценок в результате применения модели.

Подходы к проведению сентимент-анализа следующие [7, 8]:

- 1) основанный на словарях и правилах (опираются на заранее составленные словари оценочной лексики и правила, сформированные экспертами в конкретной предметной области);

- 2) основанный на машинном обучении (определяется как задача классификации, используются методы машинного обучения, такие как наивный байесовский классификатор, метод опорных векторов (SVM), деревья решений, глубокие нейронные сети (LSTM, BERT) и т. д.);

- 3) гибридные методы.

Для сравнения выделены пять библиотек, позволяющих проводить сентимент-анализ: NLTK, VADER, TextBlob, Flair, SpaCy.

NLTK (Natural Language Toolkit) – популярная библиотека с открытым исходным кодом для задач обработки естественного языка

(NLP) на Python. Включает в себя ряд готовых корпусов и ресурсов для обучения моделей машинного обучения задачам NLP. Библиотека открыта и хорошо документирована [9].

VADER (Valence Aware Dictionary and s Entiment Reasoner) – модель, основанная на словарях и правилах для анализа тональности текста. Ориентирована на короткие тексты из социальных сетей. Основана на словаре валентностей (слова с весами тональности) и ряде эвристик для обработки знаков препинания, эмодзи и усилителей/ослабителей. Выдает численные оценки позитивной, негативной и нейтральной полярности и суммарный «композиционный» индекс. VADER специально адаптирован для английского языка и хорошо работает на твитах и отзывах [10].

TextBlob – высокоуровневая библиотека для простого NLP на Python, построена на NLTK и Pattern. Предоставляет удобный API для стандартных задач (токенизация, POS-теггинг, извлечение сущностей, классификация и т. д.). Для сентимента используется встроенный анализатор, который возвращает пару (полярность, субъективность) [9].

Flair – простая библиотека для обработки естественного языка с открытым исходным кодом, построенная на PyTorch. Имеет в своем составе множество предварительно обученных моделей для различных задач, в том числе и для анализа настроений, а также возможность обучать собственные модели. Способна извлекать контекстную информацию с учетом соседних слов и конструкции предложений, чтобы более полно понять настроение [12].

SpaCy – это бесплатная библиотека с открытым исходным кодом для расширенной обработки естественного языка в Python. Библиотека написана на Cython и работает с объектами. Разработана специально для производственного использования. Имеет статистические модели для множества языков, которые можно установить как отдельные модули Python. Модели могут различаться по разме-

ру, скорости, использованию памяти, точности и содержащимся в них данным [13].

Далее проведен сравнительный анализ библиотек по ряду критериев [13–15]: подход к определению тональности (на словарях и правилах либо на машинном обучении); поддерживаемые языки; простота использования; скорость; точность; гибкость; качество документации; выходные данные; возможности предобработки текста. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Исходя из полученных результатов, можно определить область применимости каждой из библиотек:

NLTK – мощный учебно-исследовательский фреймворк с обширной документацией и большим количеством готовых и настраиваемых компонентов. Подходит для сборки кастомных систем sentiment-анализа (своих корпусов и классификаторов). «Из коробки» предоставляет VADER и корпуса английских отзывов, но не дает готового решения сразу. Однако полноценно поддерживает только английский язык, а также плохо подходит, если важна скорость обработки.

VADER – простой и быстрый инструмент для английских текстов. Ориентирован на анализ твитов и отзывов в соцсетях. Однако не поддерживает другие языки и плохо справляется с анализом длинных текстов.

TextBlob – удобен для быстрого прототипирования на английском языке (выдает понятную пару «полярность/субъективность»). Хорош для малых задач, но для крупных задач не самый лучший вариант. Также поддерживает только английский язык.

Flair – имеет высокую точность благодаря подходу к представлению слов в виде контекстных эмбедингов. Имеется большое количество моделей для разных языков и задач, а также есть возможности обучить свою модель, либо дообучить существующую. Однако не подходит для задач, где важна скорость обработки.

Таблица 1

Итоги сравнения библиотек, позволяющих проводить sentiment-анализ на языке программирования Python

Критерий	Библиотеки				
	NLTK	VADER	TextBlob	Flair	SpaCy
Подход к оп-ределению тональности	Сочетает в себе оба подхода	На словарях и правилах	По умолчанию – на словарях и пра-вилах, возможно обучение моделей	На основе машинного обучения	На основе машинного обучения
Поддержи-ваемые языки	В основном английский	Только английский	Только английский	В основном английский	70+ языков, включая русский и английский
Простота ис-пользования	Простой в настройке и использовании	Простой в настройке и использовании	Простой в настройке и использовании	Простая настройка и использование, но при обучении своих моделей тре-буются определен-ные знания	Встроенной функ-ции sentiment-анализа нет, нужно самим конфигури-ровать пайплайн обучения модели
Скорость	Невысокая (1–2 тыс. токенов / сек)	Высокая (около 20 тыс. токенов / сек)	Невысокая (1–2 тыс. токенов / сек)	Низкая (100–200 токенов / сек)	Высокая (10–20 тыс. токе-нов / сек)
Точность (метрика assigasu)	70–75 %, результа-ты сильно зависят от обучающего корпуса (2 или 3 класса)	75–80 % (3 класса)	72–75 % (3 класса)	80–82 % (2 класса), при дообучении может быть выше 90 %	Без дообучения – 65–70 %, после дообучения может достигать 80 % (2 класса)
Гибкость	Высокая	Ограниченная	Ограниченная	Высокая	Высокая

Окончание табл. 1

Критерий	Библиотеки			
	NLTK	VADER	TextBlob	Flair
Качество документации	Везде хорошая документация			
Выходные данные	Словарь с полями pos, neg, neg compound (композиционный индекс) (от -1 до 1)	Возвращает два числа: polarity (от -1 до +1) и subjectivity (0 до 1)	Метки класса («POSITIVE» или «NEGATIVE») с вероятностью (оценкой уверенности)	Вероятности по классам тональности
Возможности обработки текста	Токенизация, лемматизация стемминг, удаление стоп слов, определение частей речи, анализ зависимостей, определение имен, определение частотности слов, поиск словосочетаний; возможность представления текста в виде «мешка слов» (модель BOW)	Отсутствуют самостоятельные модули обработки	Токенизация, лемматизация, определение частей речи, определение имен, поиск синонимов и антонимов, исправление орфографии, определение частотности слов, поиск словосочетаний	Токенизация, лемматизация, стемминг, удаление стоп слов, определение частей речи, анализ зависимостей, определение имен, удаление неоднозначности, векторизация частей текста

SpaCy – очень быстро обрабатывает текст и предлагает удобные инструменты для кастомизации. Также поддерживает множество языков. Однако не имеет встроенных модулей sentiment-анализа – нужно создавать и обучать собственные модели (через пайплайны или внешние расширения).

Однако библиотеки sentiment-анализа не лишены ограничений:

1. Языковые и культурные ограничения (большинство моделей направлены в основном на англоязычные тексты; слабая адаптированность или полная неадаптированность моделей к русскому и другим языкам; отсутствие крупных русскоязычных датасетов для обучения моделей).

2. Сложность обработки нетривиальных текстовых конструкций (ирония, сарказм, скрытый подтекст). Это снижает точность анализа при определении общественного мнения, исходя из данных социальных сетей, новостей и других источников.

3. Проблема баланса точности и скорости (нужно определять приоритеты).

4. Отсутствие интерпретируемости для моделей, основанных на машинном обучении.

Тем не менее можно выделить немало тенденций и перспектив применения sentiment-анализа в социальном управлении:

1. Возможности проведения аспектного анализа (получение тональной оценки не всего текста целиком, а по отдельным аспектам (например, отношение общества к различным социальным программам, общественным институтам и т. д.)).

2. Интеграция модулей sentiment-анализа в системы мониторинга социальных сетей, отзывов граждан, СМИ для своевременного принятия решений по определенным вопросам.

3. Мультиmodalность (анализ текста, изображений (в частности, мемов), аудио, видео) как одно из перспективных направлений для получения более полной картины происходящего.

4. Создание специализированных русскоязычных моделей и датасетов под социально значимые задачи.

5. Интеграция в системы поддержки принятия решений.

Таким образом, выбор подходящей библиотеки зависит от конкретной задачи (например, в случае постоянного мониторинга важна скорость, в то время как для принятия важных решений требуется высокая точность).

Литература и источники

1. Bing L. Sentiment Analysis and Opinion Mining, Morgan & Claypool Publishers, May 2012.

2. Cui J., Wang Z., Ho S., Cambria E. Survey on sentiment analysis: Evolution of research methods and topics. (2023). Artificial Intelligence Review. 56, 8469-8510.

3. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. Москва, 2025.

4. Ремарчук В.Н. Информационная аналитика: теория, методология, технологии: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2025. 340 с.

5. Посевкин Р.В., Бессмертный И.А. Применение sentiment-анализа текстов для оценки общественного мнения // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2015. Т. 15. № 1. С. 169–171.

6. Гималетдинова Г.К., Довтаева Э.Х. Sentiment-анализ читательского комментария: автоматизированная vs ручная обработка текста. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия.

7. Medhat W. et al. Sentiment analysis algorithms and applications: A survey, Ain Shams Eng J (2014), <http://dx.doi.org/10.1016/j.asej.2014.04.011>

8. Sentiment Analysis Techniques. Iq.opengenus.org. URL: <https://iq.opengenus.org/sentiment-analysis-techniques/> (дата обращения: 28.11.2025).

9. Natural Language Toolkit (NLTK): официальный сайт. URL: <https://www.nltk.org/> (дата обращения: 28.11.2025).

10. VADER Sentiment Analysis: официальный репозиторий. URL: <https://github.com/cjhutto/vaderSentiment> (дата обращения: 28.11.2025).

11. TextBlob: Simplified Text Processing: официальная документация. URL: <https://textblob.readthedocs.io/> (дата обращения: 28.11.2025).

12. Flair – A Very Simple Framework for State-of-the-Art NLP: официальный репозиторий. URL: <https://github.com/flairNLP/flair> (дата обращения: 28.11.2025).

13. SpaCy – Industrial-Strength Natural Language Processing: официальный сайт. URL: <https://spacy.io/> (дата обращения: 28.11.2025).

14. Best Python Sentiment Analysis Libraries. URL: <https://press.farm/best-python-sentiment-analysis-libraries/> (дата обращения: 28.11.2025).

15. Neptune AI. Sentiment Analysis in Python – TextBlob vs VADER vs Flair. URL: <https://neptune.ai/blog/sentiment-analysis-python-textblob-vs-vader-vs-flair> (дата обращения: 28.11.2025).

16. Unite.AI. 10 Best Python Libraries for Sentiment Analysis. URL: <https://www.unite.ai/10-best-python-libraries-for-sentiment-analysis/> (дата обращения: 28.11.2025).

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К СЦЕНАРНОМУ ПРОГНОЗИРОВАНИЮ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВЫ)

М.Ю. Дмитриева

Сценарное прогнозирование – это метод стратегического планирования, основанный на построении и анализе нескольких альтернативных вариантов развития событий в будущем для снижения неопределенности и подготовки к различным исходам [1]. В современных условиях глобальных изменений и локальных трансформаций управление развитием регионов требует не просто линейных прогнозов, а построения альтернативных траекторий развития территории. Региональные процессы – демографические сдвиги, миграционные потоки, технологические инновации, экологические риски и инфраструктурные изменения – обладают сложной динамикой и взаимосвязями [3]. Традиционные экспертные подходы медленны, трудоемки и слабо масштабируемы. Современные методы машинного обучения (ML) позволяют обрабатывать большие объемы данных, выявлять скрытые закономерности и создавать сценарии с меньшим участием эксперта. В данной статье рассматриваются три подхода к сценарному прогнозированию регионального развития – ручной, полуавтоматизированный и полностью автоматизированный – и сравниваются по ключевым критериям: точность прогнозов, прозрачность моделей, управляемость, результативность, эргономич-

ность, качество и эффективность. Цель исследования – определить оптимальный баланс между автоматизацией, экспертным контролем и практической применимостью сценарных моделей.

Существующие исследования показывают, что сценарное прогнозирование активно используется для планирования регионального развития и стратегических решений [5]. Например, А.В. Крашениников рассматривает использование сценариев в градостроительном планировании, подчеркивая их роль в адаптации регионов к неопределенным условиям [6]. Методы машинного обучения применяются для анализа больших массивов данных, интеграции экономических, социальных и экологических факторов, а также для генерации альтернативных сценариев [7]. Так, В.К. Каличкин и др. демонстрируют успешное применение XGBoost для прогнозирования интенсивности землепользования [8], а С.Н. Яшин и др. используют комбинацию Random Forest и LSTM для построения инновационного рейтинга регионов [9]. В современной литературе все чаще рассматриваются гибридные подходы, сочетающие экспертные оценки и ML-модели, что позволяет повышать точность и интерпретируемость прогнозов [10]. Обзор показывает необходимость систематического сравнения различных подходов с использованием критериев точности, прозрачности, управляемости, качества и эргономичности.

Выделим основные подходы к сценарному прогнозированию городского развития:

- Ручной (экспертный): сценарии формируются экспертами без машинного обучения, на основе логико-структурного анализа, «что-если» экспертиз и качественных оценок.
 - Анализ исходных факторов и выделение ключевых блоков (экономика, экология, инновации).
 - Построение логико-структурной схемы влияний.
 - Формирование трех сценариев: оптимистичный, пессимистичный, инерционный.

- Полуавтоматизированный (гибридный): ML используется для построения базовых прогнозов, которые затем корректируются экспертами с учетом контекста и реалистичности сценариев.
 - Количественные данные: частоты, тональность, граф связей.
 - Построение модели: регрессия, кластеризация, факторный анализ.
 - Экспертная корректировка: удаление нереалистичных вариантов, учет ограничений.
- Автоматизированный (ML-ориентированный): сценарии формируются полностью на основе алгоритмов машинного обучения и ИИ, без непосредственного участия экспертов.
 - Используется большой массив данных: факторы, связи, временные ряды.
 - Применяются мощные ML-архитектуры: Transformer, Seq2Seq, Graph Neural Network.
 - Автоматическая генерация сценариев: сотни или тысячи вариантов.
 - Оценка вероятностей и оптимизация стратегий с помощью Монте-Карло моделирования и RL.
 - Отбор лучших сценариев по целевой функции, например, рост индекса качества жизни.

Отметим далее основные этапы сценарного прогнозирования городского развития:

1. Сбор и предобработка данных: инфраструктура, экономика, население, окружающая среда.
2. Выделение ключевых факторов и формирование сценарных драйверов.
3. Построение моделей по каждому подходу.
4. Генерация сценариев: нарративы и численные траектории.

5. Оценка и отбор сценариев по критериям: точность, прозрачность, управляемость, результативность, эргономичность, качество и эффективность.

Проведем далее сравнительный анализ трех подходов к сценарному прогнозированию регионального развития: ручного, полуавтоматизированного и полностью автоматизированного. Основные критерии оценки включают в себя точность, прозрачность, управляемость, результативность, эргономичность, качество и эффективность. Раскроем содержание некоторых из них:

- Результативность – показатель того, насколько выбранный подход позволяет достигать поставленных целей прогнозирования. Оценивается точность и полнота создаваемых сценариев, способность моделей учитывать ключевые факторы регионального развития и их практическая применимость при принятии управленческих решений.
- Эргономичность – отражает удобство и простоту работы с инструментами и моделями. Включает в себя понятность интерфейсов, доступность аналитических средств, степень автоматизации рутинных процессов и нагрузку на специалистов, взаимодействующих с моделями.
- Качество – характеризует надежность и корректность создаваемых сценариев. Оценивается с точки зрения воспроизводимости результатов, адекватности моделирования реальных процессов и способности выявлять скрытые взаимосвязи между социально-экономическими и экологическими факторами.
- Эффективность – отражает оптимальное соотношение между затратами ресурсов (время, вычислительные мощности, труд специалистов) и достигнутыми результатами. Включает скорость генерации сценариев, масштабируемость моделей и их адаптивность к изменяющимся условиям.

Предварительный обзор показывает, что каждый подход имеет свои преимущества и ограничения. Ручной метод характеризуется высокой прозрачностью и интерпретируемостью, однако его масштабируемость и скорость ограничены. Автоматизированный подход обеспечивает высокую точность и возможность обработки больших объемов данных, но может страдать от низкой управляемости и недостаточной прозрачности. Полуавтоматизированный подход потенциально сочетает сильные стороны обоих методов, предоставляя возможность использовать вычислительные преимущества машинного обучения при сохранении контроля со стороны экспертов.

В рамках исследования планируется дальнейшее экспериментальное тестирование этих подходов, включая сбор и обработку данных, построение моделей и генерацию сценариев. Анализ текущих данных указывает на необходимость балансирования между автоматизацией и экспертным контролем, а также на важность разработки удобных интерфейсов и подготовки специалистов для работы с ML-моделями.

Предварительный анализ показывает наличие компромиссов между ключевыми критериями. Автоматизация способствует повышению скорости обработки данных и масштабируемости моделей, однако может снижать прозрачность и управляемость результатов. Ручной подход, напротив, обеспечивает высокий уровень доверия со стороны экспертов и хорошую интерпретируемость, но уступает по скорости и масштабируемости.

Полуавтоматизированный подход демонстрирует потенциал сочетания преимуществ обоих методов: использование машинного обучения позволяет повысить точность и масштаб обработки данных, а экспертный контроль поддерживает прозрачность и доверие к результатам.

Кроме того, внедрение методов искусственного интеллекта требует разработки удобных пользовательских интерфейсов и под-

готовки специалистов, способных эффективно работать с данными и моделями нового поколения.

В статье предложены критерии для сравнительной оценки подходов к сценарному прогнозированию регионального развития с использованием методов машинного обучения. Предварительный анализ показал, что полуавтоматизированный подход обеспечивает наилучший баланс между точностью, прозрачностью, управляемостью и эффективностью моделей. Практическое значение состоит в том, что разработанные критерии могут служить ориентиром для исследователей и органов власти при выборе подхода, соответствующего ресурсам, целям и специфике региона. Ограничения исследования заключаются в том, что на текущем этапе отсутствует эмпирическое тестирование всех подходов на едином наборе данных, а также сложна количественная оценка некоторых критериев. Перспективы дальнейших исследований включают в себя расширение использования новых данных, интеграцию искусственного интеллекта и больших данных, разработку стандартов оценки и повышение квалификации специалистов для эффективной работы с ML-моделями.

Литература и источники

1. Петрашкевич А.К. Сценарное прогнозирование: типологизация и алгоритм разработки базовой модели // Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2024. С. 279–286.
2. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. Москва, 2025.
3. Макаренко Т.Д., Ковальчук Л.Б. Региональные социально-экономические процессы: особенности взаимодействия с внешней средой // Фундаментальные исследования. 2016. № 2-2. С. 392–396.
4. Ремарчук В.Н. Информационная аналитика: теория, методология, технологии: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2025. 340 с.
5. Региональное стратегическое планирование и управление: теоретические и методологические основы: монография / И.А. Антипин; под науч. ред. Н.Ю. Власовой; М-во науки и высшего образования Рос. Федера-

ции, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. С. 24–26.

6. Крашенинников А.В. Сценарное проектирование городской среды // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2017. № 4 (41). С. 242–256.

7. Акжолов Р.К. Машинное обучение // *Вестник науки*. 2019. № 6 (15). Т. 3. С. 348–351.

8. Каличкин В.К., Федоров Д.С., Максимович К.Ю., Риксен В.С. Машинное обучение при прогнозировании продуктивности севооборотов // *Агроинженерия*. 2025. Т. 27. № 1. С. 41–52.

9. Яшин С.Н., Яшина Н.И., Кошелев Е.В. Построение и применение инновационного рейтинга регионов с использованием технологии случайного леса // *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2024. Т. 15. № 4.

10. Забоев М.В., Цагарелин А.П., Антимонов Н.М., Куценков К.А. Методы машинного обучения для моделирования потребительского выбора: синтез экспертных оценок и нейросетевого анализа // *Московский экономический журнал*. 2025. № 7.

ЧАСТЬ II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

В.Г. Егоров

В политологическом дискурсе проблема определения геополитической идентичности России становится актуальной по ряду причин, центральное место среди которых занимает транзитный характер современного цивилизационного устройства мира, обуславливающий подвижность и исключительную динамичность планетарных политических процессов.

Не состоявшийся либерально-демократический «конец истории» (Ф. Фукуяма) обнажил быстро нарастающий кризис господствующей капиталистической «мир-системы» (И. Валлерстайн). Многие интеллектуалы стали описывать современное состояние мирового порядка термином из термодинамики – «конец определенности» (И. Пригожин).

Господствующий в мире порядок, основанный на капиталистических отношениях, как и любая другая социальная система, имеет свои исторические пределы и подлежит не просто ремонту, но заме-

не, предполагающей в том числе смену планетарной политической архитектуры. «Внутренние противоречия либеральной идеологии, – писал И. Валлерстайн, – носят тотальный характер. Если у всех людей равные права и у всех народов равные права, мы не можем сохранять такую неэгалитарную систему, какой всегда была и всегда будет капиталистическая мир-экономика. ...А если система лишена легитимности, она не выживет.

Кризис тотален, дилемма тотальна. Мы будем переживать ее следствия в ближайшие полвека. ...Какого бы рода новую историческую систему мы ни построили... одно несомненно: это не будет система, основанная на либеральной идеологии, какой мы ее знаем на протяжении вот уже двух веков» [24].

Поэтому в силу своего естественного геополитического положения Россия в грядущем миропорядке займет значимое место.

Вторым трендом, влияющим на расстановку сил в мире в целом и роль России в его обновляемой архитектуре, становятся проявляющиеся последствия депривации либерального мейнстрима в его западном изводе.

Расширяется круг субъектов мировой политики, в который, наряду с национальными государствами, инкорпорируются гражданские структуры и даже отдельные влиятельные политические акторы. Вне компетенции стран оказывается ряд проблем и рисков планетарного масштаба, требующих консолидированных мер всего мирового сообщества, т. е. на смену миру с западнцентричным вектором принятия решений приходит планетарный порядок, предполагающий его демократизацию, участие всего мирового большинства в принятии судьбоносных решений. Несмотря на снижение в условиях политической турбулентности эффективности универсальной международной организации ООН, ее роль (в силу уникальности и потенциала) в будущем мироустройстве трудно переоценить. Институционализация демократизации международного политическо-

го пространства в настоящее время представляется возможной только через совершенствование ее деятельности, в том числе благодаря усилиям России, постоянного члена Совета Безопасности, и ее лидирующим позициям в борьбе за преодоление западной гегемонии.

На этом пути России приходится преодолевать противодействия Запада, продавливающего мировой порядок, основанный на «правилах» (Rules-Based Order), предполагающих построение международных отношений на принципах, желательных для «цивилизованного меньшинства», т. е. не являющихся нормами международного права [13].

Австралийский дипломат Б. Скотт попытался объяснить происхождение феномена «правил», предложенных «избранными», но обязательных для всех. Согласно его точке зрения, понятие «правил» появилось в 1990-х годах после распада социалистической системы как результат всемирной победы либерального миропорядка, с якобы изначально присущими отношениям между государствами, придерживающимися этой ориентации [2].

Внедрением правил в практику международных отношений мир обязан Х. Клинтон, а в широком обиходе концепт утвердился после 2014 года для определения неприемлемыми присоединения Крыма к России и строительства Китаем островов в Южно-Китайском море [2].

Произвольно внедрив понятие правил в практику международных отношений, Запад стал утверждать «право наказывать их нарушителей» [10].

Несмотря на усилия по продвижению справедливого устройства мира, основанного на равной безопасности всех стран, именно Россия со своими ближайшими партнерами оказалась, в представлении западного истеблишмента, основной угрозой человечества.

Третье обстоятельство, обуславливающее нарастающий интерес к проблеме геополитической идентичности России, связано с осозна-

нием национально ориентированной стратегии развития. После не состоятельной попытки встроиться в ряды стран «цивилизованного меньшинства» из-за враждебности Запада она выбрала путь, фундированный историко-культурными нарративами.

О неприятии западного культурного опыта говорит факт его отторжения большинством населения даже спустя 35 постсоветских лет. Согласно результатам социологического исследования, осуществленного Институтом социально-политических исследований РАН в 2025 году, «большинство россиян (43 %) выражает желание жить в новом социалистическом обществе, что свидетельствует о неудовлетворенности текущей экономической системой и стремлении к более справедливому распределению ресурсов и возможностей» [15].

Продвижение Россией порядка, основанного на равных правах для всех стран и народов на самобытное развитие, находит все больше сторонников в мире. Особое положение России в данном вопросе объясняется, во-первых, естественной, не сконструированной мультикультурностью ее самой и, как следствие, открытостью к диалогу со всеми народами, независимо от культурных и конфессиональных предпочтений, а во-вторых, уникальностью российского опыта внедрения цивилизационных инноваций: Россия прошла через форсированную капитализацию и индустриализацию, ломку традиционного уклада жизни сельского населения при столыпинском курсе внедрения «американского» капитализма в аграрной отрасли; коллективизации; построения коммунизма, рожденного на «чужеродной почве», и, наконец, попытки капиталистической регенерации. Вряд ли с таким опытом трансформации может сравниться исторический путь любой другой страны. Вполне обоснованно поэтому выглядит продвигаемая Россией идея многополярного устройства мира, фактически воспроизводящая российское сообщество свободно развивающихся этнокультурных образований. Исходя из этого,

именно Россия может релевантно оценивать преимущества и изъяны экономических формаций и предлагать свое видение глобального развития.

Свой рецепт выстраивания постоднопольярного мира предлагают представители западной политической мысли. «В XXI столетии, – пишет президент Совета по международным отношениям Р. Хаас, – основной чертой международных отношений станет беспольярность» [23].

Идея многополярности, представляемая как «концерт держав», устанавливающий правила игры и меры воздействия на их нарушителей либо строящийся на балансе сил, по мнению политологов Запада, является труднореализуемой или совсем непригодной для воплощения. Нарастающая «рассеянность центров силы», которые, помимо государств, включают в себя территориальные образования (штаты, земли, провинции) и крупные города, организации и альянсы, а также «центры глобального влияния», обладая эффективным смертоносным оружием при существующей информационной транспорентности государственных границ, преодолевают как кратковременно сложившуюся однополярность, так и возможность формирования многополярности, характерной для первой половины XX века. В отличие от Р. Хааса, Ч. Краутхаммер допускает репродукцию многополярности подобно той, что существовала перед Первой мировой войной. Однако такую возможность политолог допускает только при условии появления великих держав, «равных Соединенным Штатам», и порядка, «основанного на взаимосвязи, а не на суверенитете». Важно заметить, что единение многополярного мира Ч. Краутхаммер видел только в случае реализации либерального интернационализма, лидирующие позиции в формировании которого должны принадлежать США [28].

В такой постановке вопроса многополярность Ч. Краутхаммера, как и беспольярность Р. Хааса, тождественны и фактически оз-

начают универсализацию либеральной демократии, которую не по принуждению, но добровольно примут все центры силы.

Не тождественна многополярности, отстаиваемой Россией, и многосторонность (multilateralism). Последняя как соглашение или альянс, включающий несколько государств, сродни той трансатлантической консолидации Запада, достижение которой ставил себе в заслугу президент Америки Дж. Байден.

Тенденцию «перехода от конфронтационного двухполюсного к многополюсному миру» после окончания холодной войны заметил в своей статье (1996) Е.М. Примаков [16]. В качестве характерной черты начавшего формироваться многополярного мироустройства он отметил, что мир, основанный на балансе сил, уступает историческую сцену миру, основанному «на равноправном партнерстве» и отсутствии возлагаемых по идеологическим и иным причинам «разделительных линий». Е.М. Примаков замечал существующую опасность «нового» раздела в связи с возможностью расширения НАТО на Восток. Второй потенциальной разделительной линией он считал попытку «зачислять чуть ли не весь мусульманский мир в стан противников современной цивилизации». Многополярный мир в представлении политика должен быть избавлен от «контрпродуктивных силовых приемов, применяемых с целью подавления неудобных режимов», а также от «менталитета «ведущих» и «ведомых». Тем более что ни одна страна не обладает «достаточной мощностью, чтобы в одиночку справиться с легионом проблем» [16].

Еще до того, как произошла первая волна расширения НАТО (февраль 1994 г.), Украина и Грузия (март 1994 г.) вошли в программу «Партнерство во имя мира», фактически начав подготовку к вступлению в Североатлантический альянс; нацеленность этой организации против России стала очевидной [27].

Противодействие нарастающей тенденции продавливания однополярности нашло воплощение в совместной российско-китай-

ской декларации (23 апреля 1997 г., Москва), где в п. 1 констатировалось: «Стороны в духе партнерских отношений будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка».

В документе даны общие принципы построения многополярного мира. «Каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. Различия в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений».

Все страны, будь то большие или малые, сильные или слабые, богатые или бедные, являются равноправными членами международного сообщества. Ни одна страна не должна стремиться к гегемонии, проводить политику с позиции силы и монополизировать международные дела» [4].

Курс на многополярность во внешней политике России был провозглашен в Концепции национальной безопасности Российской Федерации (2000) [19]. В Концепции отмечались две тенденции развития международных отношений после распада биполярной системы: одна – это стремление сообщества западных стран, при безусловном лидерстве США, установить миропорядок с их доминированием, а другая – становление многополярности. «Россия будет способствовать, – говорится в Концепции, – формированию идеологии становления многополярного мира» [19].

В 2009 году многополярность как целеполагание российской внешней политики вошла в содержание Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

В п. 1 Стратегии говорится о главной цели национальной безопасности, которая заключается в достижении ключевой субъектности в «формирующихся многополярных международных отно-

шениях» [20]: «Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются, – указывалось в документе, – в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях *многополярного мира*» (выделено нами. – В. Г.) [20].

Вряд ли сегодня найдется провидец, способный четко очертить контуры многополярного мира, но можно попытаться сформулировать его основополагающие принципы становления:

- это порядок, не отрицающий суверенитет, но, напротив, выстраиваемый параллельно с его укреплением;
- утверждение о необходимости укрепления суверенитета не говорит об утверждении его застывших форм. Суверенитет в его незыблемом воплощении означает только право народа на самостоятельный выбор пути своего развития, но никак не нарастание закрытости и изоляционизма. Напротив, суверенитет, понимаемый как отсутствие препятствий (прежде всего внешних) в реализации свободы, в том числе в культурном, научном, духовном обмене, предполагает открытость государств;
- такая архитектура миропорядка исключает какую-либо социокультурную универсальность;
- ориентиры его построения – это создание максимально комфортных экономических, социальных, политических условий для всего населения планеты без одинаковых моделей их достижения. Ни одна из социальных систем не может представляться абсолютной и уж тем более считаться единственно возможной. Человечество должно отказаться от нормативного подхода к оценке цивилизованности, прогрессивности или культурности государств, социумов и способов их организации, естественно сложившихся в историко-культурном процессе;

- многополярный мир – это мир, в котором все страны обладают равным и беспрепятственным доступом к глобальному информационному пространству (как способу перехода к постмодерну), способному преодолеть изъяны, которые неизбежно порождает капитализм (в его сегодняшнем воплощении позднего модерна), в том числе нарастающее неравенство;
- императивом многополярности является укрепление и совершенствование структур глобального управления и его институализации. Справедливый мир равных вне института, устанавливающего «правила игры», обязательные для всех, неизбежно обернется хаосом. Даже пунктирное обозначение основных характеристик многополярности свидетельствует о сложности и задачи по ее имплементации монументальности.

Как считает министр иностранных дел С.В. Лавров, процесс формирования многополярного мира будет протяженным: «...Смена эпох – это всегда очень длительный период, это будет продолжаться еще длительное время» [11].

В этой связи научный руководитель РСМД А.В. Картунов призывает задуматься над тем обстоятельством, что происходящая на протяжении длительного периода смена мирового порядка, прежде осуществляемая революционно, создает так называемую серую зону с отсутствием каких-либо правил игры, признанных не «лидирующим цивилизованным сообществом» Запада, но большинством человечества. А это чревато перманентно вспыхивающими конфликтами малой и большой силы, создающими риски глобальной катастрофы и фрагментации мира. Можно признать, что путь к многополярности будет иметь переходный период с центрами консолидации, четко обозначенными «правилами», позволяющими рационально выстраивать отношения между несколькими интегрированными сообществами для сохранения цивилизации.

Наступившая реальность, возникающая на месте убывающей однополярности, дает основание утверждать, что один из таких центров уже создается вокруг США. И даже все нюансы, связанные с отклонениями от устойчивой сплоченности трансатлантического сообщества в связи с электоральными колониями, указывают лишь на кристаллизацию принципов, на которых будет распространено такое требование непререкаемой гегемонии США иерархии и силовом давлении на каждого участника, закрепляя его место и роль в «западном лагере».

Другим центром, пока обретающим очертания и свои правила интеграции, является планетарное большинство – «не-Запад».

В случае имплементации «новой биполярности» [8], как именует такой порядок А. Куртов, необходимо определиться, насколько «транзит» подобной конфигурации может быть устойчивым и обеспечивать планетарную безопасность.

Консолидация Запада, при всех отклонениях, не вызывает сомнений, так как актуальная смена миропорядка вызвана завершением исторического пути модерна, а накал международных противоречий до невиданного прежде уровня связан с попытками представляющих их сил, таковой, что если не предотвратить закат, то по крайней мере его замедлить. В *realpolitik* такая позиция Запада означает борьбу за сохранение доминирования на рынках финансовой архитектуры, позволяющей контролировать глобальную экономику, военно-политическое превосходство и приоритетные позиции в мировой торговле, т. е. то, что характеризуется термином «неоколониализм».

«Незападный мир» не разделяет такое целеполагание Запада и стремится к интеграции в альянсы, организации и объединения не желающих нового колониализма стран. «Ключевые, разделяемые в России идеи о важности многополярности, межцивилизационного диалога и сопротивления западному "колониализму", – пишет А.П. Цыганков, – принимаются в Китае, Индии, Бразилии, Турции,

Южной Африке и других странах. Они звучат в политических декларациях БРИКС, ШОС и других организаций на протяжении последних двух десятилетий» [25, с. 149]. Такое единодушие незападного большинства становится весомым фактором сплоченности западного сообщества и даже забвения ради солидарности национальных интересов.

Этос Запада, лежащий в плоскости материального, если не гарантирует, то является весомым аргументом в пользу того, что представители истеблишмента постараются не соскользнуть в пропасть глобального армагеддона. Об этом косвенно свидетельствует расширяющееся движение среди олигархов «за вечную жизнь».

Ниже приводится краткая выборка богатейших людей мира и суммы их инвестиций в долголетие [18]:

1. Джефф Безос (59 лет), владелец *Amazon*: потратил на поиски вечной жизни 3 млрд долл.
2. Сергей Брин (49 лет) и Ларри Пейдж (50 лет), соучредители *Google*: потратили более 2 млрд долл.
3. Сэм Альтман (37 лет), генеральный директор *OpenAI* (компания-создатель нейросети *ChatGPT*): потратил 180 млн долл.
4. Питер Тиль (55 лет), соучредитель платежной системы *PayPal*: потратил более 100 млн долл.
5. Брайан Джонсон (45 лет), создатель компании по обработке электронных платежей *Braintree*: потратил более 100 млн долл.

В 2023 году были учреждены *Rejuvenation Olympics* (Олимпийские игры по омоложению), участниками которых являются исключительно миллиардеры, соревнующиеся в достижениях по замедлению старения [17].

«В 2016 г. исследователи из американских некоммерческих организаций *Oxford Economics* и *AARP* в своем отчете *The Longevity Economy* оценили размер экономики долголетия в США в 7,1 трлн долл. В 2032 г. этот показатель, по их прогнозам, должен практически удвоиться и составить 13,5 трлн» [3].

Ситуация с нарастающим движением среди олигархов за вечную жизнь объясняется не только их большими финансовыми возможностями. «Оседлав» жизнь земную, сильные мира сего считают, что их возможности безграничны и могут распространяться в сферы, пока не подвластные человечеству. В стратегии «вечной жизни», избранной «сильными мира сего», явно отсутствует намерение «рискнуть» с ядерным безумием.

И в 1914 году, и в 1939 году предпочтения западной элиты были такими же, как и сегодня. Однако ситуация с тех пор кардинально изменилась:

– во-первых, глобальная военная мощь возросла настолько, что может многократно уничтожить не только все живое на Земле, но и саму планету;

– во-вторых, мир стал настолько взаимосвязанным, что любой локальный конфликт может перерасти в мировую катастрофу.

Протяженность формирования нового мирового порядка связана не с экономическим или политическим поражением Запада или мирового большинства, а с переходом человечества в новую социальную систему постмодерна, где определяющим фактором развития станет информация, а не материальные активы. Если совсем недавно это положение могло оцениваться как пафос или футурологический проект, то сегодня в условиях нарастающей информационно-коммуникационной революции выглядит вполне уместно и реалистично.

Традиционные ценности, генерированные человечеством при выработке социальных императивов, обеспечивающих выживание, скорее всего, будут служить скрепляющим мир материалом. Именно поэтому В.В. Путин предположил, что стержень мировой цивилизации будет составлять «традиционные общества Востока, Латинской Америки, Африки и Евразии» [6], длительный исторический период развивающиеся в лоне аграрного общества, являющегося «колыбелью» нравственного и этического достояния человечества.

Не политический конструкт, призванный служить партикулярным интересам и изменяющий свои сущностные качества настолько, что (как в случае с либеральной демократией) может обретать свойства технологии или даже становиться основанием внешней агрессивности, а сущностная первооснова, заключенная в ценностных устоях, обеспечивающих существование человечества, может стать основой мировой консолидации. Традиционные ценности, в отличие от политически ангажированных умозаключений и соответствующих им институтов, должны и будут оставаться фундаментом планетарной цивилизации на всем протяжении ее существования.

Суть такого взгляда, проекция которого обращена в будущее мироустройство, иллюстрирует фраза Дж. Салливана, ставшего позднее советником по национальной безопасности президента США. В своей статье (2019) он писал, что условием успеха в реализации стратегии американской исключительности может быть только «разгром парадигмы, выдвигающей на первый план этническую и культурную идентичность», являющуюся продуктом традиционной эпохи [29].

Контекст, связанный с традиционным основанием международного сотрудничества в период формирования многополярности, как справедливо отмечает директор Департамента внешнеполитического планирования МИД РФ А.Ю. Дробинин, предполагает раздел мира по цивилизационной идентичности: Запад, исторический путь которого в общих чертах воспроизводит ускоренное преодоление традиции и развитие в социально-экономической системе модерна (исключением из этой логики является Япония), и не-Запад, в силу разных причин не повторивший эту цивилизационную траекторию [5].

Структурным фактором быстро формирующегося незападного сообщества стран остается суверенитет и равные права в развитии собственных социокультурных идентичностей. Если противо-

ложный «цивилизационный полис» стремится к универсализации в рамках либерально-демократического шаблона и единых «правил» поведения, то мировое большинство, напротив, выступает за многоцветье культур, их свободный обмен и незыблемость самоопределения каждой страны во внутренней и внешней политике. Это отличие подчеркнул В.В. Путин: «Если либеральная глобализация – это обезличивание, навязывание всему миру западной модели, то интеграция, напротив, раскрытие потенциала каждой цивилизации в интересах целого, ради общего выигрыша» [6].

Видению будущего мирового порядка в оптике цивилизационного подхода противоречит позиция, отождествляющая цивилизацию и цивилизованность как степень инкорпорирования народами либеральной демократии и модерна, что равно освобождению от варварства [26].

Такая логика ведет к ложному выводу, что если бы не произошло ограбление Западом Византии; чудовищное уничтожение цивилизаций двух Америк, колониальный грабеж большей части человечества; ускоренной имплементации правового пространства, предполагавшего защиту прав и свободу личности как императива функционирования института частной собственности, то на планете, видимо, вообще не существовало бы цивилизаций.

Продвижение многополярности мироустройства, поддержанное большинством человечества, обусловлено прежде всего национальными интересами России.

Указанная несостоятельность курса на вестернизацию и отторжение Западом попыток России добиться гарантий равной безопасности с продвижением военной инфраструктуры НАТО к российским границам инициировали поиск адекватного внешнего политического курса нашей страны.

Переломным событием стала попытка Президента России довести до представителей западного истеблишмента озабоченности

из-за нарастания угроз национальной безопасности на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 года). «Думаю, очевидно, что процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот – это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить – против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит. Но я позволю себе напомнить в этой аудитории, что было сказано. Хотел бы привести цитату из выступления Генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года. Он тогда сказал: "Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ, дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности". Где эти гарантии?

Камни и бетонные блоки Берлинской стены давно разошлись на сувениры. Но нельзя забывать, что ее падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа – народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнерства со всеми членами большой европейской семьи.

Сейчас же нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены – пусть виртуальные, но все-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент. Неужели вновь потребуются долгие годы и десятилетия, смена нескольких поколений политиков, чтобы "разобрать" и "демонтировать" эти новые стены?» [1].

Нерелевантность попыток обеспечить собственную безопасность в однополярном обрастающем трансатлантической солидарностью мире стала еще более очевидной после негативной реакции на предложения России к США и НАТО в декабре 2021 года.

После того как в 2019 году в Конституцию Украины были внесены поправки, в соответствии с которыми эта страна отказывалась от внеблокового статуса, предусмотренного Декларацией о государственном суверенитете Украины (1990), Запад стал активно поощрять украинскую инициативу. В случае вступления Украины в НАТО положение с безопасностью России кардинально меняется к худшему. Положение усугубляло реальное освоение структурами Североатлантического альянса территории Украины.

В конце 2021 года Россия потребовала от США и НАТО юридических гарантий безопасности, сформулированных в российском предложении к США по гарантиям безопасности России и проекте Соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора».

В предложениях к США предусматривалось:

- отказ США от создания военных баз в постсоветских государствах и прекращение любого военного сотрудничества с ними;
- обязательство США исключить дальнейшее расширение НАТО на Восток и отказ от приема в альянс постсоветских государств;
- отказ России и США от развертывания ракет средней и меньшей дальности в местах, из которых они могут поражать цели на территории другой стороны;
- обязательство сторон не развертывать ядерное оружие за пределами своих границ; вернуть оружие, развернутое ранее вне национальных территорий; ликвидировать зарубежную инфраструктуру для размещения ядерного оружия; не проводить учений с отработкой применения ядерного оружия; не обучать военных неядерных государств применять ядерное оружие;

- обязательство сторон воздержаться от полетов тяжелых бомбардировщиков вне своего неба и от присутствия боевых кораблей в районах вне национальных вод, откуда могут быть поражены цели на территории другой стороны;
- невмешательство во внутренние дела, включая отказ от поддержки организаций, групп и отдельных лиц, выступающих за «неконституционную смену власти», а также любых действий, имеющих целью изменение политического или социального строя одной из сторон [12].

Проект Соглашения предусматривал обязательства НАТО:

- вывод с территории стран, ставших членами НАТО после 1997 года, всех вооруженных сил и вооружений, появившихся там за последующие годы;
- исключение дальнейшего расширения НАТО, в том числе присоединение Украины, а также других государств;
- отказ НАТО от любой военной деятельности на Украине, в Восточной Европе, Закавказье и Центральной Азии;
- подтверждение того, что стороны «не рассматривают друг друга в качестве противников» и готовы «мирно решать все международные споры, а также воздерживаться от любого применения силы»;
- в целях исключения возникновения инцидентов» стороны обязываются отказаться проводить военные учения и другие действия «свыше бригадного уровня» в согласованной приграничной полосе;
- создание горячих линий для экстренных контактов между Россией и НАТО [18].

Назвав инициативу Кремля «ультиматумом Путина», Запад в ответ еще более радикализировал свою позицию в сфере безопасности вообще и Украины в частности.

Таким образом, российский курс на многополярность стал результатом выверенного анализа мировой политической реальности и нарастающей угрозы национальной безопасности, что послужило основанием для активной внешнеполитической позиции продвижения новой архитектуры международных отношений.

Стратегия национальной безопасности России – 2021 определила центральной задачей «укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления», а также российские национальные интересы как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» [22]. Стратегия содержит основополагающую характеристику изменений мирового политического ландшафта, определяющего направления обеспечения национальных интересов России.

«Современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводит к изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, правил и принципов мироустройства.

Стремление стран Запада сохранить свою гегемонию, кризис современных моделей и инструментов экономического развития, усиление диспропорций в развитии государства, повышение уровня социального неравенства, стремление транснациональных корпораций ограничить роль государства сопровождаются обострением внутривнутриполитических проблем, усилением межгосударственных противоречий, ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности.

Усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам раз-

решить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека.

В условиях нарастающей геополитической напряженности внешняя политика Российской Федерации должна способствовать повышению устойчивости системы международных отношений, опирающейся на международное право, принципы всеобщей, равной и неделимой безопасности, углублению многостороннего взаимодействия без разделительных линий и блоковых подходов в целях совместного решения глобальных и региональных проблем при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций (ООН) и ее Совета Безопасности» [22].

В Стратегии указывается, что актуальной проблемой нового мироустройства становится фактор «морального лидерства» [22]. Несмотря на то что очевидным является длительность и нетривиальность строительства нового многополярного мирового порядка, который в современных реалиях международных отношений (как и демократия) восполняет скорее функцию целеполагания, пока не имеющего выверенных рецептов воплощения, таковой, во-первых, способствует определению лидерства государств, не только в зависимости от традиционных критериев состоятельности (материальных и военно-политических), но прежде всего приятием моральных принципов (равенства и справедливости в международных отношениях), а во-вторых, становится притягательной силой международной интеграции и сотрудничества, признанной мировым большинством.

Если в качестве отнесения к числу демократических стран апологеты «западного выбора» причисляли исключительно государства, присоединившиеся к «правилам», диктуемым Западом, то в быстро меняющемся мире такой нарратив становится непривле-

кательным. Демократия в международных отношениях все больше «открывается» в стремлении к равенству, уважению прав на самоопределение.

Национальные интересы России, сформулированные в Стратегии, гармонично вписываются в логику движения мира к новому порядку. В самом концентрированном виде таковые сводятся к устойчивому суверенному развитию на основе сбережения народа, инновационной экономики и стабильности, обеспечиваемой сохранением и умножением традиционных ценностей и культуры. Полное совпадение российских национальных интересов с траекторией выстраивания многополярного мира обеспечивает России в его архитектуре значимое положение.

В Обращении к участникам X Московской конференции по международной безопасности (16 августа 2022 года) В.В. Путин отмечал: «Ситуация в мире динамично меняется, формируются контуры многополярного мироустройства. Все больше стран и народов выбирают путь свободного, суверенного развития с опорой на свою самобытность, традиции, ценности.

Этим объективным процессам противодействуют западные глобалистские элиты, провоцируя хаос, разжигая застарелые и новые конфликты, реализуя политику так называемого сдерживания, а по сути – подрыва любых альтернативных, суверенных путей развития. Тем самым они всеми силами пытаются сохранить ускользающую из их рук гегемонию, власть, пытаются удержать страны и народы в тисках неокOLONиального по своему характеру порядка. Их гегемония означает стагнацию для всего мира, для всей цивилизации, мракобесие и отмену культуры, неолиберальный тоталитаризм» [14].

Действующая Концепция внешней политики России определила центральную задачу, которая состоит в реализации «самостоятельного и многовекторного (выделено нами. – В. Е.) внешнеполитического курса, упрочении «позиций Российской Федерации

как одного из ответственных, влиятельных и самостоятельных центров современного мира» [8].

Итак, Россия, олицетворявшая в недалеком по меркам истории прошлом альтернативное Западу будущее человечества, в силу новых объективных условий смены парадигмы мирового развития, постепенно восстанавливает статус страны с привлекательными ценностями и внешнеполитической стратегией. Этому способствуют не столько традиционные, определяемые экономикой и военной силой факторы, сколько продвигаемые в международных отношениях многополярность, равенство и право на самобытное развитие.

Литература и источники

1. Асимметричный ответ. Стенограмма речи В.В. Путина на конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 г. URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/>
2. Бен С. Порядок, основанный на правилах: что скрывает название // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/poryadok-na-pravilah-chto-eto>
3. Бессмертие в портфеле: как миллиардеры инвестируют в продление жизни // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/369867-bessmertie-v-portfele-kak-milliardery-investiruyut-v-prodlenie-zhizni> (дата обращения: 03.07.2025).
4. Дипломатический вестник. 1997. № 5. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/dipvestnik/
5. Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира. Цивилизационный фактор и место России в формирующемся миропорядке // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54–62.
6. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 27.10.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695>
7. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. Москва, 2025.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>
9. Куртов А. Почему мир не становится многополярным // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/artickes/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/>

10. Лавров С.В. О праве, правах и правилах (англ.) // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 8–20.

11. Лавров заявил, что многополярная архитектура должна опираться на баланс интересов. URL: <http://tass.ru/politika4477015>

12. МИД раскрыл требования России к США по гарантиям безопасности. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/12/2021/61bc677a9a794774aa95d5bd>

13. Нефедов Б.И. Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // Россия и современный мир. 2021. № 3. С. 6–11.

14. Обращение к участникам и гостям X Московской конференции по международной безопасности. Президент России 16 августа 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69166>

15. Опросы РАН показывают, что большинство россиян... URL: <https://m.ok.ru/profile/574736132357/statuses/156419626059013>

16. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13.

17. Путь к вечной жизни: как миллиардеры-биохамеры продлевают себе молодость. URL: <https://health.mail.ru/article/3295631-put-k-vechnoj-zhizni-kak-milliardery-biohakery-pro/#anchor3999> (дата обращения: 03.07.2025).

18. Самые богатые люди мира устроили гонку за бессмертием: миллиардеры покупают себе вечную жизнь. URL: <https://www.kp.ru/daily/27490.5/4748864/>

19. Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/

20. Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://government.ru/docs/all/34114/>

21. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/>

22. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>

23. Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. URL: <https://globalaffairs/articles/epoha-bespolyarnogo-mira/>

24. Центр консервативных исследований – Иммануил Валлерстайн: Непреодолимые противоречия либерализма. URL: <https://konservatizm.org/konservatizm/sociology/190412112416.html>

25. Цыганков А.П. Уроки Примакова // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3 (133). С. 149.

26. Янов А. Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/skolko-na-zemle-czivilizaczij/>

27. Information on NATO-Georgia Relations//mfa.gov.ge;' NATO Grants 'Intensified Dialogue' to Georgia. Civil Georgia; 'NATO Launches 'Intensified Dialogue' with Ukraine. NATO.

28. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited. URL: https://www.belfeecenter.org/sites/default/files/pantheon_files/files/publication/Krauthammer.pdf

29. Sulluvan J. What Donald Trump and Dick Cheney Got Wrong About America // Atlantic. 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/01/ves-america-can-still-lead-the-world/576427/>

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

О.А. Овсянникова

Центральное расположение России в сердцевине Евразийского материка, выражаясь словами классиков геополитики [12], исторически обусловило ее особую роль в системе международных отношений. Становление этой роли началось не сразу после освобождения от ордынской зависимости (1480), а в ходе постепенной консолидации Московского государства в XV–XVI веках. К середине XVI столетия, когда концепция «Москва – Третий Рим» (сформулированная Филофеем в 1510–1520-х годах) была адаптирована в качестве идеологического обоснования преемственности от Византии, Россия оформила свои геополитические приоритеты как защитницы православия и центра евразийского пространства.

При этом базовые принципы национальной безопасности – сохранение суверенитета, нейтрализация внешних угроз и контроль над ключевыми торговыми артериями – сформировались еще в эпоху Киевской Руси (IX–XII века). Уже тогда восточнославянские княжества сталкивались с необходимостью противостоять кочевым империям (хазары, печенеги), а также удерживать доминирование на трансконтинентальных маршрутах (путь «из варяг в греки»).

В первой половине X века решение задач обеспечения национальной безопасности предопределило постановку не менее значимых целей, получения международного признания в качестве равно-

правного участника межгосударственных отношений и формирования взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, которые приобрели статус национальных приоритетов. Однако, как продемонстрировали дальнейшие события, оба подхода оказались недостаточно результативными. Несмотря на частичные успехи, главная цель государственного управления того периода – достижение международного признания Руси как равноправного политического субъекта – осталась невыполненной²⁵.

Во второй половине X столетия их реализация происходила двумя путями: дипломатическим – через укрепление связей с правителями Священной Римской и Византийской империй (княгиня Ольга) – и военно-силовым (князь Святослав)²⁶.

Княгиня Ольга, получив личное признание со стороны императоров Оттона I и Константина VII, не сумела осуществить христианизацию населения, которая была обязательным условием для легитимации государства в тогдашней системе международных отношений. Князь Святослав, стремившийся расширить границы Руси, перенес столицу в Преславец (Переяславец) на территории Болгарии, и четыре года противостоявший Византии, также не достиг поставленных целей. Успеха добился лишь сын Святослава Владимир, комбинируя военные, политические и дипломатические инструменты для укрепления статуса Руси. С одной стороны, он усилил военно-политический потенциал государства, позволивший не только гарантировать безопасность, но и влиять на условия взаимодействия с ведущей державой эпохи – Византией. С другой – вывел отношения с империей на уровень равноправия, закрепив это династическим браком с византийской принцессой Анной. Решающим же фактором интеграции Руси в международную систему стал вы-

²⁵ Использование терминов «национальные интересы» и «национальные приоритеты» осуществляется в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ № 400 от от 2.07.2021 г.

²⁶ Речь идет о русско-византийской войне 970–971 годов. – *Примеч. авт.*

бор государственной религии князем Владимиром, превратившейся впоследствии в идеологическую основу российской государственности на столетия вперед.

Приняв христианство, Владимир совершил цивилизационный перелом, повлиявший не только на русскую, но и на глобальную историю. На мировой карте возникло государство, превратившееся впоследствии в опору и символ надежды для народов, отвергающих диктат и угнетение со стороны тех, кто претендовал на мировое господство.

Правление Владимира I в последующие десятилетия стало временем активного роста Древнерусского государства. В этот период достигли расцвета ремесла (прообраз промышленности), включая каменное строительство, а также образование и торговля. Была учреждена собственная денежная система – достижение, редкое для большинства стран того времени.

Параллельно с созидательными преобразованиями развивалась благотворительность. Примечательно, что именно тогда на Руси указом Владимира запретили смертную казнь, что контрастировало с казнями через сожжение в Европе, воспринимавшимися как нечто немыслимое. Во внешней политике князь укрепил международный авторитет Руси, углубив традиционные связи с Византией, расширив взаимодействие с южными славянами и западными странами. Наиболее продуктивными стали союзнические отношения с Византией, позволившие пересмотреть договор, ранее навязанный Святославу и ущемлявший интересы Руси в Черноморском регионе. Согласно новому соглашению, Киевская Русь получила прямой контроль над Керченским проливом и прилегающими землями (Тмутараканское княжество), а Византия официально признала ее суверенитет над этими территориями. Фактически Черное море вновь оказалось под влиянием Руси.

После достижения наивысшего расцвета при Владимире и его сыне Ярославе Древнерусское государство вступило в период упадка.

Причиной стали не только объективные процессы феодальной раздробленности, но и подмена государственных интересов личными амбициями правителей, а также региональное соперничество (местничество). Междоусобицы ослабили обороноспособность Руси, чем воспользовалась Польша, захватившая Киев и отторгнувшая западные земли. Лишь приход к власти Ярослава Мудрого временно замедлил распад государственности.

Укоренившаяся практика местничества привела к распаду единого политического пространства и противостоянию княжеств. Междоусобные и братоубийственные войны продолжались более двух столетий, пока в XIII веке монгольские войска, воспользовавшись раздробленностью Руси, не подчинили ее себе. Это положило начало 250-летней вассальной зависимости от Золотой Орды. Освобождение стало ключевой национальной идеей, которую продвигали Александр Невский, его потомки Даниил Московский и Иван Калита, Дмитрий Донской и другие лидеры Северо-Восточной Руси. Однако даже после Куликовской битвы (1380) полная независимость осталась недостижимой. Еще век Великое княжество Московское, несмотря на рост влияния, оставалось политически подконтрольным Орде.

Окончательный суверенитет Русь обрела лишь во второй половине XV века при Иване III. Отказавшись платить дань и укрепив позиции после «Стояния на Угре» (1480), государство начало реализовывать стратегию «собирания земель». Этот процесс, за редкими исключениями (военная кампания против Новгорода в 1471–1479 годах), осуществлялся преимущественно через политико-дипломатические методы, заложив основы централизованного Русского государства²⁷.

²⁷ Исключением в этом плане стал период правления Владимира Мономаха, сумевшего на некоторое время консолидировать русские княжества на борьбу с внешними враждебными структурами. – *Примеч. авт.*

Если объединение русских земель преимущественно осуществлялось мирными методами, то защита обретенного в 1480 году суверенитета требовала применения военной силы. С момента заявления о себе как о полноценном субъекте мировой политики в начале XV века Русское государство было вынуждено отстаивать независимость, безопасность и реализацию своих интересов через вооруженную борьбу. Суть этой эпохи точно выразил Н. Бердяев: «Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземных нашествиях» [4]. Для большинства европейских стран, защищенных от восточной экспансии самой Россией, подобный опыт был невозможен. Их военно-политическая практика ограничивалась соперничеством, не угрожавшим основам государства и общества, что принципиально отличало их интересы и методы от российских.

Для России же защита суверенитета была неразрывно связана с другой ключевой задачей – преодолением комплексной блокады, навянанной враждебным окружением. Это стало важнейшим геостратегическим национальным интересом. Наиболее интенсивно борьба велась на северо-западном (Балтика) и юго-западном (Черноморье) направлениях.

Решение этих проблем, начатое при Иване III, завершилось в эпоху Петра I, который в 1721 году по Ништадскому договору «прорубил окно в Европу», а в 1723 году по Петербургскому соглашению с Персией обеспечил выход к Каспию, тем самым сломив блокаду.

Реформы Петра заложили основу для определения роли России в международной системе, что полностью реализовалось при Елизавете и Екатерине II. Всего за несколько десятилетий страна превратилась в ведущую державу Европы и мира. При Екатерине II Россия окончательно укрепилась на Черном море, присоединив территории Новороссии (Северное Причерноморье, Крым, Прикубанье) и приняв под покровительство Восточную Грузию (1783). В результате разде-

лов Польши были возвращены захваченные ею западнорусские земли. Население выросло с 23,2 млн (1763 год) до 37,4 млн (1796 год), сделав Россию крупнейшей страной Европы (20 % ее населения).

Усилилось и военно-политическое влияние государства. Как метко заметил бывший канцлер И. Безбородко: «Ни одна пушка в Европе или Азии не смела выстрелить без разрешения императрицы Екатерины».

Эпоха Екатерины II стала вершиной расцвета России, после которой начался период застоя государственности, завершившийся поражением в Крымской войне. Это отбросило страну на черноморском направлении к допетровскому состоянию, вновь заблокировав выход на юго-западе. Согласно условиям Парижского договора, России запретили иметь военный флот на Черном море, превратившемся для нее в «закрытое озеро».

Такое положение не могло сохраняться бесконечно, поэтому уже в 1856 году министр иностранных дел А.М. Горчаков в циркулярной депеше от 21 августа, разосланной русским послам за рубежом, провозгласил знаменитую фразу: «Россия не сердится, она сосредоточивается». Это означало переход к накоплению сил и концентрации на внутреннем экономическом и политическом развитии [9]. Хотя унижительные условия Парижского договора позднее были пересмотрены, именно с августа 1856 года определился ключевой вектор внешней политики – приоритет национальных интересов над жертвенностью ради «союзных» европейских государств.

Наиболее ярко этот курс проявился при Александре III. Его правление характеризовалось опорой на национальный суверенитет и самобытность. Он стал первым российским государем, прекратившим пагубную практику уступок европейским «партнерам». Кроме того, Александр III разрешил давний спор между западниками и славянофилами, заявив: «Мы, конечно, европейцы по духу, но мы – другая цивилизация, мы отдельная цивилизация, и мы, русские,

должны брать все, что есть лучшее в Европе, все, что есть лучшее на Востоке, и творить свое, опираясь на национальную самобытность» [10]. Именно такая его позиция понимания национальных интересов определяла сущность и содержание государственной политики по их осуществлению.

Правление Александра III дало России мощный толчок к развитию. Страна начала устойчиво расти, укреплять экономику и наращивать военно-политическую мощь. К концу 1880-х годов Россия вошла в пятерку ведущих промышленных держав мира. Международный авторитет государства при Александре III достиг невиданных высот, а внутри страны установились стабильность и порядок. Унаследовав государство, ослабленное террором народовольцев, император сумел восстановить внутреннюю безопасность и политическую устойчивость.

Последующий период, связанный с правлением Николая II, несмотря на прогресс в социально-экономической сфере, сопровождался нарастанием политических кризисов, резко обострившихся в годы Первой мировой войны. Участие России в войне, выполнение «союзнических обязательств» в ущерб национальным интересам, а также игнорирование внутренних угроз привели к краху тысячелетней государственности. Высшее руководство страны, сосредоточившись на военной победе, пренебрегло обеспечением внутривнутриполитической стабильности, что фактически позволило странам Антанты воспользоваться плодами победы. Россия же оказалась в числе проигравших, подвергшись санкциям бывших союзников [3].

Национальные интересы СССР в предвоенные годы во многом определялись идеями мировой социалистической революции и пролетарской солидарности. Однако начало Великой Отечественной войны, в ходе которой в составе армий нацистской Германии и ее европейских союзников сражались те же «пролетарии», развеяло иллюзии этого курса. Осознав угрозу, советское руководство

сделало ставку на патриотизм народов СССР, что стало ключевым фактором победы над нацизмом. Послевоенная политика создания «пояса безопасности» из восточноевропейских государств в условиях «холодной войны» была оправданной. Однако после смерти И.В. Сталина новый курс советских лидеров, включавший пересмотр подходов к глобальной безопасности и поддержку развития соцстран за счет ресурсов СССР, нанес ущерб национальным интересам. Это закономерно ослабило государство, снизив его способность противостоять кризисам.

На рубеже 1980–1990-х годов кризисные явления в СССР были тесно связаны с несостоятельностью институтов государственной власти. Перестройка требовалась именно этим структурам, а не обществу или гражданам. Социально-экономический кризис того периода усугублялся санкциями США против энергетического сектора и ростом межнациональной напряженности в отдельных регионах. Совокупность этих факторов создавала комплекс угроз, нейтрализация которых должна была стать приоритетом для государства.

Однако советское руководство, игнорируя внутренние проблемы, сосредоточилось на продвижении абстрактных «общечеловеческих» ценностей. К концу 1980-х именно они стали основой внешней и внутренней политики, что привело к подчинению национальных интересов внешнеполитическим амбициям руководства [16]. Подобный курс негативно отразился на защищенности конституционного строя, социально-экономической стабильности, а также на внутри- и внешнеполитических позициях страны.

Распад СССР в 1991–1992 годах стал переломным моментом для российской государственности. Как отметил Президент России В.В. Путин, это событие превратилось в крупнейшую геополитическую катастрофу XX века. На постсоветском пространстве возникли новые государства, лишённые исторического опыта суверенитета. Часть из них, под влиянием этнократических элит, избрала курс под-

чинения интересам США и противостояния с РФ. В таких условиях национальные интересы России вновь свелись к обеспечению суверенитета и безопасности государства, общества и граждан.

На протяжении истории национальные интересы России либо определялись авторитарными решениями политического руководства, либо приносились в жертву имиджевым проектам – таким как «освобождение Европы», поддержка определенных режимов или продвижение глобальных идей. Когда страна занимала сильные позиции на мировой арене, ее внешняя политика акцентировала борьбу за мир и справедливый миропорядок, нередко в ущерб собственным интересам. В периоды ослабления число противников России резко возрастало, включая даже тех, кто был обязан ей своим суверенитетом. Эта закономерность, отмеченная Александром III, подтверждала его слова: «У России есть только два союзника – армия и флот».

Подобный контекст требовал четкого понимания сути национальных интересов и их адаптации к меняющимся политическим реалиям. Первые шаги в этом направлении были сделаны после принятия Закона «О безопасности» (1992) и Конституции РФ, закрепивших правовые основы безопасности личности, общества и государства. Однако в этих документах не были конкретизированы сами национальные интересы и механизмы их достижения.

Одной из первоначальных попыток систематизации национальных интересов стало принятие в 1997 году Концепции национальной безопасности [2], закрепившей базовые принципы, направления, цели и задачи государственной политики в сфере безопасности. Однако положения документа носили во многом декларативный характер, отражавший стремление российского руководства интегрироваться в «цивилизованное сообщество» на равных условиях. Иллюзорность этих устремлений проявилась уже в 1990-е: несмотря на формальное участие России в обсуждении глобальных вопросов,

ее позиция систематически игнорировалась. Ярким примером стала агрессия НАТО против Югославии в 1999 году, осуществленная без санкции ООН и вопреки призывам Москвы к мирному урегулированию. Параллельно нарастала двойственность политики США, Великобритании и Турции, которые, декларируя уважение суверенитета России, одновременно поддерживали сепаратистские группировки на ее территории. Символическим событием стал саммит НАТО в апреле 1999 года, где бывшим союзникам СССР в Восточной Европе и СНГ пообещали членство в альянсе.

Примечательно, что в 1999–2000 годах США приняли стратегии национальной безопасности, открыто провозгласившие курс на глобальное доминирование. Эти шаги, наряду с расширением НАТО на восток, демонстрировали пренебрежение интересами России, что потребовало пересмотра Концепции 1997 года. Новая редакция документа была утверждена в январе 2000 года [1].

Хотя в начале 2000-х отношения с США формально именовались партнерскими, на практике Вашингтон продолжал курс, направленный на ослабление России. Это подтверждала Стратегия национальной безопасности США 2002 года, где РФ упоминалась как условный партнер, но реальные действия (установка гегемонии, эскалация конфликтов на Ближнем Востоке и в Центральной Азии) противоречили российским интересам. Противостояние закрепилось в Стратегии 2004 года и «Упреждающей стратегии» 2006 года [15], легализовавшей вмешательство во внутренние дела государств ради устранения «потенциальных угроз» американскому превосходству, включая ослабление России как альтернативного центра силы.

Практическим воплощением антироссийского курса стали «цветные революции» на постсоветском пространстве («Революция роз» в Грузии, 2003; «Оранжевая революция» на Украине, 2004), поддержка прозападных режимов в Прибалтике, а также расширение НАТО. В 1999 году альянс включил Венгрию, Польшу и Чехию;

в 2004-м – Болгарию, Румынию, Словакию, Словению и страны Балтии. Военная инфраструктура блока приблизилась к границам России, параллельно началось размещение элементов ПРО в Восточной Европе.

Ключевым моментом в отношениях с Западом стала Мюнхенская речь В.В. Путина (2007), осудившая однополярную модель мира и политику силы [13]. Это выступление, несмотря на внешне сдержанную реакцию Запада, спровоцировало усиление антироссийской риторики. В 2008 году агрессия Грузии против Южной Осетии и геноцид российских граждан вынудили Москву провести операцию по принуждению к миру. В том же году на Бухарестском саммите НАТО попытка предоставить Украине и Грузии статус кандидатов в члены альянса была заблокирована усилиями Франции и Германии.

Альтернативным инструментом влияния Запада стало «Восточное партнерство», нацеленное на создание «кольца друзей» ЕС через продвижение «европейских ценностей» и экономических реформ в постсоветских странах. Кульминацией проекта стал Вильнюсский саммит 2013 года, где планировалось подписание соглашений об ассоциации с ЕС шести государств. Отказ Украины от подписания спровоцировал события Евромайдана, а после госпереворота 2014 года Киев все же заключил соглашение. Из шести стран документ ратифицировали лишь Молдова, Грузия и Украина, получившая взамен «безвиз» и статус рынка сбыта для ЕС, а также плацдарм для военного сотрудничества с НАТО [11].

Эскалация угроз со стороны США и НАТО вынудила Россию пересмотреть подходы к безопасности. В декабре 2015 года указом президента была утверждена обновленная Стратегия национальной безопасности [1], зафиксировавшая политику сдерживания России Западом, использование блоковых подходов в международных делах, поддержку госпереворотов (включая киевский майдан), провоцирование конфликтов и миграционных кризисов. Документ определил

национальные интересы России с учетом новых реалий, выделив в качестве приоритетов следующие:

- укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации;
- укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;
- повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны;
- сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- повышение конкурентоспособности национальной экономики;
- закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Таким образом, несмотря на эскалацию конфликтности на глобальном уровне, реализацию политики сдерживания и появление других угроз и вызовов интересам и безопасности России, в Стратегии определялась направленность внешней политики на поддержание стратегической стабильности и обеспечение взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Данные положения, безусловно, актуальные в середине второго десятилетия в связи с нарастанием системного давления на Россию со стороны США и их союзников, потребовали корректировки.

В июле 2021 года была принята новая Стратегия национальной безопасности России, в которой в качестве приоритетных национальных интересов были определены:

- сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;
- защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;
- поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;
- развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;
- устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;
- охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;
- укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;
- поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений [1].

Таким образом, сравнительный анализ положений в Стратегии, принятой в 2021 году, которые определяют национальные интересы России, свидетельствует о стремлении использовать потенциал го-

сударства, решая вопросы эффективного социально-экономического развития российского общества. В качестве стратегического национального приоритета в области внешней политики была определена стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

В то же время очевидным является тот факт, что развитие современных политических процессов, которые связаны с процессами трансформации мирового политического порядка, обострением украинского кризиса и стремлением США и их союзников обеспечить за счет Украины ослабление России, предполагает необходимость корректировки концептуальных положений действующей Стратегии национальной безопасности России.

Литература и источники

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
2. Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 10.01.2000 г. № 24). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
3. Антироссийские санкции: история и современность / В.И. Гришин [и др.] // Информационно-аналитический вестник. Москва, 2016. Вып. 7.
4. Бердяев Н.А. Судьба России: опыт по психологии войны и национальности. Пг., 1918. – С. 7.
5. Бочарников И.В. О евразийской геополитической стратегии России // Международные отношения. 2016. № 1. С. 83.
6. Бочарников И.В. Кавказская политика России в X–XX веках. Москва, 2013.
7. Бочарников И.В. Военно-политические интересы России в Закавказье (ист. опыт и соврем. практика реализации): дис. ... канд. полит. наук. М.: [б. и.], 1996.
8. Бочарников И.В. Северо-Кавказский регион: проблемы и перспективы реализации государственной политики России // Международные отношения. 2012. № 1. С. 36–45.
9. Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1999. 114 с.

10. Мединский В. Александр III. Государь и Миротворец. URL: <https://histrf.ru/read/articles/alieksandr-iii-gosudar-i-mirotvoriets-k-175-lietiiu-so-dnia-rozhdieniia-impieratora-vsierossiiskogho-alieksandra-alieksandrovicha>.

11. Овсянникова О.А. Внешнеполитический курс Украины: реалии и перспективы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М., 2022. С. 247.

12. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Элементы. Евразийское обозрение. 1997. № 7. С. 43–58; Великие державы. Лейпциг, Берлин, 1914.

13. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.

14. Соглашение об ассоциации Украины с ЕС. Досье. URL: <https://tass.ru/info/1975718>.

15. Стратегии национальной безопасности США / сост. Д.В. Кузнецов. Б.м.: Б. и., 2018. 531 с.

16. Трипольский В.Б. Деятельность органов государственной власти Российской Федерации как фактор обеспечения национальной безопасности: дис. ... канд. полит. наук. М.: ВУ, 2007. 52 с.

17. Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности // под общ. ред. В.Н. Баранова, П.А. Дульнева, И.В. Бочарникова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2022. 135 с.

18. Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах / В.Н. Ремарчук [и др.]. М., 2015.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА – НОВАЯ СИСТЕМА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

И.И. Идилов

Попытки превращения странами Запада территории Украины в плацдарм для нанесения стратегического поражения России привели к эффекту бумеранга в отношении их создателей. После начала специальной военной операции так называемые западные, либеральные демократии стали активно терять свои позиции на мировой арене, что в перспективный период времени может привести их политические и экономические системы к кризисным явлениям [1–2].

По мнению А.А. Чертополоха, «...страны НАТО, стремясь к мировому доминированию, пытаются принудить Россию отказаться от самостоятельной внешней политики, соответствующей ее национальным интересам» [11].

На основе анализа военных конфликтов современности мы приходим к выводу, что мир находится в состоянии цивилизационного столкновения, в котором главными движущими силами являются не военные или экономические, а идеологические факторы глобального кризиса [3, 10].

Исследования на тему «Почему в мире стали преобладать идеологические факторы столкновений между странами?» должны представлять интерес для экспертов.

Согласно оценкам, которые дают эксперты не только дружественных для России государств, но и стран Запада, нынешний цивилизационный кризис привел к колоссальным «мировым сдвигам» [5, 8]. Мы являемся свидетелями его ускорения после саммита ШОС, состоявшегося в городе Тяньцзинь (Китай) в первых числах сентября 2025 года, на котором лидерами этой организации были обобнованы стратегические задачи, направленные на реформы в системе глобального управления [2].

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным было отмечено, что Шанхайская организация сотрудничества за весь период ее истории впервые стала локомотивом многополярного мира. Также на саммите прозвучала констатация факта того, что однополярный мир ушел в небытие и указанное состояние «...в интересах народов тех стран, руководство которых до сих пор отстаивает эту отживающую и, можно сказать, уже отжившую систему» [12].

Абсолютным большинством участников саммита ШОС была поддержана главная инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина о необходимости создания на глобальном уровне более справедливой и равноправной системы управления миром. Данная инициатива коррелирует с посылом странам Запада со стороны Президента РФ В.В. Путина, который прозвучал на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года, где было отмечено, что блок НАТО зашел слишком далеко в вопросах посягательств на суверенитет других стран [12].

Президентом России В.В. Путиным была поддержана инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина о необходимости иметь справедливую и равноправную глобальную систему управления, а также отмечено, что многие страны не желают отказываться от диктата в ведении международных дел [12].

В ходе российско-китайских переговоров было подчеркнуто, что уровень отношений между двумя странами, которые стали об-

разцом добрососедства и выдержали испытание временем, является беспрецедентно высоким.

Таким образом, Тяньцзинский саммит заложил основы для формирования нового механизма многополярного мира, в котором, наряду с США и странами Европы, создаются центры многополярности во главе с Россией, Китаем и Индией.

Участниками саммита были предложены конкретные меры, которые способны придать импульс развитию Шанхайской организации. Так, Президентом Узбекистана Ш. Мирзиевым был сделан акцент на необходимости иметь общее транспортно-логистическое пространство стран ШОС, для чего следует формировать новые мультимодальные сети, создавать единые механизмы функционирования цифровых платформ и налаживать процесс для деятельности систем зеленых коридоров [12].

Президент Ирана Масуд Пезешкиан обратил внимание на необходимость ускоренного реагирования на попытки недружественных государств, пытающихся нарушить суверенитет отдельных стран ШОС, и предложил создать специальный комитет по урегулированию кризисов.

Особый акцент на проблемах противодействия идеологии терроризма, экстремизма и сепаратизма был сделан Президентом Киргизии Садыром Жапаровым. Участники саммита единодушно осудили проявления терроризма в любых его формах и заявили о недопустимости использования двойных стандартов в период борьбы с ним. Были четко высказаны позиции относительно ударов США и Израиля в июне 2025 года по территории Ирана, указано о недопустимости во время военных конфликтов нанесения ударов по ядерным объектам. Такие удары фактически являются проявлениями актов государственного терроризма [4].

Отдельные вопросы касались необходимости реформирования ООН, так как ее авторитет не смог остановить насилие Израиля в

секторе Газа. Более того, ООН не смогла обеспечить мирных жителей Палестины гуманитарной помощью, что серьезно подрывает ее авторитет в глазах мирового сообщества.

Президентом Беларуси А. Лукашенко было подчеркнуто, что заявления Председателя КНР Си Цзиньпина о необходимости суверенного равенства государств в процессе глобального управления вытекают из норм международного права и фактически констатируют развитие стран по пути вектора многополярности [12].

По итогам саммита ШОС была принята Тяньцзяньская декларация, в которой ее участники взяли на себя обязательства по созданию совместного Банка развития, способного в перспективе укрепить устойчивые экономические связи между странами организации.

Будет развиваться сотрудничество в оборонных отраслях стран ШОС в целях снижения уровня рисков в сфере безопасности в связи с внедрением искусственного интеллекта и квантовых технологий. К примеру, было принято соглашение о создании в городе Ташкенте специализированного центра ШОС по противодействию вызовам и угрозам современности, а также об открытии в Душанбе специального антинаркотического центра.

На саммите прозвучала крылатая фраза, выраженная в следующей идее: «ШОС не против Запада, но без него» [12]. Данная идея подчеркивает, что многострадальный мир, который на протяжении многих веков подвергался агрессии со стороны англосаксов, оформился в виде отдельной организации, состоящей из противников западного глобализма. Народы мира, которые подвергались не только разграблению, но и практически полному физическому истреблению со стороны блока НАТО, находятся в поисках новых союзов, которые функционируют на принципах равенства и справедливости [7]. В Шанхайской организации сотрудничества они видят данные ключевые принципы, поэтому интерес к деятельности ШОС, в основе которой заложены ключевые человеческие ценности, возрастает с каждым днем.

Россия в новой многополярной системе глобального управления имеет свое особое, привилегированное место. После начала специальной военной операции на Украине ей удалось практически в одиночку отстоять свой государственный и военный суверенитет в противостоянии с таким мощным блоком, как НАТО [7, 10].

Разумеется, ШОС не является военным союзом, и Россия не в состоянии на протяжении долгого периода времени в одиночку противостоять всем странам Запада, как в военной, так и в экономической областях. Поэтому ей необходим союз со странами, входящими в ШОС, чтобы наращивать свой экономический потенциал, являющийся основой развития военно-промышленного комплекса страны.

Следует отметить, что страны ШОС динамично развиваются, несмотря на проблемы и трудности, которые существуют в глобальной экономике. В настоящее время в странах ШОС проживает половина населения планеты, а их совокупный ВВП составляет более трети от мирового уровня. Темпы роста ВВП указанных стран выше уровня мировых показателей. Только за 2024 год он возрос на 5 %, а промышленное производство увеличилось на 4,6 % [6–7].

Для сравнения, в Германии в 2024 году ВВП был ниже уровня 2023 года на 0,2 %, что является доказательством спада ее экономики. За аналогичный период ВВП Великобритании вырос лишь на 0,9 %, составив в 2024 году 2,78 трлн фунтов стерлингов, что является доказательством нарастания кризисных явлений в ее экономике [7].

К ШОС, которая функционирует на основе создания атмосферы сотрудничества, проявляется закономерный интерес со стороны стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые долгие годы находились в колониальной зависимости от стран Запада. Указанные страны видят в этой организации потенциал и понимают, что создается новая система стабильности взамен старых и отживших свой век европейских и евроатлантических моделей безопасности. Авто-

ритет этой организации постоянно растет. Интерес к вступлению в нее уже проявили свыше 20 государств, такая страна, как Лаос, вступила в нее на саммите в Тяньцзэне.

По утверждению Президента РФ В.В. Путина, «...деятельность ШОС не направлена на борьбу с кем бы то ни было, она направлена на то, чтобы искать наилучшие способы развития нас самих: наших стран, наших народов, наших экономик» [3, с. 12].

В целях обеспечения стабильности стран ШОС лидерами государств был утвержден предложенный российской стороной проект программы противодействия экстремизму до 2030 года. Реализация указанной программы, в которую включится Россия, приведет к существенному снижению уровня проявлений экстремизма в странах ШОС.

Таким образом, саммит ШОС в Тяньцзэне стал важной вехой на пути создания многополярного миропорядка или новой системы в рамках глобального управления. Его решения будут способствовать развитию экономического сотрудничества между странами – участницами этой организации. Сотрудничество в рамках ШОС в будущем приведет к повышению уровня безопасности и стабильности в мире.

Литература и источники

1. Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», № 204 от 7 мая 2018 г.
2. Путин В.В. Указ № 762 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
3. Путин В.В. Указ № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
4. Путин В.В. Указ № Пр-2610 от 30 декабря 2023 г. «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы».
5. Бочарников И.В., Овсянникова О.А. Риски и вызовы информационной работы при проведении специальных военных и полицейских операций //

Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления: коллективная монография / под общ. ред. В.Н. Ремарчука, И.В. Бочарникова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2024. 285 с.

6. Veselovsky M.Y., Gnezdova J.V., Romanova J.A., Kirova I.V., Idilov I.I. The Strategy of a Region Development under the Conditions of New Actual Economic // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. N. 5. P. 310–317.

7. Идилов И.И. Специальная военная операция как фактор возрождения государственного суверенитета России // коллективная монография: Научные труды ученых 1 Отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук: коллективная монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2025. Т. 6. 247 с.

8. Латыпов Р.М. Аспекты информационного противоборства. М.: Внешторгиздат, 2015.

9. Кулаков А.А. Информационная война США на постсоветском пространстве: опыт и противодействие // Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления: коллективная монография / под общ. ред. В.Н. Ремарчука, И.В. Бочарникова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2024. 285 с.

10. Герейханов Г.П. Цивилизационный подход в системе обеспечения национальной безопасности / Научные труды ученых 1 Отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук: коллективная монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2025. Т. 6. 247 с.

11. Чертополох А.А. Военная идеология России: история и современность // Научные труды ученых 1 Отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук: коллективная монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2025. Т. 6. 247 с.

12. Российская газета. Спецвыпуск: Дыхание Китая. № 209 (9748).

СЛАБЫЕ СИГНАЛЫ ЗЛОНАМЕРЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТИВНИКА В СЕРОЙ ЗОНЕ: ПРОБЛЕМЫ ОБНАРУЖЕНИЯ

М.Ю. Ювачёв

В настоящее время США весьма озадачены вопросами своего мирового лидерства на фоне растущей конкуренции России и Китая. Принимая во внимание сопоставимую военную мощь трех держав, а также ядерный паритет России, Вашингтон последние два десятилетия проводит активную исследовательскую работу по поиску и определению новых форм воздействия на своих соперников в гибридной сфере противоборства.

Весь спектр гибридных кампаний и операций американскими специалистами был определен как конкуренция в серой зоне противоборства. Серая зона определена как спорное пространство между рутинным государственным управлением и традиционными методами ведения войны.

Уже в 2022 году концепция серой зоны была включена в Национальную оборонную стратегию США (NDS). Данным фактом Министерство обороны США (DoD) официально признало серую зону операционным доменом. В России проблема стратегии серой зоны не вышла за рамки отдельных исследований и в документах стратегического планирования не отражена.

Кампании в серой зоне следует рассматривать как важный компонент стратегии национальной безопасности страны. Операционный домен серой зоны характеризуется ожиданием постоянных вызовов и возможностей в спектре событий от рутинной дипломатии до крупных военных операций.

Для противодействия противнику в серой зоне и получения конкурентных преимуществ перед ним необходимо применять структуру планирования кампаний и операций, специально ориентированную на операционный домен серой зоны.

Проблема серой зоны требует межведомственного подхода. Так, терминология планирования кампаний и операций лежит в области военных знаний, межведомственное взаимодействие обеспечивает совещательный орган национальной безопасности, сфера международных связей и страновых стратегий в ответственности дипломатического сообщества.

ПОНИМАНИЕ СЕРОЙ ЗОНЫ

Геополитические события второго и третьего десятилетия XXI века обозначили перед США ряд задач по сохранению своего доминирования в мире, не прибегая к военным действиям.

В свете укоренившегося в Белом доме мнения о мировом господстве США, действия России и Китая за последние десятилетия для Соединенных Штатов стали настоящим вызовом их национальным интересам в Европе и Азии. Действия своих геополитических противников [России и Китая] Вашингтон трактует как вызов влиянию и мощи США.

В обвинениях, предъявляемых России и Китаю, Соединенные Штаты указывают на применение первыми таких внешних инструментов государственного управления (влияния), которые по своей сути превышают дипломатические и не провоцируют на ответные военные действия, но посредством которых дости-

гают экономические, политические и географические преимущества [1].

Важно, что в стратегическом понимании для США Россия и Китай представляют собой равные конкурирующие с ними державы. И как показывает анализ Стратегий национальной обороны США (2018, 2022), Вашингтон на сегодняшний день не способен вести одновременно войну против двух крупных противников: России и Китая [2].

При этом по оценкам западных аналитиков, американская, российская и китайская военная мощь равны. Рейтинг (индекс) военной мощи трех держав на протяжении последних десятилетий остается неизменным и составляет:

- США – 0,0744;
- Россия – 0,0788;
- Китай – 0,0788 [3].

К тому же, по оценкам европейских специалистов, Россия начиная с 2020 года стала обгонять по объему ядерного арсенала США и НАТО. А в 2025 году российский ядерный паритет в отношении США оценочно составляет около 609 боеголовок, в отношении НАТО – 94 [4].

Весьма вероятно, что фактор военной мощи мировых держав во многом обусловил смещение акцента геополитического противоборства США с другими странами именно в сферу скрытых действий [как и годы холодной войны], которые не создадут прецедент к ответным военным действиям.

Как понимается, именно в первое правление Трампа (2017–2021) Соединенные Штаты активно работали над концепцией конкуренции великих держав в серой зоне противоборства. По сути, Вашингтон стал формировать для себя определенный ландшафт безопасности в системе конкуренции условно равных трех держав: США, России и Китая.

Уже в 2022 году концепция серой зоны была включена в Национальную оборонную стратегию США (NDS). Данным фактом Министерство обороны США (DoD) официально признало серую зону операционным доменом или же театром военных действий [2, 5].

В понимании американских специалистов, тактика серой зоны есть не что иное, как достижение ограниченных целей, не подвергаясь риску перерастания в дорогостоящую и потенциально разрушительную войну [6].

Стратегии, кампании и операции в серой зоне, проводимые в пространстве между войной и миром, намеренно двусмысленны и не поддаются категоризации, что не позволяет эффективно реагировать.

Понятие серой зоны как оперативного домена объемное и, по мнению экспертного аналитического и разведывательного сообщества США, включает в себя множество оперативных значений и проблем, возникающих ниже порога обычной войны, но выше обычной дипломатии:

- гибридная война;
- нерегулярные военные действия;
- «мягкая сила»;
- «жесткая сила»;
- «умная сила»;
- стратегия непрямых действий;
- политическая война;
- экономическая война;
- стратегическая конкуренция [7].

Инструментарий серой зоны во многом предопределяет операционный потенциал:

- информационные и дезинформационные операции:
 - использование СМИ, социальных сетей как дополнение к традиционным усилиям государства (открытым, политическим, дипломатическим, экономическим) в це-

лях укрепления его позиций в зарубежных странах посредством пропаганды, сеяния сомнений, инакомыслия и дезинформации;

- политическое принуждение:
 - использование законных и незаконных инструментов принуждения как на политических субъектов страны, так и на процесс принятия решений в стране;
- экономическое принуждение:
 - использование инструментов экономического принуждения (экономические санкции, эмбарго, незаконное финансирование) для нанесения экономического ущерба противнику или же достижения экономических целей;
- кибероперации:
 - нанесение физического ущерба, совершение вредоносных действий в киберпространстве (взлом, вирусы) в целях нарушения политических и экономических процессов у противника;
- космические операции:
 - нарушение нормальной деятельности противника в космосе и предоставления космических услуг путем создания помех космическому оборудованию, космическим коммуникациям, а также данным, предоставляемым космическими системами;
- поддержка прокси сил:
 - использование негосударственных или полугосударственных (квазигосударственных) военизированных формирований (террористических, криминальных групп, боевых отрядов) для оказания силового влияния на противника и в целях достижения определенных целей (дестабилизация общественно-политической безопасности);

- провокации силами, контролируруемыми государством:
 - использование невоенных или военизированных формирований, финансируемых государством, для достижения стратегических интересов без формального применения силы [7].

Задачи при планировании и проведении операций в серой зоне:

1. Превзойти возможности конкурирующей разведки, для чего:
 - на основе разведанных развивать понимание мотивов, психологии, а также общественного и геополитического контекста иностранных субъектов (стран, коалиций);
 - поддерживать необходимые ресурсы для инноваций;
 - использовать механизмы итеративной обратной связи для политиков (заказчиков и потребителей информации), чтобы идти в ногу с конкурентами;
 - применять искусственный интеллект для выявления закономерностей и определения намерений конкурентов.
2. Применение многомерности в операциях, которое достигается:
 - диверсификацией стратегического фокуса на общественные и частные секторы как внутри страны, так и за рубежом;
 - ускорением процессов принятия решений для достижения решающего преимущества до и во время кризиса;
 - обозначением четких сигналов во внешней политике, обеспечивающих гарантии противнику или его сдерживание, а также способствующих содействию диалогу и деэскалации кризиса.
3. Использование информационных операций с выстроенными нарративами на службе государственного управления в целях:
 - продвижения (пропаганды) идей прозрачности, правдивости и национальных ценностей (для США либеральных ценностей и демократии);

- создания и внедрения убедительного повествования с помощью эффективных механизмов коммуникации;
- постоянной оценки во времени механизмов эффективности передачи информации и целевой аудитории противодействия через общественную дипломатию манипуляциям в СМИ (манипулятивному контенту), которые подавляют замысел линии влияния государства и продвижения национальных идей (в США: препятствующими свободным рынкам и подавляющим политические свободы).

4. Задействование инструментов поощрения (побуждения) и наказания (карательных мер) при взаимодействии с третьей стороной (стратегическая дипломатия) в целях:

- активного использования внешнеполитического дипломатического потенциала;
- укрепления альянсов и союзов (разрушение у противника);
- осуществления согласованного взаимодействия работы частного сектора и гражданского общества в национальных интересах;
- привлечения потенциальных бизнес-партнеров за рубежом с помощью позитивных инструментов экономической политики.

5. Использование надежных перспективных сценариев по проведению (противодействию) киберопераций, а именно:

- разработка комплекса норм киберполитики с учетом растущей сложности кибердомена;
- создание кодекса поведения для наступательных и оборонительных (защитных) операций в целях избежания принятия спонтанных решений;
- обеспечение своевременного уведомления государственных органов управления о быстрых изменениях в кибердомене (кибервозможностях).

Таким образом, *серая зона* представляют собой смешанное (многодоменное) оперативное пространство, в котором противник (страна «А») планирует и проводит комплекс стратегических кампаний (оперативно-стратегических и тактических операций), направленных на постепенное накопление военных, политических, экономических преимуществ в отношении страны «Б», ранее достигавшихся только войной (военными действиями). Серая зона как оперативная среда характеризуется:

- многомерностью операций, ограниченными пороговыми значениями войны и мира, но не правовыми и международными нормами;
- намеренным избеганием эскалационных ловушек (действиями ниже порога эскалации, заданного страной «Б»);
- невозможностью или затруднениями в квалификации действий противника как агрессией;
- завуалированной связью между тактикой и целями собственной безопасности (страны «А»);
- применением форм и способов сокрытия информации (истинных намерений);
- использованием форм насилия через посредников (прокси силы «С»).

Важно понимать, что серая зона – достаточно динамичная среда и обуславливает постоянное, непрекращающееся оперативное планирование кампаний и операций [8]. Такая работа требует постоянной оценки оперативной среды с установлением обратной связи и корректирования операционного цикла. Необходимо выстраивание мышления (целевого, выборного), которое позволяло бы регулярно пересматривать оперативную среду на предмет фиксации изменений в подходах противника, нахождения в ней новых форм и способов его действий.

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ США ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАЦИЙ СЕРОЙ ЗОНЫ

Цели миссии США в серой зоне:

- подорвать тактику конкурентов путем сдерживания и проведением эффективных кампаний при реагировании на кризис;
- получить преимущество в конкурентной борьбе в серой зоне.

Потенциальные [асимметричные] преимущества США в планировании операции серой зоны (оборонительных и наступательных):

1. Конституционные принципы США:

- уважение индивидуальных свобод;
- многоуровневая система подотчетности правительства;
- соблюдение принципов прозрачности и верховенства закона.

Операционный потенциал:

- чем привлекательнее американская модель управления, тем менее восприимчивы граждане и зарубежное население к операциям влияния и радикализации общественно-политической ситуации в стране (тактике, направленной на разъединение страны изнутри и извне);
- активная американская демократия снижает эксплуататорский потенциал многих авторитарных тактик в серой зоне и одновременно подрывает власть тех, чье управление не сравнится с ней.

2. Неправительственный сектор:

- бизнес;
- СМИ;
- гражданское общество.

Операционный потенциал:

- привлекательная экономическая и бизнес-модели способны противостоять экономическому давлению со стороны других стран и продвигать свои интересы, поскольку другие страны

- заинтересованы в сотрудничестве с американскими компаниями, привлечении американских инвесторов, а также выходе на американский рынок со своими товарами и услугами;
- культурное влияние США усиливается их лидерством в области искусства, развлечений и СМИ;
 - американские компании, академические и научные круги, известные личности и благотворительные организации выступают проводниками американской «мягкой силы» (американского образа жизни) во всем мире в противовес альтернативам других конкурирующих стран;
 - использовать потенциал американского образца гражданского общества для продвижения своих интересов в мире.

3. Альянсы и партнерские сети США.

Операционный потенциал:

- использовать накопленный опыт в мобилизации международных действий для продвижения своих интересов и противодействию противникам США;
- возможность повлиять на увеличение затрат союзников [на оборону];
- применение международных санкций и трибунала.

Действия США по повышению своего потенциала в проведении атакующих и защитных операций в серой зоне:

- по внутреннему контуру:
 - защита легитимности американской модели управления, избирательных процессов, судебной системы;
 - инвестирование в обучение граждан США и зарубежных государств основам гражданского общества и медиаграмотности;
 - усиление регулирования социальных сетей на предмет посягательств на права граждан США, закрепленные в первой поправке;

- обеспечение стабильной экономики США, достаточного финансового регулирования для поддержания глобальной роли доллара;
- увеличение инвестиций в инновации США;
- по внешнему контуру:
 - расширение соглашений о свободной торговле США в Европе и Азии;
 - активизирование американской «мягкой силы»;
 - диверсифицирование и расширение инструментария американской внешней политики за пределы обычных военных возможностей и экономических санкций;
 - обеспечение надежной системы альянсов;
 - использование (усиление) международных норм и активное их применение.

ЗАДАЧА РАЗВЕДКИ В СЕРОЙ ЗОНЕ: РАБОТА СО СЛАБЫМИ СИГНАЛАМИ

Цель разведывательной деятельности в операционной среде серой зоны в режиме реального времени – обнаружение, понимание и предупреждение об угрозах в серой зоне.

Задачи:

- распознать истины среди запутывания, дезинформации и лжи;
- выявить ранние признаки враждебного поведения от уровня рутинного государственного управления до уровня военного конфликта;
- сорвать усилия разведки противника по выявлению виновных (причастных), оценке рисков и формированию решительных ответных мер;
- устанавливать ответственность, оценивать совокупное поведение и формировать целостное понимание стратегии противника;

- обнаружить слабый сигнал на фоне глобального шума.

Слабые сигналы, в отличие от сильных, не позволяют явно обнаружить намерения противника к реализации тех или иных угроз безопасности страны. Как, например, развертывание сил в приграничных районах или же мобилизация, что может выступать явными индикаторами к ожиданию в будущем вероятного военного конфликта.

Слабые сигналы присущи именно скрытым операциям серой зоны, и умение их обнаружить, обобщить и изучить позволит вовремя сигнализировать о злонамеренных действиях противника.

Задачи обнаружения слабого сигнала в операционной среде серой зоны решаются силами стратегической разведки или же стратегического анализа информации.

Задачи разведки в операционной среде серой зоны при работе со слабыми сигналами заключаются:

- в обнаружении слабых сигналов:
 - выявление намерений противника;
 - установление его возможностей;
 - определение последствий;
- в предупреждении о слабых сигналах:
 - выявление и оценка новых закономерностей;
 - определение новых источников данных [9].

Существенно, что процесс обнаружения слабых сигналов усложняется такими факторами, как:

- глобальный информационный шум, который заглушает слабые сигналы;
- проведение поиска за пределами вектора угроз национальной безопасности и вне учёта региональных границ;
- вредоносная деятельность противника может осуществляться в рамках правовых норм, которые не вызывают срабатывания сигнализации угроз и не пересекают красные линии

(традиционные точки оповещения), что еще больше ослабляет сигнал.

Проблемы (ограничения) в выявлении слабых сигналов и пути их преодоления:

1. Постоянно меняющийся характер угроз серой зоны обнажает уязвимости и обнуляет выработанный ранее инструментарий.

- *В целях выявления, анализа и реагирования на угрозы серой зоны:*
 - *необходимо иметь общую аналитическую структуру и общую картину угроз;*
 - *выстроенную систему коммуникаций и межведомственной координации в оценке угроз и определении приоритетов.*

2. Конкуренция краткосрочных выгод и долгосрочных стратегических целей в рамках политической структуры государства не позволяет определить адекватное реагирование на угрозы серой зоны, особенно в условиях, когда правовые нормы (границы) явно не нарушены.

- *Для преодоления затруднений в расстановке приоритетов и распределении ресурсов для их определения, а также сбора и анализа разведывательной информации необходимо наличие четкого политического приоритета (решения):*
 - *в использовании разведсообществом новых аналитических форм и методов;*
 - *в ускорении процесса удовлетворения потребностей разведки в сборе информации.*

3. Отсутствие у разведсообщества навыков и достаточных возможностей для оценки деятельности противника в серой зоне, где часто доказательства вредоносных кампаний находятся в открытых источниках, в то время как существующая инфраструктура сбора

информации предназначена для сбора государственных секретов и не подходит для работы в серой зоне.

4. Недоверие между государственными и частными секторами разведки (прокси разведки), по сути, подрывает возможности государства в выявлении угроз серой зоны.

Существенно, что *решение проблемы обнаружения слабых сигналов* в информационном шуме осуществляется путем интегрирования данных как минимум из таких трех элементов операционной среды серой зоны, как:

1. *Темпоральность*. Угрозы серой зоны имеют временной характер и предполагают:

- длительные временные параметры наблюдений за функциональными областями и регионами;
- выявление закономерностей на основе активности;
- классификацию вредоносных действий на основе анализа агрегированных данных за определенный период времени;
- синтез наблюдения с контекстным пониманием событий на раннем этапе процесса их идентификации и оценки.

2. *Атрибуция*. Как одна из основ для принятия политических и оперативных решений при реагировании на операции серой зоны, нацелена на установление авторства злонамеренных действий, требует аналитической оценки данных (формат оценки вероятностей) и сопряжена с временными (недели и месяцы) и аналитическими затратами ввиду обработки большого объема данных в области анализа исторических закономерностей.

3. *Намерения*. Оценка намерений противника в серой зоне во многом зависит от временных рамок и атрибуций и исходит из цели противодействия в серой зоне: удержать противника от реализации его намерений. Таким образом, определение намерений противника в серой зоне заключается в ретроспективной оценке суще-

ствую-щего положения дел (сил и средств) у противника и изучении его возможностей, с оценкой, среди прочего, его геополитических амбиций, военных связей, торговых и экономических отношений, состояния инвестиций, информационного ландшафта, состояния коррупции.

ОПЕРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ОБНАРУЖЕНИИ СЛАБЫХ СИГНАЛОВ СЕРОЙ ЗОНЫ

Как было акцентировано ранее, для того чтобы превзойти возможности разведки противника в серой зоне, работа разведки должна во многом опираться на принципы итеративного процесса, суть которого составляют такие элементы, как:

- этапность;
- цикличность и повторяемость;
- постоянное улучшение результатов и качества продукта;
- быстрое получение обратной связи;
- гибкость и открытость к изменениям.

Классический итеративный процесс состоит из таких этапов, как:

- Планирование итерации.
- Реализация – разработка продукта.
- Тестирование (проверка) и предоставление продукта заказчику.
- Сбор обратной связи и анализ результатов итерации.

В нашем случае для более эффективной работы разведки по обнаружению слабых сигналов в серой зоне предлагается применять оптимизированную архитектуру разведывательного процесса, основанного на методологии итеративного процесса, используемой в настоящее время силами специальных операций США и известной как «Найти, исправить, завершить, использовать,

проанализировать и распространить» (Find, Fix, Finish, Exploit, Analyze, and Disseminate, F3EAD, метод целеуказания F3EAD, альтернативный цикл разведки) [10].

Метод F3EAD циклический и позволяет минимизировать время нацеливания на противника в части выявления авторства и намерений.

Архитектура метода F3EAD:

1. Поиск:

- улавливание следа слабых сигналов противника в серой зоне;
- определение потенциальной цели – авторства злонамеренных действий;
- поиск ответов на вопросы: «кто, что, когда, почему?».

2. Исправление:

- выстраивание точек триангуляции в уточнении фактов (этапы информационной работы в стратегической разведке);
- преобразование данных в доказательства – основу для принятия решения и последующих действий.

1-й и 2-й этапы – поиск и устранение неполадок.

3. Завершение:

- открытие «окна возможностей»;
- проведение операции в серой зоне.

4. Использование (эксплуатация):

- деконструкция доказательств;
- сосредоточение усилий на поиске и фиксации достижения эффекта для продолжения цикла.

5. Анализ:

- объединение использованных доказательств с более широкой картиной разведки – новыми слабыми сигналами;
- глубокий анализ данных и действий, предпринятых против противника, чтобы определить дополнительные цели для поиска.

- информация, полученная на ранних этапах, превращается в аналитические данные, которые можно будет использовать для усиления операции;
 - материал зацикливается для достижения максимального эффекта (повышение ценности информации, повышение эффективности операций).
6. Распространение.
- публикация результатов исследования для ключевых заинтересованных сторон;
 - распространение результатов среди разведывательного сообщества и иных участников процесса [11].

ПРИМЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА F3EAD В ОПРЕДЕЛЕНИИ СЛАБЫХ СИГНАЛОВ

Как показывает практика, именно метод F3EAD в настоящее время позволяет весьма эффективно определить слабые сигналы в серой зоне и реагировать на них.

С января 2025 года мы стали свидетелями, как Вашингтон последовательными шагами уверенно создавал у российской целевой аудитории иллюзию Трампа-миротворца. В частности, западные СМИ активно транслировали образ Трампа как более сильного мирового лидера, способного остановить войну на Украине, которая для России чревата критическими издержками. В свою очередь, потенциал России принижался.

С приходом в США к власти Трампа гибридная война уже приобретает новый облик: наблюдается более активное использование Вашингтоном операций, характеризующихся формированием иллюзий, созданием двусмысленности понимания и формированием неопределенности у российской целевой аудитории.

Необходимо подчеркнуть, что особенностью проведения операции США в серой зоне противоборства с Россией является

реализация стратегической дипломатии в рамках проведения операций влияния:

- для достижения целей:
 - избежания ответственности (инициативы) в противостоянии России и Китаю;
 - ограничения собственного бремени по сдерживанию противника в настоящем и, возможно, участия в военной кампании в будущем;
- с решением задач:
 - предотвращения военного конфликта высокой интенсивности с конкурирующими державами в настоящем;
 - привлечение новых партнеров;
 - раздробление коалиции противников;
 - переоценка регионального баланса сил;
 - взаимодействие с противником через переговоры и соглашения.

Слабые сигналы когнитивных операций в серой зоне противоборства часто маскируются под видом обычных политических, экономических или же дипломатических форм взаимодействия между государствами и коалициями, а также их политическими лидерами и руководителями.

Слабые сигналы во многом коррелируют с операционным потенциалом и инструментарием серой зоны (см. табл.).

Соккрытие же слабых сигналов осуществляется посредством информационного шума, попутно создаваемого заявлениями лидеров общественного мнения, политическими деятелями и средствами массовой информации как противника, так и своими.

Независимо от происхождения источника информационного шума (своего или противника), без обнаружения слабых сигналов и вскрытия замысла (нарратива) противника, их действия взаимодополняют друг друга, усиливая нужный посыл.

**Слабые сигналы операций противника в серой зоне
(на основе реальных данных обстановки в мире, 2025)**

СПЕКТР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		
Государственное управление		Крупный военный конфликт
<i>Дипломатические инструменты</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • Ведение переговоров по соглашениям • Осуществление контроля над вооружениями • Рутинные процедуры взаимодействия от имени граждан США и правительства США, особенно через посольства 	<ul style="list-style-type: none"> • Убедить европейских союзников по НАТО в приобретении американского вооружения • Укрепить сплоченность альянса против военного, политического и экономического давления России 	<ul style="list-style-type: none"> • Установление условия мира или капитуляции • Задействование мандата статьи 5 НАТО о коллективной обороне • Создание коалиций для ведения боевых действия
<i>Информационные инструменты</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • Продвижение тезиса (нарратива) о безопасном, свободном и открытом Европейском регионе • Сообщение по статье 5 НАТО • Наблюдение за индикаторами конфликта 	<ul style="list-style-type: none"> • Открытая поддержка демократических движений и свободной прессы за рубежом • Взаимодействие (регулируемое) с американскими СМИ и социальными сетями по вопросам иностранного влияния • Введение мер безопасности в отношении выборов процессов в США для защиты от внешнего вмешательства 	<ul style="list-style-type: none"> • Распространение изображений войск противника, пересекающих международную границу • Выпуск совместного заявления о решимости союзников • Публичные и закулисные сообщения известному противнику
<i>Военные инструменты</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • Осуществление свободы судоходства • Создание оперативной совместимости союзных сил 	<ul style="list-style-type: none"> • Гибкие варианты сдерживания прогосударственных военизированных формирований • Активизация усилий по внешней и внутренней обороне 	<ul style="list-style-type: none"> • Проведение военных операций в целях сдерживания, поражения, победы или иного достижения установленных целей

Окончание табл.

СПЕКТР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		
Государственное управление		Крупный военный конфликт
<i>Экономические инструменты</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • Переговоры по торговому соглашению • Международная помощь в целях развития 	<ul style="list-style-type: none"> • Установление правил киберзащиты • Внедрение механизмов, облегчающих частному сектору возможность общаться в правоохранительные органы о случаях иностранного экономического давления 	<ul style="list-style-type: none"> • Блокада • Поддержка союзников в условиях военного времени по типу ленд-лиза

Принимая во внимание знания стратегического планирования войны в совокупности с нынешними действиями Вашингтона и его союзников по НАТО, с большой долей определенности можно констатировать о проведении им серии когнитивных операций в целях подготовки в будущем военной кампании против России.

Используя принципы эшелонированного подхода мобилизации экономики в условиях военного времени, гибридную военную кампанию США против России с превалированием форм и методов когнитивных операций для прикрытия своих истинных намерений (как минимум с 2014 года) можно условно представить поэтапно, где:

- *I этап (2014–2021)* характеризуется:
 - проведением в США мероприятий по концептуальному планированию стратегических замыслов;
 - уточнением гибридных форм военно-политического давления на Россию с формированием прокси угроз со стороны Украины;
 - исследованиями состояния американских вооруженных сил;

- поиском возможностей по перезапуску американского оборонно-промышленного комплекса.
- **II этап (2022–2024)** обусловлен:
 - активной фазой действий американских прокси сил против России с параллельным использованием экономических (санационных) мер воздействия в целях ослабления ее военного и промышленного потенциала;
 - формированием призыва метанарратива об агрессивной России;
 - стимулированием посредством метанарратива американских союзников на принятие выгодных для США решений;
 - инициированием в Вашингтоне процесса перезапуска оборонно-промышленного комплекса в рамках 1-го эшелона мобилизации экономики.
- **III этап (2024+)** проводится посредством:
 - проведения мероприятий стратегической дипломатии в отношении России для снижения риска эскалации военного конфликта;
 - формирования для США благоприятных условий для проведения военной кампании в будущем;
 - переложения бремени обороны с США на европейских партнеров по НАТО, используя метанарратив об агрессивной России.

В итоге мы имеем, что в октябре 2025 года западная стратегическая разведка заявила, что Россия приступила к реализации нулевой фазы в подготовке к потенциальному конфликту с НАТО. Нулевая фаза, по заявлениям представителей альянса, обусловлена активным проведением Россией гибридных операций: кибератак, дезинформирования, актов саботажа и преднамеренного нарушения воздушного пространства.

Ранее, в июне, USEUCOM сообщило, что «Россия продолжает диверсии и другие операции гибридной войны в Европе, российские службы разведки и безопасности и их доверенные лица продолжают представлять "значительную гибридную угрозу" в Европе. Россия и ее доверенные лица занимаются подрывной деятельностью, дезинформацией, кибероперациями и саботажем для достижения целей российской внешней политики и защиты жизненно важных экономических интересов» [12].

В частности, военное командование альянса активно транслировало информационную повестку об агрессивных действиях России в отношении НАТО:

- о намеренном нарушении воздушного пространства российскими самолетами (Эстония) и беспилотными летательными аппаратами (Польша);
- с фиксацией неопознанных летательных объектов вблизи военной инфраструктуры (Норвегия, Швеция, Германия, Чехия, Румыния);
- о шпионаже и диверсии (Великобритания, Нидерланды, Австрия, Польша) [13–14].

Именно псевдорусская атака БПЛА преподносится в информационном поле противника как *«неопознанные вторжения беспилотников в Европу ... являются частью усилий России по созданию условий» [для будущей агрессии против НАТО]*.

Такая активность западной разведки и СМИ в части нагнетания военной обстановки с повышением уровня военной угрозы со стороны России больше чем определено обусловлена реализацией Вашингтоном политики в области повышения американского военного потенциала и мобилизации своей экономики в условиях мирного времени (без ее надрыва).

Таким образом, мирная инициатива Трампа не что иное, как иллюзия, создаваемая Вашингтоном в условиях необъявленной Рос-

сии войны в так называемой серой зоне. По сути, двусмысленность дипломатии Вашингтона в отношении России укладывается в траекторию событий 2025 года.

Литература и источники

1. 2018 Global Security Forum: Prospects and Priorities for U.S. Gray Zone Competition // CSIS Events. URL: <https://www.csis.org/events/2018-global-security-forum-prospects-and-priorities-us-gray-zone-competition> (дата обращения: 19.11.2025).

2. National Defense Strategy // U.S. Department of Defense. URL: <https://www.war.gov/National-Defense-Strategy/> (дата обращения: 19.11.2025).

3. 2025 Military Strength Ranking // www.GlobalFirepower.com. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 19.11.2025).

4. Nuclear risks grow as new arms race looms – new SIPRI Yearbook out now // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2025/nuclear-risks-grow-new-arms-race-looms-new-sipri-yearbook-out-now> (дата обращения: 19.11.2025).

5. The national Defense strategy shows the Pentagon’s increased focus on the gray zone. Here’s what that means // Atlantic Council. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/content-series/hybrid-warfare-project/the-national-defense-strategy-shows-the-pentagons-increased-focus-on-the-gray-zone-heres-what-that-means/> (дата обращения: 19.11.2025).

6. Detect and Understand: Modernizing intelligence for the gray zone // CSIS. URL: <https://www.csis.org/analysis/detect-and-understand-modernizing-intelligence-gray-zone> (дата обращения: 19.11.2025).

7. By other means part I: campaigning in the gray zone // CSIS. URL: <https://www.csis.org/analysis/other-means-part-i-campaigning-gray-zone> (дата обращения: 19.11.2025).

8. AY24 Campaign Planning Handbook // SSI. URL: <https://ssi.armywarcollege.edu/SSI-Media/Recent-Publications/Display/Article/3507003/ay24-campaign-planning-handbook/> (дата обращения: 19.11.2025).

9. Warning for the gray zone // CSIS. URL: <https://www.csis.org/analysis/warning-gray-zone> (дата обращения: 19.11.2025).

10. Optimizing the Alternate Targeting Methodology F3EAD // Line of Departure. URL: <https://www.lineofdeparture.army.mil/Journals/Military-Intelligence/MIPB-January-June-2024/Optimizing-the-Alternate-Targeting-Methodology-F3EAD/> (дата обращения: 19.11.2025).

11. F3EAD: Find, fix, Finish, Exploit, Analyze and Disseminate – the Alternative Intelligence Cycle // ReliaQuest. URL: <https://reliaquest.com/blog/f3ead->

find-fix-finish-exploit-analyze-and-disseminate-the-alternative-intelligence-cycle/
(дата обращения: 19.11.2025).

12. Special Inspector General for Operation Atlantic Resolve | Quarterly Report to the United States Congress | April 1, 2025 – June 30, 2025 // Office of Inspector General. URL: <https://www.stateoig.gov/report-315> (дата обращения: 19.11.2025).

13. Russian Offensive Campaign Assessment, October 11, 2025 // Institute for the Study of War. URL: <https://understandingwar.org/research/russia-ukraine/russian-offensive-campaign-assessment-october-11-2025/> (дата обращения: 19.11.2025).

14. Russian Offensive Campaign Assessment, October 26, 2025 // Institute for the Study of War. URL: <https://understandingwar.org/research/russia-ukraine/russian-offensive-campaign-assessment-october-26-2025/> (дата обращения: 19.11.2025).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБИИ В 2024-2025 ГОДАХ)

Е.О. Муравьёва

История ничему не учит, а только наказывает
за незнание уроков

В.О. Ключевский

Влияние СМИ в современном мире огромно, это поистине смертоносное оружие, способное дестабилизировать политико-территориальные единицы, вносить хаос, учинять гражданские войны, цветные революции и вооруженные конфликты. Таковы реалии XXI века. Развитие информационных технологий сделало информацию более доступной, однако это вовсе не означает, что общество стало более информированным, поскольку потребность дезинформировать это же самое общество не просто существует по сей день, но и в разы возросла. А как известно, военной агрессии всегда предшествовала и предшествует информационная подготовка почвы: действующим лицам всегда заранее навязываются определенные безальтернативные роли – положительные или отрицательные.

Актуальность выбранной проблематики исследования обусловлена следующими положениями:

- Достижение человечеством определенного уровня развития во всех сферах жизнедеятельности породило совершенно новые, ранее неизвестные технологии по вмешательству во внутренние дела и смене политических режимов. Именно поэтому борьба за власть, информацию и ресурсы в современном мире приобретает все более искусные и изощренные формы.
- Евразийское пространство является геостратегической концепцией, которая фактически определена каждой страной, следуя их внутренним геополитическим интересам. Развитие глобальных военных, экономических и политических процессов оказывает прямое влияние на способность Евразийского пространства сохранять единый вектор развития. Общемировая конъюнктура создает ряд значимых вывозов экономического, прежде всего, политического и военно-силового характера, которые угрожают разрушением целостности евразийского пространства, а также безопасности и суверенитету отдельных государств. В данном ключе одной из мощнейших угроз безопасности и целостности евразийского пространства можно по праву считать политические технологии, реализуемые западным блоком стран и направленные, прежде всего, на уничтожение этнической или даже цивилизационной идентичности. В этом ключе представляется крайне важным изучение того, как подобные технологии применяются и, более того, как они трансформируются с учетом современной специфики развития государств и мира в целом.
- В качестве государства, переживающего серьезный этап турбулентности, выбрана именно Сербия, пример которой с содержательной точки зрения является уникальным для ис-

следования. Сербия и Россия являются частями одной цивилизации, последними ее частями, которые еще остались верными себе, своим корням, чья дружба и взаимная любовь прошла испытания столетиями. И хотя не все было безоблачно, в памяти наших народов мы храним эталонные матрицы национальных идентичностей друг друга. Поэтому то, что происходит в Сербии, не может не волновать Россию.

Пример Сербии в контексте использования технологий, направленных на дестабилизацию внутренней обстановки и поэтапную реализацию алгоритма цветной революции, является уникальным, в особенности современный этап (2024–2025 годы).

Уникальность этого случая заключается как раз в том, что назвать происходящее в стране цветной революции в классическом понимании не представляется возможным. И прежде чем перейти к непосредственному анализу ситуации в Сербии в обозначенный выше период, необходимо тезисно осветить проблематику, связанную с понятием «цветные революции» и их ролью в контексте управления общественным мнением.

Цветным революциям посвящен достаточно большой объем литературы и источников, однако важно учесть, что данный феномен освещается в зарубежной и отечественной практике с противоположных научных позиций. Зарубежные, преимущественно западные исследователи рассматривают ЦР как смену политических режимов вследствие назревших внутренних проблем, для отечественных исследователей ЦР детерминированы преимущественно внешним вмешательством и искусственно организованы извне.

Важно отметить, что ЦР стали принципиально новым феноменом политической трансформации XXI века, результатом которых стали планомерная и поэтапная смена политических элит, прежде всего на постсоветском пространстве, и в целом изменение внешнеполитического курса и характера внешнеполитических стратеги-

ческих интересов данных государств в сторону евроатлантической интеграции.

Западные исследователи делают акцент на том, что смена политических элит «якобы иницируется» самыми передовыми слоями общества слаборазвитых государств, стремящихся к установлению демократии.

Однако данное представление о цветной революции уже много лет навязывается всему миру «коллективным Западом» как передовой и эффективный способ политической и социально-экономической трансформации отсталых государств на пути к демократии и процветанию. Стоит признать, однако, что стремление государств к демократии по западному, американскому образцу не гарантирует процветания. На самом же деле цветная революция – это не что иное, как технология мошенничества, результатом которой становится превращение этих стран в колонии, адаптация государственной национальной системы к чужим интересам и их обслуживание: «... пользуясь огромными потерями других ведущих стран мира в ходе Второй мировой войны, США монополизировали мировую финансовую систему, покрыли большую часть планеты сотнями своих военных баз, создали глобальную информационную империю, производящую к началу XXI века около 95 % мировых новостей. Им удалось наладить "утечку умов" со всего мира, скупку национальных элит многих стран, установить глобальные диспропорции в ценах продаваемых и покупаемых ими товаров. И даже процветая за счет всей остальной планеты, США оказались самым крупным должником в мире (34 триллиона долларов) и уже много лет демонстрируют весьма скромные темпы роста по сравнению с рядом других стран» [27].

Считается, что ЦР осуществляются бескровно и ненасильственно, но это только для стран-организаторов, не для колонизируемых стран: сама смена политической элиты осуществляется «местными кадрами» или «местной агентурой», а организуется извне. Перехва-

тив управление в суверенных странах, организаторы готовы проливать реки чужой крови.

Самым ярким и по праву масштабным примером реализации технологии цветной революции можно считать цивилизационное «преобразование» постсоветского пространства (а ранее Советского Союза): «...но уж если и признавать демократию ценной идеей, то нельзя не согласиться, что цветные революции – нечто ей абсолютно противоположное. По сути, это реализация упакованных в привлекательную для необразованной части населения оболочку технологий политического экстремизма, захвата и удержания власти нелегитимными действиями, включающими террор. Победы "цветных революций" оставляют после себя кровь, человеческое горе, руины стран и обломки народов» [27].

Вышеобозначенная цитата актуализирует важность изучения того, какими методами и в целом каким образом осуществляется процесс манипулирования общественным мнением.

Что представляет собой общественное мнение в самом общем виде? Общественное мнение – явление комплексное и на практике сложно поддающееся анализу и даже строгому определению, поскольку зависит и от знаний, и от интересов, и от ценностей людей, от мировоззрения в целом. Общественное мнение представляет собой оценочные суждения большинства участников крупных социальных групп или общностей, которые отражают в своем содержании отношения к явлениям, процессам, фактам окружающей действительности, отношение социума к решению тех или иных вопросов и проблем во всех сферах жизнедеятельности конкретного общества, отношение к действующей власти в стране, политическим партиям, правительству или отдельным политическим фигурам; общественное мнение всегда предполагает как рациональные, так и эмоциональные составляющие, а также особые формы общественного сознания. Общественное мнение всегда зависит от общества, в кото-

ром формируется, развивается, от особенностей функционирования данного общества, ценностей, культурных и исторических особенностей. Важно также отметить, что общественное мнение подвижно, поскольку данное явление напрямую зависит от условий среды. Движущими силами общественного мнения можно считать массовые потребности социума, ценностные ориентации людей. Именно эти аспекты влияют на динамику общественного мнения, поскольку отражают определенное состояние социума, а также основания или стремления к изменению условий его жизнедеятельности, которые, в свою очередь, могут выражаться через суждения, настроения и оценки. Именно поэтому общественное мнение подвержено манипулированию, поскольку складывается оно как на рациональном (сознательном) уровне, на уровне объективных суждений, так и на подсознательном уровне, для которого как раз характерна эмоциональная неустойчивость. Манипулирование общественным мнением всегда направлено на подрыв его основ, ценностей, установок и даже стереотипов и предрассудков, на которых оно держится. В XXI столетии активная роль в этом вопросе принадлежит средствам массовой информации и их новым разновидностям – социальным сетям. СМИ в публичном поле формирует общественное мнение, которое не просто не отражает реальность, оно может полностью ей противоречить в контексте ценностей, ориентиров, оценок и мнений.

Итак, какова же роль цветных революций в управлении общественным мнением?

Прежде всего, важно сказать, что «цветные революции» – это с технологической точки зрения процесс, реализуемый по одной схеме. Это свидетельствует о том, что цветные революции не могут быть результатом накопившихся противоречий и попыткой их разрешения со стороны большинства населения абсолютно разных по своим особенностям стран. Наивно также полагать, что это стихийное проявление «народного несогласия». Это лишь легенда, за ко-

торой скрывается желание или непосредственный организованный из-за рубежа план государственного переворота с целью сменить политическую элиту страны. Важно отметить, что технология цветной революции имеет свои характерные особенности:

- для успешной реализации цветной революции государство должно находиться в состоянии нестабильности (это главное поле для манипуляций общественным мнением): это может быть общий кризис власти, ухудшение экономического положения, состояние локального или даже регионального конфликта. Это крайне важный фактор: должен быть непосредственный объект воздействия. Если его нет – его необходимо создать, а с помощью, например, социальных сетей распространить. Однако крайне важно учитывать, что состояние нестабильности не предполагает революционной ситуации как таковой, речи не идет о социально-экономической или политической катастрофе;
- цветные революции не предусматривают важнейшей для классических революций цели – трансформации общественного развития, предполагающей изменение политического строя, системы хозяйствования, всей социальной системы. В странах, подвергшихся цветной революции, так называемые «революционеры», выражающие якобы мнение большинства, не предлагали альтернативный социальный проект развития страны, идеологию, программу, стратегию. Все активные действия предполагали лишь смену режима и элиты. Эффективность этих действий обусловлена особенностями современного постиндустриального общества: применением потенциала социальных сетей и созданием сетевых структур, манипуляцией общественным мнением в СМИ, сетевым маркетингом и рекламным менеджментом, НЛП и др.;

- в реализации технологии цветной революции ключевую роль играет стихийность, искусственно формируется агрессивно настроенная по отношению к власти толпа, готовая к разрушительным и противозаконным действиям, которые, в свою очередь, выдаются за общественное мнение или мнение большинства, человек в такой толпе теряет индивидуальность, не способен критически оценивать происходящее, без колебаний идет на различные провокации и нарушения закона, а, значит, им гораздо легче манипулировать и управлять (мощное молодежное протестное движение является одним из звеньев в технологической цепочке цветной революции, а именно в информационно-психологической подготовке к ее реализации);
- для реализации одного из ключевых этапов цветной революции необходим так называемый ключевой момент или политическое событие, связанное либо с выборами, либо с требованием о досрочном проведении выборов. Данное событие позволяет вывести наибольшее число недовольных на улицы на фоне, например, организации параллельной процедуры подсчета голосов в противовес официальной статистике результатов, что подается как попытка фальсификации результатов официальными властями;
- как правило, в рамках психологической операции по подготовке цветной революции важна системная организация оппозиционных сил, выделение конкретных фигур, которые могут олицетворять мнение большинства, желание перемен, постепенно в сознании населения формируется (насаждается в рамках информационно-психологической операции) определенный положительный имидж этой фигуры;
- помимо этого, формируется образ «коллективного врага», действующим лицам всегда заранее навязываются опреде-

ленные безальтернативные роли – положительные или отрицательные, постепенно происходит разделение страны на «наших» и «не наших»;

- важной особенностью цветной революции является принципиально новая роль внешних сил, а также система финансирования цветной революции.

В самом общем виде реализация технологии цветной революции предполагает три ключевых этапа:

1. На первом этапе проводятся символические мероприятия, акции для привлечения внимания, для создания мифа о нелегитимности власти (на этом этапе проверяется как устойчивость самой власти на практике, так и уровень протестного потенциала общества, готовности к переменам).

2. На втором этапе, как правило, происходит планомерная дискредитация государственной системы посредством пропаганды и агитации, привлечения сотрудников самой государственной системы, чья деструктивная роль может значительно подорвать устойчивость даже относительно стабильной государственной системы.

3. На третьем этапе предполагается непосредственно сам процесс «свержения власти». На этом этапе значительную роль играет финансовая, информационно-психологическая поддержка страны-организатора. При этом, важно отметить, что цветные революции осуществляются именно в тех регионах, которые попадают в зону интересов ведущих игроков мировой политической системы.

В настоящее время одним из самых эффективных инструментов реализации цветной революции становятся социальные сети. В целом каждый из вышеперечисленных этапов реализуется в том числе при активной поддержке (сопровождении) социальных сетей. Социальные сети не просто информируют людей, они способны создавать альтернативную реальность. Социальные сети используются в качестве координирующего элемента для деятельности различных

разрозненных сил и структур, которые сложно выявить и обезвредить. Социальные сети благодаря силе слабых связей в кратчайших срок формируют большие массы сторонников, распространяющих «революционные идеи», готовых к дальнейшим конкретным действиям. Именно через социальные сети организаторы цветной революции вовлекают в протестную активность все большее число недовольных людей, используя при этом проблемы и накопившиеся противоречия в обществе.

Итак, социальные сети и созданные сетевые структуры в контексте цветной революции выполняют следующие функции:

- формирование новых смыслов: в результате социальная группа будет совершать действия в интересах организатора;
- осуществление контроля за деятельностью этих социальных групп;
- создание сложного механизма для манипуляции сознанием и поведением социальных групп в конкретных ситуациях.

В конечном счете технологию цветной революции можно назвать технологией информационно-психологического воздействия, а значит, управления обществом. Результатом осуществления цветной революции становится не трансформация всего общественно-политического строя, а только лишь смена политической элиты страны, и часто к власти приходят лица, которые являются ее частью, то есть заранее подготовленная «местная агентура».

На основании вышеизложенного материала необходимо осветить ситуацию в Сербии в контексте возможного применения технологии цветной революции.

В процессе анализа данного вопроса была выявлена значительная поляризация мнений и аргументов как в отечественном аналитическом сообществе, так и непосредственно в сербском на предмет оценки происходящего.

Однако прежде чем освещать специфику современной ситуации, необходимо сказать, что именно территория Югославии (5 октября 2000) была одна из первых плацдармов для отработки или прокатки технологии осуществления цветной революции. 7 октября 2000 года в Союзной Республике Югославии после нескольких дней массовых протестов, охвативших Белград, действующий президент С. Милошевич подал в отставку, не дожидаясь второго тура президентских выборов. Эти события стали известны в мире как «бульдозерная революция». В отличие от прежних переворотов, вместо оружия в арсенале протестующих были яркие символы, звучные слоганы, массовые акции и помощь иностранных консультантов, в том числе финансовая. Те октябрьские события, поставившие точку в существовании Югославии, стали хрестоматийным примером того, что несколькими годами позже назовут цветными революциями [1].

Так что же происходит в Сербии сейчас?

По всей Сербии уже около года проходят самые массовые антиправительственные протесты. Что это – «цветная революция» или прорвавшийся из глубины народных масс праведный гнев?

Как уже было отмечено ранее, в рамках анализа была выявлена существенная поляризация мнений относительно происходящих событий. Нет однозначного подхода: российские СМИ обозначают события в Сербии как попытку осуществить цветную революцию, сербские политологи обосновывают протесты внутренними назревшими причинами, и только; российские исследователи скорее держатся середины, акцентируя свое внимание на возможной трансформации технологий осуществления ЦР применительно конкретно к Сербии [2].

Итак, позиция защитников сербских протестов буквально следующая:

Начиная с момента обрушения козырька вокзала в Нови-Саде 1 ноября, где погибли 15 человек, в стране не стихают протесты. Трагедия в Нови-Саде стала лишь очередным витком уже проходив-

ших до этих протестов: до этого протестовали против литиевой шахты (экологические протесты), были протесты, связанные с выборами, оппозиция протестовала, обвиняя правительство в подтасовке результатов. До этого были протесты, связанные с действиями Черногории: черногорские власти пытались ограничить влияние сербской православной церкви путем поддержки непризнанной черногорской православной церкви, протестующие обвиняли президента и правительство в том, что они оказывают недостаточную поддержку церкви. Протесты были, с одной стороны, тематическими, но с другой – антиправительственными, именно это их объединяет [3].

Трагедия в Нови-Саде, по мнению сторонников, исключительно внутренне организованного «народного бунта», стала катализатором последующей радикализации протестов. Официальные же власти, по их мнению, для отвлечения внимания и снятия с себя всякой ответственности, настойчиво продвигают как внутри страны, так и за ее пределами идею о том, что это «цветная революция», организованная западными спецслужбами. Помимо этого, ряд российских экспертов и публичных фигур также говорят о цветной революции в Сербии, катализатором которой стали студенты как символ всеобщей консолидации сербов.

В социальных сетях мелькают провокационные ролики и публикации, рядом с протестующими замечены известные лица зарубежных спецслужб, в отдельных видео показано, как кормят протестующих, многие проводят аналогии с Майданом в Киеве и видят все признаки «цветной революции». При детальном рассмотрении все совсем не так однозначно с точки зрения защитников протестных акций [4].

Аргументы в поддержку протестов и против осуществления «цветной революции» следующие: обрушение козырька на вокзале Нови-Сада было связано с нарушениями при проведении реконструкции здания. Технические документы так и не были преданы

гласности, состояние неопределенности, по их мнению, только нагнетало обстановку.

Далее они акцентируют внимание на требованиях студентов, которые не были политическими, и которые можно свести к четырем основным положениям, сформулированным к февралю уже 2025 года:

- 1) требование обнародовать все документы о реконструкции вокзала и привлечь к ответственности всех виновных в трагедии;
- 2) требование найти и наказать виновных в нападении на протестующих в Белграде в декабре (наезд автомобиля на протестующих и другие акции);
- 3) требование прекратить уголовное преследование участников протестов;
- 4) требование увеличить финансирование университетов [5].

Защитники протестов особо подчеркивают, что данные требования не являются политическими. Однако официальные власти не спешат идти, по их мнению, на уступки: документы не опубликованы, виновные не наказаны. По непонятным для них причинам в отставку был отправлен председатель правительства М. Вучевич, однако этого требования протестующие не выдвигали.

Следующим аргументом в защиту протестов была их масштабность. Как известно, цветные революции – искусственная процедура, не отражающая истинных проблем в обществе, организаторы не стремятся решать эти проблемы, и, как правило, подобные мероприятия не находят отклика у основной части населения, реализуются они весь компактно, преимущественно в самых крупных городах и в столице, там, где сосредоточены органы власти, где ситуацию необходимо дестабилизировать, а власть свергнуть. В сравнении с вышеперечисленными характеристиками, протесты в Сербии охватили уже более двух сотен городов.

Кроме того, защитники протестов делают акцент на отсутствии провокаций со стороны самих протестующих в отношении предста-

вителей силовых структур. Лозунги протестующих сводятся к беззаконию, что проявляется в сдаче Косово, активном втягивании страны в НАТО, вынужденном переселении сербов, продаже земли и недр иностранцам, долгах страны, проблемах с мигрантами, росте налогов, в том, что президент в буквальном смысле подчинил себе власть и прессу, судебную систему, что отражает конкретные назревшие, с их точки зрения, проблемы. И даже несмотря на вышеизложенные аспекты, протестующие совсем не призывали к свержению власти [7].

Стоит все же в рамках данного блока подчеркнуть, что требования протестующих впоследствии все же стали политическими: студенты различных учебных заведений и присоединившиеся к ним жители близлежащих городов потребовали роспуска парламента (Скупщины) и проведения внеочередных парламентских выборов, а также отставки президента страны А. Вучича. Это были ультиматумы демонстрантов. Президент назвал все эти требования провокациями, отверг их, что и стало причиной радикализации протестующих и массовых столкновений с полицией, возведения баррикад и блокировки критической инфраструктуры Белграда.

Внутри сербского политического истеблишмента позиции разные: как уже сказано, официально президент назвал подобные манифестации «цветной революцией», подогреваемой извне. Другие же деятели правительства винят в целом Запад, который недоволен «дружескими отношениями» Москвы и Белграда и старается добиться смены правительства и президента. Однако, по мнению защитников протестов, никаких доказательств так официально и не было предоставлено общественности. Сами же участники выступили против любого иностранного вмешательства и особо подчеркнули, что протесты направлены исключительно против коррумпированного режима президента А. Вучича, ведущего явный прозападный, с их точки зрения, курс. Защитники протестов при этом понимают, что народное недовольство может быть использовано силами Запада для

смены сербской политической верхушки, однако в этом в целом нет смысла, поскольку политический истеблишмент, говорят они с уверенностью, и так служит странам Запада «верой и правдой».

Сторонники протестов уверены, что именно Запад должен быть заинтересован в сохранении режима А. Вучича, который внешне кажется национально ориентированным, пророссийским, однако, по сути, курс страны ориентирован на активный процесс евроатлантической интеграции. Возможно также, что для того чтобы сбить волну протестов, западные страны могут сменить президента Сербии на менее одиозную фигуру, этого защитники протестов не исключают, однако есть риски потерять Сербию как источник природных ресурсов и возможный инструмент давления на Россию в различных сферах. Президент А. Вучич же, по их мнению, хочет всячески удерживать свои позиции, показать таким образом своим западным партнерам, что все под его контролем и что он остается им лояльным, а заодно не угодить на скамью подсудимых в случае отставки за многочисленные преступления. В итоге, с точки зрения сторонников манифестаций, если в планах Запада все же есть цель сместить с поста президента Сербии, то это только для того, чтобы на его место поставить такую же «прозападную марионетку», которая продолжит евроатлантический курс страны и в конечном счете пойдет на предательство России, поскольку никому не нужен в Сербии национально ориентированный лидер, да еще и укрепляющий партнерство с официальной Москвой [8].

Что же касается позиции отечественных исследователей, в качестве примера хотелось бы обозначить анализ Е.Г. Пономаревой, доктора политических наук, профессора МГИМО, специалиста по цветным революциям.

В первую очередь она акцентирует внимание на названии протестов студентов: на сайте студенческого протестного движения, которое имеет очень говорящее название «Студенты в блокаде», написано, что «требования не выполнены, блокада продолжается, конец

настанет тогда, когда мы скажем», – это, с точки зрения политолога, очень плохой знак. Далее она делает акцент на том, что речь действительно идет об использовании масштабного недовольства властью, которое накапливалось в течение многих лет, триггером которого стало обрушение крыши вокзала в Нови-Саде, с этого момента протесты только усиливались. Сербские власти, анализирует Е.Г. Пономарева, повели себя очень неразумно, не провели открытых слушаний по назревшим проблемам, по факту трагедии в Нови-Саде, не встретились с представителями общественности, не успокоили население, что будет проведено тщательное расследование (это в том числе связано и с соглашением по добыче редкоземельных металлов, это лишь добавило протестной активности) [8].

Е.Г. Пономарева далее говорит о том, что после отставки председателя правительства в январе 2025 года парламент должен был собраться для назначения нового руководителя исполнительной ветви власти (поскольку Сербия – парламентская республика). Длительное время это было сделать затруднительно именно из-за протестов, помимо этого, активисты настаивали на так называемом экспертном правительстве, но совершенно очевидно, что сформировано данное правительство должно быть только из людей, понимающих и имеющих определенный опыт принятия управленческих решений, ими не могут быть те, кто на протяжении многих месяцев бродят по городам, прыгают на улицах, бьют в барабаны и возводят баррикады [9].

В чем же уникальность происходящего в Сербии, по мнению политолога Е.Г. Пономаревой? И почему не совсем правильно говорить о цветной революции в классическом варианте?

Сейчас в Сербии на улицах находятся так называемые патриотические силы, которые рассматривают свои требования через призму национального суверенитета и усиления отношений с Россией, неслучайно очень много российских флагов, очень много православной атрибутики, всевозможных атрибутов, демонстрирующих сербскую

национальную государственность. Как полагает Е.Г. Пономарева, на плечах патриотических сил могут прийти к власти представители совсем других интересов, в этом и кроется опасность. Да, политолог подтверждает, что обозначенные протестующими проблемы действительно существуют, к этому еще добавляются коррупционная составляющая, международный наркотрафик и т. п. Но видно, по каким лекалам совершаются эти протесты, и главный лозунг, который используется в данных протестах «Пумпай», по-сербски «пумпа» – это насос, то есть возможно это означает «Накачивай, раскачивай» ситуацию в стране, и эту раскачку следует воспринимать в общей политической ситуации на Балканах, в частности на постюгославском пространстве. Особо выделяет политолог ситуацию в Республике Сербской (один из энтитетов БиГ), характеризуя ее как «сложнейшую», а Сербия – единственная страна, которая все еще защищает интересы РС в БиГ и в целом в регионе. Ситуация кратко заключается в следующем: суд Боснии и Герцеговины вынес Президенту Республики Сербской М. Додика приговор под надуманным предлогом, который якобы связан с фальсификацией данных о геноциде в период боснийской войны. Уже доказано, что сербы не совершали геноцида, однако страны западной коалиции продолжают разыгрывать эту карту, появилась информация, что М. Додика могут даже заключить под стражу [11–12]. Прямым защитником Республики Сербской и лично ее президента, продолжает Е.Г. Пономарева, сейчас является только Сербия. Протесты же, в свою очередь, могут парализовать деятельность политических институтов в Сербии, и решения по защите Республики Сербской так и не будут приняты, что обязательно возымеет свои последствия. В это же время происходит трагедия в Северной Македонии: при пожаре в ночном клубе погибает много людей, это также вызывает недовольство внутри общества. То есть постепенно локально закипает весь регион, а это обязательно подорвет отношения с Россией в свете общей мировой политической конъюнктуры. Политолог полагает, что на формально

правильных красивых лозунгах происходит фактически попытка совершения государственного переворота и, как бы мы ни соглашались с требованиями протестующих, «бубны, дудки, прыжки, палатки на улицах, организованная раздача еды» – все это заставляет думать о хорошо спланированной акции. Очевидно, есть четкий организационный план и центр, ведь неслучайно эти протесты поддержали в ЕС. Управление протестами пока скрытое, нет непосредственных лидеров, однако в процессе они могут выявиться. Кроме того, очевидно, что вливаются в эти протесты значительные средства, и это вряд ли деньги обычных простых сербов. Е.Г. Пономарева подводит неутешительный итог: в государстве плохи дела, если улица начинает диктовать властям «Конец настанет тогда, когда мы скажем», плюс совершенно недопустимо необдуманно идти у протестующих на поводу, идти на уступки, положительный эффект от этих действий будет лишь временным. Именно поэтому ситуация уникальна, и ее обязательно будут использовать в своих интересах реальные организаторы. Россия официально эти протесты не поддерживает, это вызывает непонимание у патриотических сербов (что тоже может быть на руку организаторам – «русские – предатели»), однако сами сербы пока не видят ничего за пределами этих протестов, не видят последствий [13–14].

Политолог Е.Г. Пономарева резюмирует и приходит к выводу: в этом регионе отрабатываются сейчас самые передовые методы и технологии управления массами, это новые модернизированные подходы, которые применяются не только в этом, но и в том, чтобы запутать по итогу всех и достичь своих целей, достичь власти любыми способами [15].

Вышеописанные аспекты разделяют и ряд местных сербских интернет-порталов, которые в качестве защиты данной позиции предлагают буквально следующее:

- в протестные движения вливаются огромные деньги: флаеры, наклейки, растяжки, баннеры стоят денег. И не малых.

Как, собственно, и другие вещи. Но почему-то никто не спрашивает, откуда ноги растут. Неужели можно подумать, что все это – жертвования сердобольных граждан?

- Символика протестов – кровавая пятерня – очень уж показательная вещь, прямая отсылка к символу движения «Отпор», которое свергло С. Милошевича по указке Запада;
- лидеры студентов обучались на курсах USAID, Сороса и прочих НПО. И сейчас они профессионально выводят на протесты юных «оппозиционеров», которые толком ничего не знают, но страсть как хотят показать себя значимыми и важными;
- в Сербии оппозиция и «протестанты» игнорируют права других граждан;
- в ходе протестов сербы так толком не назвали фамилии кандидата на пост главы государства или хотя бы премьера: просто убрать действующую власть, а там «кто-нибудь найдется», и он обязательно будет лучше. Это свидетельствует о полной политической безграмотности: нет ни кандидата, ни программы. Что же это будет за государство? [16–17]

Интересными в данном контексте являются наблюдения непосредственных очевидцев в самой Сербии и, скажем так, опосредованных участников событий: родителей, чьи дети (школьники или студенты столкнулись с реалиями времени).

Данные сообщения получали родители школьников:

«Уважаемые родители, доносим до вашего сведения, что коллектив нашей гимназии продолжит протесты с 21 января».

«Это выпускной класс, где дети, как и в ряде других школ, вместо того, чтобы учиться, находятся на протестах против власти, "ради будущего" – какого именно будущего, непонятно. И где же здесь ответственность педагогов, профессоров, чья обязанность – дать образование? Ведь это и есть забота о будущем этих детей.

Я понимаю это так: хотите протестовать – хорошо, но выходите после уроков или в выходные. Почему должны страдать те, кто хочет учиться? Где их права? Как всегда, двойные стандарты. Даже в платных вузах такая же ситуация. Люди заплатили деньги за учебу, но вместо этого их ведут на протесты. Не пойдешь – будешь изгоем. А за пропавшие учебные часы деньги не вернут. Якобы, восполнять пропущенные часы будут по субботам и на дополнительных уроках после основных занятий. Только вот почему дети должны жертвовать своим отдыхом? Поэтому эти "уроки ответственности", как называют "прогулы" на рабочих местах наставники, это как раз уроки безответственности и беспредела. Судя по всему, политическая безграмотность – бич сербского общества. Чего требовать от 18-летних подростков, которым любой прогул школы – забава, а еще и с таким "серьезным" поводом? Их родители и педагоги демонстрируют банальное незнание или непонимание истории своей же страны. Достаточно вспомнить студенческие протесты 90-х, "бульдозерную революцию" и то, к чему пришла Югославия/Сербия после (развал государства и общества, нищета, колониальное управление)», – констатирует мама одного из сербских школьников.

Интересна в этом контексте позиция одного из профессоров Белградского университета, доктора исторических наук Ч. Антича. В интервью изданию РИА Новости профессор обозначил, что те из представителей преподавательского состава сербских вузов, кто поддерживает протесты и выступают против президента А. Вучича, очень авторитарны, не склонны к диалогу и могут действовать в интересах других государств. По его словам, о начале протестов и блокировании работы факультетов никто не оповещал официально, и не проводилось ни одного заседания ни ученого, ни педагогического советов: «Первое такое заседание состоялось только спустя почти 80 дней – 20 февраля. Были навязаны решения без обсуждения и рассмотрения, дискуссий и переговоров», – констатировал профес-

сор, добавив, что обсуждений ситуации организаторы забастовки «позорно избегают» и сейчас [18].

Интересен также тот факт, что в Сербии не существует закона о некоммерческих организациях (НКО), включающих в себя и неправительственные организации, как это есть, например, в России. В стране работают сотни неправительственных организаций, кормящихся от западных посольств, различных «фондов по поддержке демократии», включая и организации Сороса. Эти НКО очень активно присутствуют в вузах. Ведь по сербским законам высшие учебные заведения автономны, проконтролировать, кто и чему учит студентов на занятиях, проблематично. Многие профессора грешат тем, что получают дополнительные средства от этих же НКО. Эти организации и воспитывают будущих активистов. Далеко ходить не надо – антиправительственные протесты в Белграде в 2023 году водили студенты, работающие на оппозиционные организации. Например, одно из «лиц» тех акций, Эмилия Маринкович – член Krovne organizacije mladih Srbije (KOMS), финансируемой USAID, Посольством Германии и др. Эта информация в открытом доступе на сайте. Кроме того, она связана с прозападным оппозиционером Драганом Джиласом, «сербским аналогом М. Ходорковского [19–20].

Кто же поддерживает протестующих?

Например, профессор и «журналист» Динко Грухонич, ярый сербофоб и русофоб, обвиняющий сербский народ в геноциде в Сребренице, сторонник отделения Косово. Он возглавляет созданный им же союз журналистов Воеводины, просепаратистскую организацию (отделение Воеводины от Сербии). Он был во главе колонны протестов в Нови-Саде. Еще одна группа кукловодов – лидеры «черной тройки» НКО в стране. Это Драган Попович с женой Майей Стоянович и Игорь Бандович. Они активно работают с молодежью. На блокаду приезжали, помимо всего прочего, хорватские и украинские активисты! Сами студенты, наконец,

признали, что их требования политические. И стоят за ними такие НКО, как ProGlas и CEPRIS, чья цель – дестабилизация Сербии [21–22].

В дополнение к уже обозначенным ранее тезисам интересно добавить рассуждения старшего эксперта РИСИ Антона Демидова. Он, так же, как и политолог Е.Г. Пономарева, обозначает, что точка зрения протестующих, которые настроены, с одной стороны, про-российски, с другой стороны, выступают с осуждением в отношении коррупционных схем власти, понятна. Другой момент – это цели тех, кто стоит за организацией этих протестов, потому что, с точки зрения обывателя, все это может происходить стихийно, но, когда речь идет уже о десятках и сотнях тысяч человек, которые выходят на улицы, то такие мероприятия на самом деле всегда требуют организации. Совершенно точно существуют силы, которые заинтересованы в поддержании и продолжении этих протестов. И эти силы антиправительственные и могут быть заинтересованы в смене власти, они имеют свои интересы. Последняя волна протестов – очень специфическая. Демонстрации организовывались децентрализованно, не было явно выраженного лидера. Как известно, цветная революция не осуществляется стихийно, это технология, у которой есть свои особенности и этапы, есть этап подготовки, в том числе общественного мнения. Эти события необходимо рассматривать с двух аспектов: с одной стороны, это отработка принципиально новых технологий, а с другой стороны, необходимо смотреть на мотивацию участников, часто она вполне оправданна: они вышли с конкретными требованиями, при этом они не видят картины целиком. Организация «Отпор» С. Поповича в свое время занималась изучением технологий цветных революций и возможностей их применения в разных странах, она участвовала в свержении режимов во многих странах, продолжает действовать до сих пор, однако в какой-то момент технологии перестали работать, а значит, нужны принципиаль-

но новые механизмы воздействия на социум. Примечательна роль в ходе протестов одной из НКО – Црта (по-сербски «Черта», хотя это аббревиатура расшифровывается с английского как «Центр исследования прозрачности и ответственности»). На своем сайте они не скрывают, кто их поддерживает, те же структуры, которые осуществляли цветные революции во многих странах мира [23–24].

Опять определенные западные силы заинтересованы в смене правительства, в смене руководства сербского, несмотря на то что президента А. Вучича эти демонстранты обвиняют в том, что он проводит неоднозначную политику, лавирует, сидит на двух стульях, это один из их упреков в его сторону. В этом и заключается парадокс, демонстранты не требуют прозападной политики, они вроде бы настроены пророссийски. А вот организации, которые потенциально курируют эти мероприятия, используют антизападную вроде бы риторику в своих интересах, в этом и парадокс, и факт трансформации технологий цветных революций. Кто же двигает этот процесс? В чем проблема с оппозицией? Дело в том, что демонстранты до недавнего времени всячески проговаривали, что они не связаны с ней, хотя сами оппозиционеры тоже участвовали в этих митингах. Что же движет западным блоком: это и интересы экономики, и общая военно-политическая обстановка, российское присутствие на Балканах, как известно, почти минимально, а Сербия все еще остается таким островком, на котором каким-то образом Россия присутствует. При этом европейцы оказывают давление, просто требуют, чтобы из Сербии окончательно ушел российский бизнес, и это проходит в форме ультиматумов (это касается и российских прав на энергообъекты и торговли оружием, что так активно раскручивается СМИ) [25].

Конечно, российская сторона не может оправдывать многие действия сербского руководства, оно лавирует, делает уступки, однако ситуация в стране крайне непростая, территория полностью окружена странами НАТО, она не имеет выхода к морю, главные ее

торгово-экономические партнеры – это ЕС, это подавляющая часть экспорта для Сербии. Но стоит признать, что, видимо, для Сербии в каких-то моментах придется занять жесткую позицию, прочертить и обозначить красные линии, то есть обозначить те вопросы, по которым уступок со стороны Белграда не будет, иначе это будет использоваться западными странами против самой Сербии, по этой причине действия президента и руководства страны представляются как игра против самих же себя [26].

Подытоживая вышеизложенное, можно обозначить следующее:

1. Цветные революции стали принципиально новым феноменом политической трансформации XXI века, результатом которых стали планомерная и поэтапная смена политических элит. В настоящее время одним из самых эффективных инструментов реализации цветных революций становятся социальные сети, которые не просто информируют людей, они способны создавать альтернативную реальность, а благодаря силе слабых связей в кратчайший срок формируют большие массы сторонников, распространяющих «революционные идеи», готовых к дальнейшим конкретным действиям. Именно через социальные сети организаторы цветных революций вовлекают в протестную активность все большее число недовольных людей, используя при этом проблемы и накопившиеся противоречия в обществе. В конечном счете технологию цветной революции можно назвать технологией информационно-психологического воздействия, а значит, управления обществом.

2. Сербия являет собой пример страны для потенциальной отработки принципиально новой разновидности политических технологий, направленных:

- на смену политической элиты в целом, что все же маловероятно и бесперспективно с учетом действий и уступок президента Вучича;

- продолжающуюся дестабилизацию обстановки в стране, которая создаст условия для усиления политического давления на президента Вучича, который, в свою очередь, будет вынужден идти на дальнейшие уступки в контексте важнейших стратегических вопросов (евроатлантическая интеграция, признание Косово, санкции против России).

3. Опыт Сербии, безусловно, должен быть исследован на предмет возможного повторения подобного сценария на территории современной России и всего евразийского пространства.

Литература и источники

1. Привкус цветных революций. Сербия 2000. URL: <https://sp.sb.by/serbia2000> (дата обращения: 22.08.2025).
2. Вероятно, Сербию охватила цветная революция (ArktosJournal, США) | 20.03.2025, ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/20250320/serbiya-272274047.html> (дата обращения: 24.08.2025).
3. Сербия на пороге революции. Где Россия? | Федеральный информационно-политический журнал «Персона Страны». URL: <https://persona-strany.ru/serbija-na-poroge-revoljucii-gde-rossija/> (дата обращения: 22.08.2025).
4. Политолог Трифкович: Сербия сохранит суверенитет только с помощью России и Китая. URL: <https://life.ru/p/1785834> (дата обращения: 22.08.2025).
5. Бесцветная сербская революция. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2025752030-seSZO.html> (дата обращения: 23.08.2025).
6. Бочарников И.В. Украинский кризис как элемент пояса стратегического окружения России // *Вестник: Международные отношения*. 2014. № 4. С. 7–32.
7. Проблема не в Западе! Что на самом деле происходит на протестах в Сербии? // *Известия / Дзен*. URL: https://dzen.ru/a/Z5JNk_KVx0URY28L?ysclid=m6bw8lmpix881354657 (дата обращения: 22.08.2025).
8. АнаЈурпалова: О паралелним стварностимаруско-српскиходноса – центар за геостратешке студије. URL: <https://geostrategy.rs/sr/ana-jurpalova-o-paralelnim-stvarnostima/> (дата обращения: 24.08.2025).
9. Пономарева Е.Г. Если Запад сломит Республику Сербскую, то следом он «сожрет» Сербию // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2024/09/06/ponomareva-esli-zapad-slomit-respubliku-serbskuiu-to-sledom-on-sozhret-serbiuu.html> (дата обращения: 22.08.2025).

10. Массовые беспорядки в Белграде: сербские пляски Святого Вита – Фонд стратегической культуры. URL: <https://fondsk.ru/news/2025/06/30/massovye-besporjadki-v-belgrade-serbskie-plyaski-svyatogo-vita.html> (дата обращения: 23.08.2025).

11. Пономарева Е.Г. Кто заказчик и в чем реальная цель беспорядков в Сербии – 18.09.2025, Sputnik Беларусь. URL: <https://sputnik.by/20250918/ponomareva-kto-zakazchik-i-v-chem-realnaya-tsel-tsvetnoy-revolyuutsii-v-serbii-1099991387.html> (дата обращения: 22.08.2025).

12. Сербия: на двух стульях трудно усидеть – Фонд стратегической культуры. URL: <https://fondsk.ru/news/2025/06/30/serbiya-na-dvukh-stulyakh-trudno-usidet.html> (дата обращения: 25.08.2025).

13. Евросоюз и Великобритания – главные организаторы попытки 'цветной революции' в Сербии. URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/evrosoyuz-i-velikobritaniya-glavnye-organizatory-popytki-cvetnoj-revolyu-cii-v-serbii-46769.shtml> (дата обращения: 26.08.2025).

14. Протесты в Белграде: причины, цветная революция, кто протестует // Политика. Мир / Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2025/07/04/protesty-v-belgrade/> (дата обращения: 23.08.2025).

15. «Сербия, остановись!», или Запад пытается избавиться от неудобных политиков на Балканах – Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2025/03/16/serbiya-ostanovis-ili-zapad-pytaetsya-izbavitsya-ot-neugodnykh-politikov-na> (дата обращения: 22.08.2025)

16. Сербия: попытка госпереворота или неудобство сидеть на двух стульях? – Фонд стратегической культуры. URL: <https://fondsk.ru/news/2025/08/02/serbiya-popytka-gosperevorota-ili-neudobstvo-sidet-na-dvukh-stulyakh.html> (дата обращения: 27.08.2025).

17. В Сербии не исключили арест Додика этой ночью военными ЕС // УРА.РУ / Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/Z9W3-oQnBwBkgmop> (дата обращения: 22.08.2025).

18. Противники Вучича в вузах Сербии авторитарны, заявил профессор // РИА Новости. 17.04.2025. URL: <https://ria.ru/20250417/serbiya-2011725333.html?ysclid=mfwu8jwaci664898642> (дата обращения: 24.08.2025).

19. В Сербии продолжают протесты на остатки от грантов USAID // Еженедельник «Звезда» / Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/Z7Wh2nCfNTavZbz3?ysclid=mcsqe7tjqt149950785> (дата обращения: 24.08.2025).

20. Donatori – KrovnaorganizacijamladihSrbije. URL: <https://koms.rs/donatori/> (дата обращения: 22.08.2025).

21. Kakosefinansiramo? URL: <https://www.cepris.org/kako-se-finansiramo/> (дата обращения: 27.08.2025).

22. ProGlas. URL: <https://proglas.co.rs/> (дата обращения: 23.08.2025).

23. CRТА: Onama – CRТА. URL: <https://crta.rs/o-nama/> (дата обращения: 23.08.2025).

24. Све о невладиним организацијама: Како су настале, чему служе и ко их плаћа! // ИНТЕРМАГАЗИН. URL: <https://www.intermagazin.rs/sve-o-nevlatinim-organizacijama-kako-su-nastale-cemu-sluze-i-ko-ih-placa/> (дата обращения: 23.08.2025).

25. Глава МО Србије расказао, у кога страна прибавља оружје и технологије // РИА Новости. 25.09.2025. URL: <https://ria.ru/20250923/serbija-2043821757.html>, дата обращения: 22.08.2025).

26. Почему политический кризис в Србије не имеет решения в обозримом будущем // Клуб «Валдај». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskiy-krizis-v-serbii/> (дата обращения: 26.08.2025).

27. Горький привкус «цветных революций»: сб. ст. / сост.: М.А. Макарычев, С.Г. Мусиенко, М.В. Осипов; вступ. слово А. Запесоцкого. М.: Молодая гвардия, 2024. 438 с.

28. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое изд-во, 2005. 84 с.

29. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили / С.Г. Кара-Мурза. М.: Алгоритм, 2005. 528 с.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Белоконь Сергей Петрович – вице-президент Академии военных наук, доктор технических наук.

Бочарников Игорь Валентинович – руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор политических наук, действительный член Академии военных наук, руководитель 1 Отделения – Отделения Общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук.

Галаганова Светлана Георгиевна – доцент кафедры информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана, член Союза писателей России, кандидат философских наук.

Горюшкина Анастасия Дмитриевна – магистрант 2-го курса кафедры информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Дмитриева Мария Юрьевна – магистрант 2-го курса кафедры информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Доронин Александр Иванович – эксперт проекта «Школа молодого этнополитолога», кандидат экономических наук, доцент.

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, заведующий кафедрой политологии и политологического анализа РГСУ.

Игнатов Данила Сергеевич – магистрант 2-го курса кафедры информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Идилов Ибрагим Ирагиевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента инноваций и бизнеса ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии военных наук, г. Грозный, Россия.

Канаев Алексей Александрович – аспирант первого года обучения кафедры педагогики и цифровых образовательных технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Катков Олег Николаевич – доцент кафедры информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана, кандидат исторических политических наук, доцент.

Муравьева Евгения Олеговна – старший преподаватель кафедры информационной аналитики и политических технологий факультета «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Овсянникова Ольга Александровна – исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, член-корреспондент Академии военных наук, кандидат педагогических наук, доцент.

Понкин Игорь Владиславович – директор Автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата» Олимпийского комитета России, доктор юридических наук, профессор.

Ремарчук Валерий Николаевич – декан факультета «Социальные и гуманитарные науки», заведующий кафедрой информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор.

Ювачёв Максим Юрьевич – руководитель исследовательской группы «Астра», полковник запаса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ремарчук В.Н. Приветственное слово	3
Белоконь С.П. Приветственное слово	7

Часть I

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Ремарчук В.Н. Понятие и инструментарий дескриптивной (описательной) аналитики	9
Понкин И.В. Интуитивная аналитика: методы и технологии	34
Бочарников И.В. Информационно-аналитическая работа по формированию общественного мнения и управлению им в вооруженных конфликтах и в специальных операциях	43
Галаганова С.Г. Меметика: от теории культуры – к практике когнитивной войны	66
Катков О.Н. Перспективы использования платформенных подходов в социальном управлении	81
Доронин А.Д. Информационная аналитика как сфера междисциплинарных исследований	89
Канаев А.А. Роль онтологии при проектировании архитектуры автоматизированной системы управления знаниями	96
Горюшкина А.Д. Возможности применения методов искусственного интеллекта при моделировании нечетких когнитивных карт	104

Игнатов Д.С. Сравнение библиотек для проведения сентимент-анализа на языке программирования Python	112
Дмитриева М.Ю. Основные подходы к сценарному прогнозированию городского развития (на примере города Москвы)	121

Часть II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Егоров В.Г. Россия в многополярном мире	129
Овсянникова О.А. Истоки формирования и эволюция национальных интересов России	152
Идилов И.И. Шанхайская организация сотрудничества – новая система глобального управления	167
Ювачёв М.Ю. Слабые сигналы злонамеренной деятельности противника в серой зоне: проблемы обнаружения	174
Муравьёва Е.О. Трансформация политических технологий по управлению общественным мнением в современной политической практике (на примере протестных процессов в Республике Сербии в 2024–2025 годах)	198
Авторский коллектив	225

Научное издание

**ИНФОРМАЦИОННАЯ АНАЛИТИКА
И ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Подписано в печать 18.03.2026 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,5. Заказ 3533. Тираж 99 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. +7 (916) 692-13-55
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru

